

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2024, том 18, № 2 (66)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – врио начальника ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армения, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160033, г. Вологда,
ул. Текстильщиков,
д. 20а

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
28.06.2024

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	118
СТАРОДУБЦЕВ Г. С. Международно-правовая публицистика русского зарубежья	118
ШАХАНОВ В. В. Культурно-историческая юриспруденция как метатеория в сфере общегуманитарной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы	128
КУРГУЗКИНА Е. Б., ВЛАСОВА Н. А. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение массовых беспорядков	135
КОЛОКОЛОВ Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы)	145
АВДЕЕВА Е. В. Мошенничество: крупный и особо крупный размер сегодня соответствует ли той степени общественной опасности, которая была заложена законодателем изначально?	156
КОБЕЦ П. Н. Совершенствование механизмов уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе эволюционирования цифрового общества	165
САМОХВАЛОВ И. Ю., СКАКОВ А. Б., СТЕПАНОВ М. В. Эффективность проведения расследования уголовных дел при использовании помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, на территории воспитательной колонии	171
ДВОРЯНСКОВ И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы	179
ЩЕПАЛОВ С. В. Назначение административного ареста как исключительная прерогатива суда	187
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	196
ЩЕРБАКОВ Г. В., БАЛАМУТ А. Н., КРЯЖЕВА С. Г. Психологические критерии исправления осужденных: возможность разработки и проблемы внедрения	196
ЗАУТОРОВА Э. В. Отношение к семье у осужденных, имеющих алкогольную зависимость	204
ПИСАРЕВ О. М. Представления сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о модели служебного поведения, формирующей гуманное отношение к осужденным.	210
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	219
КИРИЛЛОВА Т. В. Составляющие педагогической культуры преподавателей Федеральной службы исполнения наказаний	219

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.001

Международно-правовая публицистика русского зарубежья

ГРИГОРИЙ СЕРАФИМОВИЧ СТАРОДУБЦЕВ

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
dexter77@list.ru

Реферат

Введение. В статье анализируется правовая публицистика европейской и азиатской ветвей российской эмиграции. Показана деятельность юристов-международников по освещению правовых событий и анализу соответствующих документов. *Цель* статьи заключается в том, чтобы на основе доступных в настоящее время русскоязычных публикаций провести историко-юридический и культурологический анализ международно-правовой науки русской эмиграции как социально-культурного феномена, раскрыть и осветить важнейшие моменты научно-издательской деятельности юристов-международников, протекавшей в своеобразных условиях русского зарубежья. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации, текстологический, формально-юридический, сравнительно-правовой, сравнительно-исторический методы, методы анализа, обобщения. *Результаты:* обозначено проблемное поле – значительный пласт международно-правовой культуры, наработанный российской эмиграцией, по-прежнему закрытый временем и пространством. Но и то, что найдено, проанализировано и освещено, свидетельствует о создании русской зарубежной науки международного права стараниями ученых-эмигрантов. Исследование направлено на воссоздание целостной картины развития постреволюционной российской международно-правовой науки, реконструкцию ее эмигрантской составляющей, продолжившей лучшие традиции и показавшей высокий профессионализм дореволюционной научной мысли, что представляется чрезвычайно важной задачей современной российской науки международного права, переживающей сложный процесс переосмысления старых представлений. Делается *вывод* о важности изучения этого исключительно ценного и склонного к исчезновению багажа знаний.

Ключевые слова: эмиграция; зарубежная Россия; русское зарубежье; международно-правовая диаспора; международное право; наука международного права; международный суд.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Стародубцев Г. С. Международно-правовая публицистика русского зарубежья // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 118–127. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.001.

On Journalism of the Russian Diaspora

GRIGORII S. STARODUBTSEV

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, dexter77@list.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes legal journalism of the European and Asian branches of Russian emigration. The activity of international lawyers in covering international legal events and analyzing relevant documents is shown. *Purpose:* to conduct a historical, legal and cultural analysis of scientific works of Russian emigrants as a socio-cultural phenomenon on the basis of currently available Russian-language publications, to reveal and highlight crucial aspects of scientific and publishing activities of international lawyers, which took place in specific conditions of the Russian abroad. *Methods:* theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, textual and formal legal methods, comparative legal, analysis, generalization, and comparative historical. *Results:* a significant layer of international legal culture, accumulated by Russian emigration, is still closed by time and space. It is concluded that the Russian foreign science of international law has been created due to efforts of emigrant scientists. The conclusion is made about the inevitability of studying this rare, extremely valuable and prone to disappearing baggage of knowledge.

Keywords: emigration; foreign Russia; Russian diaspora; international legal diaspora; international law; science of international law; International Court of Justice.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Starodubtsev G.S. On journalism of the Russian diaspora. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 118–127. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.001.

Введение

Следствием Октябрьской революции 1917 г. явился массовый исход российских граждан в различные страны, интенсивно продолжавшийся до 1922 г. Российская эмиграция по своей численности и интенсивности – явление уникальное в мировой истории [1]. Она не может быть сопоставлена ни с политической эмиграцией поляков после трех разделов Польши в XVIII в., ни с французской, последовавшей после революции 1789 г. Она не может быть также сравнима с историей расселения евреев или армян. Эта своеобразная этнокультурная общность сложилась стремительно, всего лишь за несколько лет. По образному замечанию юриста-международника Б. Э. Нольде, общность, изгнанная с Родины и создавшая свою собственную «страну» без физических и юридических границ, получила наименование зарубежная Россия или русское зарубежье.

Численность зарубежной России определяется в два миллиона человек. Именно эта цифра наиболее часто озвучивалась в эмигрантской печати [2]. Наибольшее количество эмигрантов находилось в Германии (500 тыс. чел.), Франции (400 тыс.) (по данным софийской газеты «Русь» от 3 июня 1924 г. № 380, с. 12), Китае (400 тыс.), Польше (350 тыс.) (по данным эмигрантской газеты «Руль» от 10 октября 1922 г. № 567, с. 5). Число эмигрантов в других странах было сравнительно невелико. Так, в апреле 1922 г. в Болгарии находилось около 20 тыс. русских беженцев (по данным берлинской эмигрантской газеты «Накануне» от 22 апреля 1922 г., № 22, с. 5), Австрии – 7 тыс., Эсто-

нии – 14 тыс. (по данным эмигрантской газеты «Руль» от 5 октября 1922 г. № 563, с. 5) и т. д. Югославия приняла 35 тыс. выходцев из России, Чехословакия – 22 тыс., Румыния и Греция – 50 тыс., страны Балтии и Финляндия – 100 тыс. [1, с. 34–35].

Эмиграция российских юристов-международников имела свои особенности. Ее основными направлениями были южное (Константинополь и далее – Болгария, Королевство сербов, хорватов и словенцев (преимущественно Сербия), Чехословакия, Франция), северо-западное (Финляндия, Швеция, Германия, Чехословакия, Франция) и восточное (Китай, далее – США).

Исторически первыми центрами российской международно-правовой научной диаспоры были Харбин, Константинополь и Берлин. Харбин таковым оставался все межвоенное время. В Европе же «столицами» российской зарубежной науки международного права поочередно являлись Берлин, Прага и Париж.

К 1922 г. в основе своей сложилась зарубежная Россия, в рамках которой оформилась российская научная международно-правовая диаспора [3]. К 1922 г. были созданы научные организации российской эмиграции: харбинская, константинопольская, болгарская, германская, парижская, чехословацкая, английская, итальянская, эстонская, югославская и через некоторое время североамериканская академические группы. С 1921 г. регулярно издавались научные труды [4], созывались научные съезды. В эмиграции оформилось большое количество издательств, печатались сотни журналов и газет [5], в ко-

торых размещались международно-правовые публикации. Изменение в современной России отношения к творчеству эмигрировавших ученых требует от нас более пристального внимания к научному наследию русской эмиграции, чьи издания (обычно малотиражные) реже других проникали на территорию бывшего Советского Союза.

Сегодня сложились определенные центры изучения русской эмиграции. Среди них можно выделить Российскую государственную библиотеку (РГБ), Государственную публичную историческую библиотеку (ГПИБ), Всероссийскую государственную библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ), Российскую национальную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РГБ), Библиотеку Российской академии наук (БАН) и др. Наиболее значительный фонд изданий русского зарубежья сосредоточен в РГБ – около 120 тыс. единиц хранения, опубликованных на русском языке за рубежом после 1917 г., включая более 650 наименований эмигрантских журналов и 250 наименований газет [1, с. 8–9].

Главная трудность в работе с этими источниками заключается в их поиске, отыскании в них международно-правовых статей, необходимости разбора текстов на ветхих от времени страницах. Некачественная печать, склонность к исчезновению и угасание текста – дополнительные проблемы. Характеризуя весь массив этих источников, отметим высокую степень информативности и видовое разнообразие содержащихся в нем материалов.

Международно-правовая публицистика русского зарубежья никогда не исследовалась в отечественной литературе. Сам же термин «публицистика» трактуется по-разному, хотя и без принципиальных отличий. В контексте настоящей статьи публицистика понимается как газетно-журнальный жанр литературы, посвященный актуальным общественно-политическим вопросам, то есть совокупность газетных и журнальных статей, брошюр и т. п., обсуждающих общегосударственные или общественные интересы [6].

Тема данной статьи на протяжении десятилетий была запретной в советской международно-правовой науке. Этим объясняется полное отсутствие до конца XX в. отечественной литературы о международно-правовых изысканиях ученых российской эмиграции. Имевшиеся исследования были посвящены общему анализу культурного наследия эмиграции – художественной и философской прозы, публицистики, литературной критике и т. д. Они не содержали никакой или почти никакой информации о литературе международного права русского зарубежья.

Отсутствие публикаций по данной теме объясняется, с одной стороны, ее сложностью, а с другой – тем, что в юридической науке пока только разворачивается «совмещенное» изучение двух потоков российской правовой мысли и двух общностей российских ученых-юристов, предпринимаются лишь первые шаги рассмотрения их как двух частей единого целого. Такая проблема существовала давно, но условия для ее решения в России сложились лишь в последнем десятилетии XX в.

Для современной российской науки международного права, переживающей сложный процесс переосмысления старых представлений, чрезвычайно важно обратиться к эмигрантской юридической мысли, которая продолжала лучшие традиции и высокий профессионализм дореволюционной международно-правовой науки.

Цель статьи заключается в том, чтобы на основании доступных к настоящему моменту русскоязычных публикаций провести историко-юридический и культурологический анализ международно-правовой науки русской эмиграции как социально-культурного феномена, раскрыть и осветить важнейшие моменты научно-издательской деятельности юристов-международников, осуществлявшейся в своеобразных условиях русского зарубежья.

В статье отсутствует обзор изданий на иностранных языках, поскольку они не относятся к публицистике русского зарубежья. В иностранных журналах и газетах русские ученые также публиковались, предельно апробируя свои мысли в русскоязычных изданиях.

Основная часть

Эмигрантская периодическая печать имеет исключительное значение для познания юридической мысли русского зарубежья. В эмиграции существовало большое количество изданий, в которых широко освещались проблемы международного права, освещалась жизнь юридических заведений, охотно печатались статьи по международному праву, давались критические обзоры и рецензии. Наиболее авторитетными и популярными изданиями эмиграции являлись журналы «Грядущая Россия», «Современные записки», «Право и хозяйство», «Еврейская трибуна» (Париж), «Русская книга» и «Новая русская книга» (Берлин), «Вестник Маньчжурии» (Харбин), «Новый журнал» (Нью-Йорк), а также газеты «Последние новости», «Возрождение», «Россия и славянство», «Русская мысль» (Париж), «Руль» и «Накануне» (Берлин), «Новое время» (Белград), «Русь» (София), «Русский голос» (Харбин)..

Значимым источником юридической мысли являются сборники научных трудов российских ученых за границей. Отметим все двенадцать томов «Известий юридического факультета» в Харбине, «Труды русских академических организаций за границей» (5 томов), «Труды русских ученых за границей» (4 тома), «Записки русской академической группы в США» (27 томов) и т. д.

Колоссальный объем знаний содержит справочно-информационный материал. Имеется обширная библиографическая и энциклопедическая литература, изданная в Москве, Белграде, Бостоне, Гааге, Лондоне, Мюнхене, Нью-Йорке, Париже и Праге. На основании изучения архивных источников вводятся в научный оборот новые материалы.

Новым для историко-правового исследования является прием, при помощи которого осуществляется анализ международно-правовой мысли русского зарубежья: влияние оторванности от России, деятельность в условиях инонациональной среды, многотрудность жизни и творчества в изгнании про-

слеживается на самых различных уровнях – от обобщенно-теоретического до конкретно-практического.

Комплексное изучение публицистики позволяет воссоздать картину жизни и деятельности юристов-международников, определить их труды и основные научные концепции, и, таким образом, ввести в научный оборот новые материалы. В предлагаемой работе дается обзор лишь небольшой части трудов по международному праву, изданных в журналах и газетах русского зарубежья, скрытых от читателя, разбросанных по тысячам архивных документов, упрятанных от глаз исследователя обзорами, справками, прошениями, аккумулярованными в отчетах, лекциях, рефератах, статьях, монографиях, личных письмах и воспоминаниях. Данный обзор может быть полезен и поучителен для педагогической деятельности в современных российских юридических учебных заведениях.

Интеллектуальный международно-правовой потенциал российской эмиграции – неотъемлемая составная часть общенационального достояния. Он должен быть возвращен на Родину, вовлечен в отечественную науку и тщательно изучен. В науке не должно быть забытых имен. Каждое поколение юристов вносило свой вклад в развитие международно-правовых концепций. Наш долг – восстановить прошлое. Мысли ученых зарубежной России и сейчас могут значительно расширить наши представления о многих понятиях современного международного права.

Остановиться на всех изданиях физически невозможно. Их анализ, нахождение имен, трудов – дело будущих ученых, так же как и определение объема русской зарубежной международно-правовой периодики. Поставив перед собой более скромную задачу – дать беглый обзор русскоязычной эмигрантской международно-правовой литературы, коснемся лишь наиболее известных и авторитетных журналов и газет русского зарубежья.

В 1920 г. в Париже начал издаваться еженедельник «Еврейская трибуна» [7]. С журналом сотрудничали литераторы, публицисты, общественные деятели. В числе постоянных авторов были юристы Б. С. Миркин-Гецевич (Мирский), М. В. Вишняк, А. Н. Мандельштам, Б. Э. Нольде, Б. Е. Шацкий и др.

Международно-правовые статьи занимали достойное место в научном арсенале журнала. Плодотворно писал М. В. Вишняк. Его перу принадлежат работы «Суд Лиги Народов и защита прав меньшинств» (1920, № 42), «Лига Наций и права меньшинств» (№ 31 (136)), а также «Права меньшинств и общества Лиги Наций» (№ 34 (139)), «Права меньшинств и раскол в союзе обществ Лиги Наций» (№ 36 (141)).

Активно печатался в «Еврейской трибуне» Б. Е. Шацкий (№ 38 (143)) и особенно Б. С. Миркин-Гецевич (под псевдонимом Б. Мирский) (№ 40 (145), 44 (149), 46 (151), 2 (178)), сферой специального юридического интереса которого были международные права национальных меньшинств. Этой теме посвящена серия статей автора: «Гарантии прав меньшинств. К заседанию Лиги Наций в Женеве» (1921, № 50), «Права меньшинств» (1921, № 55) и др.

С журналом плодотворно сотрудничал Б. Э. Нольде. Он напечатал статью «Права меньшинств и меж-

дународное право» (1920, № 7) и поместил некролог на смерть В. М. Гессена (1920, № 17), в котором, частности, отмечал: «Россия – не просто совокупность квадратных верст и миллионов населения; это – нравственный союз русских граждан во имя сохранения и творчества великой национальной культуры» [].

Вопросы международного права излагались и на страницах журнала «Грядущая Россия». Он был первым большим литературным журналом русского зарубежья, два номера которого вышли в Париже. В них нашли свое отражение международно-правовые проблемы. «Грядущая Россия» плавно переросла в самый именитый журнал зарубежья «Современные записки», в котором дебютировал Б. Э. Нольде. В последующем практически ни одно из значительных эмигрантских изданий не обходилось без его работ, в том числе и международно-правового характера.

С именем Б. Э. Нольде связано и издание журнала «Право и хозяйство», где он был редактором вкуче с другим юристом-международником Б. Е. Шацким. Журнал начал выходить в Париже в 1925 г. и являлся специальным юридическим изданием русского зарубежья. Помимо редакторов в его издании приняли ближайшее участие ряд видных ученых, в том числе А. Н. Мандельштам.

Журнал «Современные записки» – один из немногих примеров литературного долголетия в эмиграции. Возникшее в Париже в конце 1920 г. издание просуществовало до 1940 г. Интересно и разнообразно был поставлен в журнале научный отдел. Много писалось на юридические темы, в том числе и по проблемам международного права. В этой связи отметим Г. Д. Гурвича, Б. Э. Нольде, А. Н. Мандельштама, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. А. Корфа, Б. С. Миркин-Гецевича, К. Н. Гулькевича, Ю. Н. Данилова, С. О. Загорского, Б. Е. Шацкого, которые украшали страницы «Современных записок» в первые пять лет. Работы Нольде Б. Э. «Лига Народов и международный суд» [8], Корфа С. А. «Федерализм и централизация в современной Америке» [9] и Руднева В. В. «Лига Наций и международное рабочее законодательство» [10] были опубликованы уже в первом номере журнала.

Решения Гаагской конференции 1907 г., комиссии десяти юристов, созданной Миланской конференцией Обществ Лиги Наций 1920 г., Совета Лиги от 27 октября 1920 г. касательно постоянного Международного суда рассмотрены во втором номере журнала. Известный ученый А. Н. Мандельштам, являясь участником многих международных конференций, достаточно ясно обрисовал историческую канву идеи постоянного Международного суда [11].

Изюминкой четвертого номера стала статья маститого ученого, историка и археолога М. И. Ростовцева. По его словам, «в современной научной литературе нет книги, в которой вопрос об истории международных отношений и международного права в Древнем мире был бы разобран полно и обстоятельно» [12, с. 128]. Данное исследование, безусловно, заметное событие в международно-правовой литературе российского зарубежья.

Много и плодотворно с «Современными записками» сотрудничал Б. Э. Нольде. Из-под его пера вышло

немалое число статей, в которых он знакомил читателей с правовыми решениями важнейших международных конференций, разъяснял международно-правовые позиции ряда государств.

С журналом осуществлял тесное сотрудничество и бывший приват-доцент Петроградского университета Б. С. Миркин-Гецевич. Будучи специалистом в области международного права, он также в эмиграции писал работы по разным проблемам, в частности, дал обзор конституций СССР 1924 г. [13] и Чехословакии 1920 г. [14].

Находясь в эмиграции, ученые продолжили столь успешно осуществлявшиеся в дореволюционное время исследования мирных средств разрешения споров [15], особенно международного третейского разбирательства [16, с. 103–113]. Последнему посвящены отдельные страницы монографии барона М. А. Таубе «Вечный мир или вечная война», изданной в Берлине в 1922 г., «Очерках нового международного права» М. А. Циммермана (Прага, 1924) и «Вмешательство и признание в международном праве» (Прага, 1926) и др. М. А. Циммерман дал краткий анализ Постоянной палаты третейского суда, основанной в 1899 г., и смешанных третейских судов, созданных после Первой мировой войны. Относительно последних он писал: «Эти суды создаются из двух представителей от каждого заинтересованного государства и председателя, выбираемого из числа юристов государства, бывшего нейтральным в мировой войне». Давая их оценку, он констатировал: «деятельность этих судов, в общем, была проникнута духом беспристрастности и справедливости» [17, с. 265–266].

Анализ теоретических основ международного третейского разбирательства предпринял Г. Д. Гурвич. Отмечая, что «за XIX в. было 170 случаев третейского разбирательства, а за первые 14 лет XX в. ... целых 130 случаев», он констатировал: «Третейское судебное разбирательство международно-правовых споров, т. е. разбирательство, основанное на особом договоре сторон (т. н. компромиссе) подчиниться решению их спора специально призванными по взаимному согласию судьями, составляет древнейший институт международного права, применявшийся уже в Греции в VII в. до Рождества Христова» [18, с. 18]. Третейский суд отличается от обычного тем, что компетенция его определяется соглашением спорящих сторон (компромиссом), между тем как компетенция обычного суда от него совершенно не зависит [18, с. 21–22].

Изыскания ученых по вопросам международно-го третейского разбирательства соответствовали общемировому уровню и даже в чем-то превосходили его. Идеи ученых были настолько прогрессивными для своего времени, что не потеряли ценности и сегодня. Воплотившись в большом числе в действующие международно-правовые акты, они представляют основу современной юстиции.

Проблемы международного права нашли свое отражение на страницах эмигрантских газет. Примечательна роль берлинской газеты «Накануне». Международно-правовые заметки в ней были преимущественно представлены ее главным редактором

юристом-международником Ю. В. Ключниковым. Начиная с первого номера газета регулярно информировала читателей о печатании его книги «На великом историческом перепутье...» и о поступлении ее в продажу с 1 апреля 1922 г. После указанного срока газета регулярно сообщала о продаже книги в русском книжном магазине «Москва» в Германии. Издание было посвящено анализу международно-правовых проблем, с которыми столкнулось человечество после мировой войны.

И. Н. Ютанин в рецензии на данную книгу отмечал: «Представляющая собой курс лекций книга сжато излагает тезисы автора, давая им обоснование слишком краткое по сравнению с глубиной и трудностью обсуждаемых вопросов. Больше всего это замечание может быть отнесено к основной идее книги – утверждению автономности политики наряду с моралью и правом. Идея эта уже в силу своей оригинальности и новизны требует широчайшего теоретико-философского обоснования; однако, и из сжатой формулировки, которую дает книга, явственно проступает динамичность этой идеи, которая требует такого же умелого обращения с собою, как и всякое взрывчатое вещество. Сама же сущность идей Ю. В. Ключникова страшна главным образом своей новизной» [19, с. 2–3].

Серию публикаций на международно-правовую тематику во втором номере газеты открыла статья Ю. В. Ключникова «Русские возмещения», где с точки зрения международного права разъяснялась неправомерность требований западных держав к России о возмещении им всех потерь и убытков, причиненных русской революцией и гражданской войной. На тот момент это была актуальная проблема, поскольку «в официальных и деловых кругах Запада сложилось... прочное убеждение в том, что Россия обязана возместить иностранцам все убытки, понесенные ими от русской революции и от декретов советской власти. На веру и с полным внутренним удовлетворением заинтересованными кругами усиленно культивируется мысль, что “так требует международное право”... Но поскольку здесь есть хоть тень искреннего “убеждения”, да еще ссылка на “международное право”, да поза непогрешимых цензоров добрых международных нравов – спор не только возможен, но обязателен». «Декорум, внешность часто играют во взаимных отношениях государств решающую роль. Одно дело, когда русская делегация попадет в Генуе в положение грубой нарушительницы священнейших из норм международного права. И совершенно другое дело, если окажется, что гордые судьи России, заранее вынесшие ей обвинительный приговор, сами могут быть привлечены к ответственности за сознательное извращение смысла и буквы международного закона. Вот почему накануне Генуэзской конференции мне захотелось пересмотреть вопрос о “революционных возмещениях” и припомнить, как в действительности – ставился он до сих пор в международно-правовой теории и международной практике» [20, с. 3].

Что касается теории, то Ю. В. Ключников, сославшись на Ф. Ф. Мартенса, приводит следующее высказывание: «Мне представляется невозможным

утверждать, что иностранцы могут претендовать на большую охрану их личности и их имущества в случае гражданской войны или революции, чем местное население страны». «Принцип возмещения и дипломатической интервенции в пользу иностранцев в случае ущерба, понесенных ими во время гражданских войн, не установлен ни одним народом Европы или Америки. Конкретное международное право также отнюдь не столь жестоко к государствам, экономически ослабнувшим в борьбе за лучшую государственность, как современные властители международных судеб» [20, с. 3].

Ученый ссылается на доктрину аргентинского министра иностранных дел Драго, который «категорически протестует... против того, чтобы даже в случае признания государством своего долга его лишали возможности выбрать по своему усмотрению способ и время уплаты». Тенденция оберегания слабых государств от сильных проявилась и в Конвенции об ограничении применения силы при истребовании государственных долгов, принятой на II Гаагской конференции в 1907 г. [20, с. 3].

Ю. В. Ключников, сославшись на серию международных соглашений, закрепивших принцип неотвеченности правительств за ущербы иностранцев во время революций, указывает на случаи закрепления данного принципа во внутреннем законодательстве (ст. 15 Конституции Венесуэлы, закон об иностранцах 1903 г.).

«Приведенные справки, – отмечает Ю. В. Ключников, – не разрешают вопроса о русских долгах на Генуэзской конференции, но они, надеюсь, дают повод задуматься. И чем больше над подобными справками задумались бы в Генуе партнеры русской делегации, тем легче им было бы благополучно разрешить свою основную задачу: наладить заново экономическую и политическую жизнь современного мира» [20, с. 3].

Просоветская позиция правоведа была замечена в Москве. «Накануне» от 4 апреля 1922 г. сообщала: «Профессор Ю. В. Ключников принял сделанное ему Г. В. Чичериным предложение быть юристом-экспертом делегации на Генуэзской конференции и вместе с делегацией выезжает в Геную» (№ 1 от 26 марта, № 8 от 4 апреля 1922 г.).

На конференции дискуссия продолжилась. Ю. В. Ключников, касаясь суммы в 62 миллиарда франков золотом, которую «Европа, т. е. 28 благороднейших наций, представленных в Генуе, желали бы получить с России», писал следующее: «неужели вся эта сумма должна быть взвалена на Россию? От нее ведь отделилось свыше 25 миллионов населения, образующих ныне независимую Польшу, Латвию, Литву и Эстонию. А не считалось ли основной незыблемой нормой современного международного права, что при отложении той или иной части государственной территории или при переходе ее к другому государству часть долга метрополии переносится на отложившуюся часть? ... Но нам скажут: «сама Россия в договорах, заключенных с Польшей, Латвией и др., добровольно отказалась от всяких “выкупных” платежей со стороны отложившихся. На это мы ответим: данный отказ касается России, но не тех, кто деньги

давал, и для них он необязателен. Это опять-таки соответствует нормам действующего ныне международного права» («Накануне» № 19 от 19 апр. 1922 г.).

Международно-правовые вопросы нашли свое отражение в ежемесячном журнале «Вестник Маньчжурии», журналах «Вестник Азии», «Вестник китайского права», «Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД», «Вопросы школьной жизни», «Рубеж», «Русское обозрение» (Пекин – Харбин), сборниках «Союз учителей», «Вестник Маньчжурского педагогического общества» и «День русской культуры», газетах «Свет», «Наш день», «Татьянин День», «День юриста», «Русский голос», «Заря»; ежедневной газете «Бюро по делам российских эмигрантов», «Харбинское время», изданиях «К свету», «Русское дело», «19-е февраля», «Герольд Харбина», «Утро» (Тяньцзинь), «Русское слово» (Харбин, 1926–1934), «Вестник Маньчжурии» (Харбин), «Военная мысль» (Харбин), «Вперед» (Харбин), «Дым отечества» (Харбин), «Новая шанхайская жизнь» (1924–1926), «Новости жизни» (Харбин), «Русское эхо» (Шанхай), «Сибирская жизнь» (Харбин), «Шанхайская жизнь» (1919–1922), «Шанхайская заря», «Маньчжурия» (Харбин – Маньчжурия), «Понедельник» (Харбин) и т. д. [21]. В Харбине под редакцией А. М. Дмитриева с конца 1922 г. публиковалась еженедельная «Студенческая газета», выходившая в свет по воскресеньям.

Международно-правовые вопросы активно обсуждались в журнале российской эмиграции в Китае «Вестник Маньчжурии», издававшемся в Харбине с 1923 по 1934 г. В нем публиковались практически все преподаватели юридического факультета. Вопросы международного права были представлены М. Я. Пергаментом, В. В. Энгельфельдом, М. Н. Ершовым и др.

Правовой анализ «Протоколов заседаний дипломатического корпуса» в Пекине с 26 октября 1900 г. по 21 мая 1920 г. дал М. Я. Пергамент в статье «О юридической природе так называемого дипломатического квартала в Пекине». Работа была опубликована в двух номерах журнала «Вестник Маньчжурии» за 1926 г. (№ 6, с. 4–18; № 7, с. 3–14). Эта исключительно информативная по своему содержанию статья, богато сопровождавшаяся сносками и цитатами, была широко известна в научных кругах российской эмиграции в Китае. Г. К. Гинс, В. В. Энгельфельд и другие авторы постоянно ссылались в своих рассуждениях по международному праву на эту работу.

Содержание статьи полностью соответствовало ее названию. «Настоящий очерк посвящается именно Пекинскому дипломатическому кварталу... Монографической литературы о квартале не существует вовсе. Курсы же и учебники по международному праву более чем скудны на его счет, либо совсем его не касаясь, либо касаясь только весьма, весьма кратко» [22, с. 5].

Правовед дает свое определение дипломатического квартала: «Дипломатический квартал в Пекине являет из себя точно отграниченную площадь земли, предоставленную Китаем совокупности подписавших Заключительный протокол 1901 г. держав, в качестве публично-правовых дестинаторов данной

площади, для исключительного ее пользования и с правом: а) автономного с этой целью управления внутри нее, а также; б) приведения ее в состояние обороны и; в) содержания каждой из означенных держав постоянной стражи в интересах охраны дипломатических миссий, каковые миссии расположены в пределах той же площади, каждая на своем – принадлежащей ей на праве собственности – участке земли» [22, с. 5].

«Итак, для пользования или специального пользования миссий – вот для чего предназначен дипломатический квартал, – заключал свои рассуждения М. Я. Пергамент. – И посему, в качестве юриста, я не колеблюсь признать правомерным всякое притязание миссий, имеющее в виду осуществить данное пользование, создать наиболее удобные или благоприятные для него условия. Но дальше я не иду, и дальше, согласно моему убеждению, и непозволительно идти, если не хотеть, без достаточного основания, умалить права контрагента, т. е. в настоящем случае Китая, в намерения которого более обширный круг прав в качестве изъятий из общего правопорядка – отнюдь не входил» [23, с. 7].

В статье «О юридической природе так называемого дипломатического квартала в Пекине» М. Я. Пергамент коснулся также некоторых вопросов международного частного права. Так, дав свое определение дипломатического квартала в Пекине, ученый указал, что этот участок земли не обладает качествами верховной власти, суверенитета и государственной территории. Отсюда юридическое положение международного частного права *logusregitactum*, по которому форма сделки определяется местом ее совершения, полностью применимо и к дипломатическому кварталу. Изложив ст. 11 Гражданского уложения Германии 1896 г., ст. 9 Гражданского уложения Италии 1865 г. и сославшись на ст. 7 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР 1923 г., автор утверждал, что речь будет идти только о китайском законодательстве.

«Пусть юридическая сделка совершена в дипломатическом квартале, по существу пусть сделка будет германская. Где тут... с точки зрения германского закона форма для данной сделки? Форма ли диктуемая законами дипломатического квартала в Пекине? Очевидно, нет – такой формы, повторяем, нет. И речь, очевидно, может идти и будет идти только о той форме, которая предписывается законами Китая... определение, построение, понимание, доктрина, какие приводились – и, надо думать, исповедовались – членами дипломатического корпуса в Пекине... оказывается, все это было не чем иным, как лишь субъективными иллюзиями и произвольными постулатами – юридически недостаточно осведомленных дипломатов-политиков», – заключал М. Я. Пергамент [23, с. 11].

«Вестник Маньчжурии» не раз обращался к вопросам международного права. Так, неравные договоры и иностранные пароходства в Китае были проанализированы М. Н. Ершовым в пятом номере журнала за 1931 г. в статье «Иностранное судоходство в водах Китая». Исследование не носило самостоятельного характера, а представляло изложение основных

положений одноименной статьи китайского автора, скрывшегося под инициалами Ф.Ф.А. в мартовской книжке англоязычного «Китайского экономического журнала» за 1931 г.

Начинающим юристом-международником был В. В. Голицын – выпускник юридического факультета 1928 г. Он опубликовал статью «Начало новой эры в международных отношениях Китая» [24]. Рецензия на нее была дана Г. К. Гинсом («Известия юридического факультета», 1931 г., т. 9, с. 296). Рецензент, в частности, отмечал, что работа В. В. Голицына «страдает... недостатком теоретических данных о природе неравных договоров и предлагал читателям обратиться» к с. 86 своего труда «Право и сила».

В оправдание В. В. Голицына можно сказать, что в начале своего исследования он заметил: «В настоящей статье мы не задаемся целью анализа этой системы (договоров Китая с другими государствами – Г.С.) и ее оценки с той или иной точки зрения... Однако мы должны предпослать изложению нашей темы краткое указание общих основ системы неравных договоров, дать краткий обзор характерных ее особенностей... В обычных торговых договорах... основанием для соглашений является принцип равенства и взаимности... Это является логическим принципом общения народов, как указывал еще отец международного права Гуго Гроций... Совершенно иные основания заключены в неравных договорах Китая. Характерная черта их – полная неравноправность. Все льготы по этим договорам получают лишь контрагенты Китая, наряду с тем как он, наоборот, не получает ничего, кроме того, обязался подчиняться и терпеть тяжкий и несправедливый режим капитуляций» [24, с. 275].

Автор, поставив цель дать анализ ранних договоров Китая с иностранными державами, заключенных им на основах равенства и взаимности, исследовал положения международных договоров Китая с Чили (от 18 февраля 1915 г.), Боливией (1919 г.), Персией (1920 г.), Германией (от 20 мая 1921 г.), Австрией (от 19 октября 1925 г.).

В заключение В. В. Голицын пришел к следующему выводу: «договоры эти еще не создали системы новых договорных оснований в его международно-правовой практике. Они, договоры эти, лишь положили начало тем векам, кои сейчас являются практическим стимулом, уже реально существующей новой системы, построенных на началах равенства и взаимности, договоров Республики с иностранными государствами» [24, с. 288].

В своей работе В. В. Голицын широко пользовался трудом советского ученого Б. Д. Розенблюма «Очерки договорного права Китая» (Харьков, 1928) и «Библиографическим обзором литературы по международным отношениям Китая» В. В. Энгельфельда [25].

В обзоре В. В. Энгельфельд писал: «В настоящей очерке мы имеем в виду использовать только те произведения китайских писателей и ученых, которые написаны на европейских языках». Сочинения, посвященные международным отношениям Китая, разбиты на три группы. «Вторая группа, – замечал он, – это юридические трактаты, излагающие отдельные

институты международного права в применении и приложении к Китаю и вообще трактующие предмет с правовой стороны... Особое место занимают сборники международных договоров Китая с иностранными державами» [25, с. 4].

Проанализировав приличное количество исторических работ, В. В. Энгельфельд отмечал, что «прошлое международных сношений Китая с западом часто освещается в общих сочинениях, посвященных Китаю, и изданиях, трактующих о современных международно-правовых проблемах Срединной республики». Из авторов-юристов, уделивших внимание историческому изложению, В. В. Энгельфельд выделил труд Коо «Статус объединений в Китае» (на английском языке, 1912 г.) и Доо «Положение иностранцев в Китае» (русский перевод Софоклова) (Харбин, 1918).

«Эти авторы, – резюмировал В. В. Энгельфельд, – известные китайские юристы, получившие образование за границей, дают на основании материалов европейских и отчасти китайских китайскую версию событий, послуживших ключом к современному международно-правовому положению Китая и сопровождавших возникновение экстерриториальности и прочих исключительных прав и привилегий иностранцев в Китае» [25, с. 6].

Коснулся В. В. Энгельфельд и международно-правовой литературы, изданной в СССР. В Советском Союзе были изданы акты и документы Вашингтонской конференции по ограничению вооружений [25, с. 10].

Подытоживая свое исследование, В. В. Энгельфельд писал: «Из приведенного обзора читатель усмотрит, что современная литература по международным отношениям Китая чрезвычайно обширна. Большим пробелом, однако, является отсутствие у нас самих сочинений, охватывающих во всей полноте эту тему. Для этого приходится обращаться к иностранным источникам, которые не всегда беспристрастны и объективны и знакомство с которыми представляет некоторые затруднения для рядового русского читателя и учащегося» [25, с. 10].

Печатались в Китае на русском языке и тексты международных договоров, например, в приложениях к «Вестнику китайского права». «Ввиду общего

интереса к содержанию тех исторических международных документов, кои должны лечь в основу при обсуждении событий начавшейся оккупацией Квантунской армией с 18 сентября сего года (1931 – Г. С.) главнейших китайских городов в Южной Маньчжурии, – писалось в одном из изданий, – ниже приводятся тексты “Статута Лиги Наций”, “Соглашения 9 держав, заключенного 6 февраля 1922 г.” и “Пакта Келлога – 27 августа 1928 г.”» [26].

Харбинская газета «Русский голос» от 3 мая 1922 г. № 546 опубликовала полный текст договора Советской России с Германией в Рапалло, а в № 649 от 4 октября 1922 г. сообщалось, что поварищество «Русско-Маньчжурская книготорговля» предлагает к продаже «Положение о применении иностранных законов». В № 3-4 журнала «Вестник Маньчжурии» за 1925 г. под названием «СССР и Япония» приведены текст Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. а также ноты советского представителя (посла в Китае Льва Михайловича Карахана) и японского посла в Китае К. Чешизовы (с. 105–108).

Заключение

Таковы лишь некоторые из международно-правовых публикаций, нашедших свое место в русскоязычных изданиях. Значительный же пласт международно-правовой культуры, наработанный российской эмиграцией, по-прежнему закрыт временем и пространством. Но и то, что найдено, проанализировано и освещено свидетельствует о издании стараниями ученых-эмигрантов русской зарубежной науки международного права. Сами ученые активно участвовали в международном правотворчестве, а также в деятельности межгосударственных арбитражных органов.

Международно-правовой научный потенциал, аккумулированный на страницах периодической печати, – важная составляющая культурного наследия российской эмиграции. Современному ученому нельзя отказываться от этого редчайшего, исключительно ценного и склонного к исчезновению багажа знаний. Его вовлечение в научный оборот будет способствовать повышению качества отечественных международно-правовых разработок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование : моногр. 2-е изд. М. ; Берлин, 2015. 551 с.
2. Дюшен Б. Новые люди // Накануне. 1922. № 11. С. 2.
3. Стародубцев Г. С. Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4. С. 337–346.
4. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Белград, 1931–1941.
5. Аранс Д. Русская библиография за рубежом // Советская библиография. 1990. № 1. С. 141–148.
6. Публицистика. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29872/ (дата обращения: 01.03.2024).
7. Каплан В. «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе (Париж, 1920–1924 гг.) // Евреи в культуре Русского Зарубежья : сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе 1919–1939 гг. / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. Вып. II. С. 167–180.
8. Нольде Б. Э. Лига Народов и международный суд // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. 1920. № 1. С. 232–235.
9. Корф С. А. Федерализм и централизация в современной Америке // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. 1920. № 1. С. 189–204.
10. Руднев В. В. Лига наций и международное рабочее законодательство // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. 1920. № 1. С. 168–188.

11. Мандельштам А. Н. Постоянный Международный Суд и начало равенства государств // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. 1920. № 2. С. 245–250.
12. Ростовцев М. И. Международные отношения и международное право в древнем мире // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. 1921. № 4. С. 128–159.
13. Mirkine-Guezevitch V. *La Constitution de l'Union des Republiques Sovutiques Socialistes (URSS)*. Paris, 1925.
14. Миркин-Гецевич Б. С. Чехословацкая конституция // Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, 1922. № 10. С. 301–312.
15. Международное право : учеб. / отв. ред. Г. С. Стародубцев. М., 2024. 416 с.
16. Стародубцев Г. С. Вопросы международного третейского разбирательства в трудах ученых России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Карагандинского университета. 1998. Вып. 4 (12). С. 119–124.
17. Циммерман М. А. Международное право. Прага, 1925. Ч. 2: Материальное право. 181 с.
18. Гурвич Г. Д. Введение в общую теорию международного права (Конспект лекций). Прага, 1923. Вып 1. 119 с.
19. Ютанин И. Н. На великом историческом перепутье (Книга профессора Ю. В. Ключникова) // Накануне. 1922. № 45. С. 2–3.
20. Ключников Ю. Русские возмещения // Накануне. 1922. № 2. С. 3.
21. Пономарева В. П. Феномен Юридического факультета в городе Харбине в правовом пространстве русского зарубежья // Пространство и Время. 2014. № 4 (18). С. 175–182.
22. Стародубцев Г. С. О юридической природе так называемого дипломатического квартала в Пекине // Вестник Маньчжурии. 1926. № 6. С. 4–18.
23. Пергамент М. Я. О юридической природе так называемого дипломатического квартала в Пекине // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7. С. 3–14.
24. Голицын В. В. Начало новой эры в международных отношениях Китая // Вестник китайского права. Сборник первый. Харбин, 1931. С. 275–289.
25. Энгельфельд В. В. Библиографический обзор литературы по международным отношениям Китая // Вестник Маньчжурии. 1928. № 11–12. С. 4–10.
26. Юриспруденция Китая : сб. ст., отписков и вырезок из различ. манчжур. белоэмигр. изд. Б. м. [19_]. С. 245.

REFERENCES

1. Sabennikova I.V. *Rossiiskaya emigratsiya (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie: monogr.* [Russian emigration (1917–1939): comparative typological study: monograph]. Moscow-Berlin, 2015. 551 p.
2. Dyushen V. New people. *Nakanune = The Day Before*, 1922, no. 11, p. 2. (In Russ.).
3. Starodubtsev G.S. Formation of Russian scientific international legal community in Berlin (20 years of XX century). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2014, no. 4, pp. 337–346. (In Russ.).
4. *Materialy dlya bibliografii russkikh nauchnykh trudov za rubezhom (1920–1930)* [Materials for the bibliography of Russian scientific works abroad (1920–1930)]. Belgrad, 1931–1941.
5. Arans D. Russian bibliography abroad. *Sovetskaya bibliografiya = Soviet Bibliography*, 1990, no. 1, pp. 141–148. (In Russ.).
6. *Publitsistika* [Journalism]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29872/ (Accessed March 1, 2024).
7. Kaplan V. Russian tribune on Russia and Russian Jewry (Paris, 1920–1924). In: *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ya: sb. statei, publikatsii, memuarov i esse 1919–1939gg. Vyp. II* [Jews in the culture of the Russian Abroad: collection of articles, publications, memoirs and essays 1919–1939. Issue II]. Jerusalem, 1993. Pp. 167–180. (In Russ.).
8. Nolde B.E. The League of Peoples and the International Court of Justice. *Sovremennye zapiski. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal = Modern Notes. Monthly Socio-Political and Literary Journal*, 1920, no. 1, pp. 232–235. (In Russ.).
9. Korf S.A. Federalism and centralization in modern America. *Sovremennye zapiski. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal = Modern Notes. Monthly Socio-Political and Literary Journal*, 1920, no. 1, pp. 189–204. (In Russ.).
10. Rudnev V.V. The League of Nations and international labor legislation. *Sovremennye zapiski. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal = Modern Notes. Monthly Socio-Political and Literary Journal*, 1920, no. 1, pp. 168–188. (In Russ.).
11. Mandelshtam A.N. Permanent International Court and the beginning of equality of states. *Sovremennye zapiski. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal = Modern Notes. Monthly Socio-Political and Literary Journal*, 1920, no. 2, pp. 245–250. (In Russ.).
12. Rostovtsev M.I. International relations and international law in the ancient world. *Sovremennye zapiski. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal = Modern Notes. Monthly Socio-Political and Literary Journal*, 1921, no. 4, pp. 128–159. (In Russ.).
13. Mirkin-Getsevich B.S. *La Constitution de l'Union des Republiques Sovutiques Socialistes (URSS)* [The Constitution of the Union Of Soviet Socialist Republics (USSR)]. Paris, 1925. (In French).
14. Mirkin-Getsevich B.S. The Czechoslovak Constitution. *Sovremennye zapiski. Ezhemesyachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal = Modern Notes. Monthly Socio-Political and Literary Journal*, 1922, no. 10, pp. 301–312. (In Russ.).
15. *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.* [International law: textbook]. Ed. by Starodubtsev G.S. Moscow, 2024. 416 p.
16. Starodubtsev G.S. Issues of international arbitration in the works of Russian scientists in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Karagandinskogo universiteta = Bulletin of Karaganda University*, 1998, no. 4 (12), pp. 119–124. (In Russ.).

17. Zimmerman M. *Mezhdunarodnoe pravo, ch.2. Material'noe pravo* [International law. Part 2. Substantive law]. Praga, 1925. 181 p.
18. Gurchich G.D. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu mezhdunarodnogo prava (Konspekt lektsii). Vyp 1* [Introduction to the general theory of international law (Lecture notes). Issue 1]. Praga, 1923. 119 p.
19. Yutanin I.N. At the great historical crossroads (Book by Professor Yu.V. Klyuchnikov). *Nakanune = The Day Before*, 1922, no. 45, pp. 2–3. (In Russ.).
20. Klyuchnikov Yu. Russian reparations. *Nakanune = The Day Before*, 1922, no. 2, p. 3. (In Russ.).
21. Ponomareva V.P. The phenomenon of the Law Faculty in Harbin in the legal space of the Russian abroad. *Prostranstvo i vremya = Space and Time*, 2014, no. 4 (18), pp. 175–182. (In Russ.).
22. Pergament M.Ya. About the legal nature of the so-called diplomatic quarter in Beijing. *Vestnik Man'chzhurii = Bulletin of Manchuria*, 1926, no. 6, pp. 4–18. (In Russ.).
23. Pergament M.Ya. About the legal nature of the so-called diplomatic quarter in Beijing. *Vestnik Man'chzhurii = Bulletin of Manchuria*, 1926, no. 7, pp. 3–14. (In Russ.).
24. Golitsyn V.V. The beginning of a new era in China's international relations. *Vestnik kitaiskogo prava = Bulletin of Chinese Law*, no. 1, 1931, pp. 275–289. (In Russ.).
25. Engelfeld V.V. Bibliographic review of literature on China's international relations. *Vestnik Man'chzhurii = Bulletin of Manchuria*, 1928, no. 11–12, pp. 4–10. (In Russ.).
26. *Yurisprudentsiya Kitaya: sb. st., ottiskov i vyrezok iz razlichnykh manchzhurskikh beloemigr. izdaniy* [Jurisprudence of China: collection of articles, prints and clippings from various Manchurian white emigration publications]. P. 245.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРИГОРИЙ СЕРАФИМОВИЧ СТАРОДУБЦЕВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, dexter77@list.ru

GRIGORII S. STARODUBTSEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of International Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, dexter77@list.ru

Статья поступила 03.04.2024

Культурно-историческая юриспруденция как метатеория в сфере общегуманитарной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Реферат

Введение: общегуманитарная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы должна строиться с учетом понимания права как самостоятельной метаструктуры. Она включает в себя как наличное знание, так и целый комплекс познавательных средств, используемых на разных уровнях научного познания. Одним из элементов этой познавательной системы выступает метатеория. Она несет освобождение от концептуальных наслоений, обнажает истинный смысл явления. В качестве правовой метатеории может быть рассмотрена культурно-историческая юриспруденция, одним из разработчиков которой является профессор Ю. А. Веденеев. *Методы:* абстрагирование, индукция, эмпирический анализ, логическая редукция, общенаучное и философское обоснование. *Цель:* продемонстрировать возможности культурно-исторической юриспруденции в деле преодоления методологической замкнутости отдельных направлений в юриспруденции, используя эвристический потенциал теории юридической антропологии и социологии права. *Выводы:* некоторые аспекты культурно-исторической юриспруденции могут быть использованы в пенитенциарной сфере, например в процессе правового воспитания осужденных, для научного познания системы регулирования отношений в воровской среде, понимания различных аспектов теории правонарушения, преодоления конфликтных ситуаций и др. Так, одно из направлений культурно-исторической юриспруденции – антропология права – нацелено на изучение человека как центрального элемента правовой коммуникации, отстаивает первичность человека по отношению к закону. Именно такая расстановка акцентов может позволить осужденному принять право как ценность. Изучение закономерностей формирования отношений в воровской среде способно получить новый импульс за счет специфического объекта правовой антропологии – воровского закона. Антропология права вносит существенный вклад в формирование теории правонарушения, раскрытие метапроблем преступности. Другая составляющая предмета культурно-исторической юриспруденции – социология права – включает в качестве одного из своих направлений юридическую конфликтологию. Знания в этой области необходимы для преодоления конфликтных ситуаций, которые сопровождают сотрудников уголовно-исполнительной системы в их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: культурно-историческая юриспруденция; антропология права; социология права; метатеория; правовое воспитание осужденных; воровской закон; юридическая конфликтология; метакатегории.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Шаханов В. В. Культурно-историческая юриспруденция как метатеория в сфере общегуманитарной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. Т. 18, № 2 (66). 2024. С. 128–134. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.002.

Cultural-Historical Jurisprudence as a Meta-theory in the Field of General Humanitarian Training of Penal System Employees

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia

Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Abstract

Introduction: general humanitarian training of penal system employees should be built taking into account understanding of law as an independent meta-structure. It includes both available knowledge and a whole complex of cognitive tools used at different levels of scientific knowledge. A metatheory is one of the elements of this cognitive system. It brings liberation from conceptual layers and reveals a true meaning of the phenomenon. Cultural-historical jurisprudence can be considered a legal metatheory. One of its developers was recently deceased Professor Yu.A. Vedeneev. *Methods:* abstraction, induction, empirical analysis, logical reduction, general scientific and philosophical justification. *Purpose:* to demonstrate capabilities of cultural-historical jurisprudence in the field of overcoming methodological isolation of certain areas in jurisprudence using heuristic potential of the theory of legal anthropology and sociology of law. *Conclusion:* some aspects of cultural and historical jurisprudence can be used in the penitentiary sphere, for example, in legal education of convicts; to understand a system of relations in the thieves' environment; to describe various aspects of the delinquency theory; to overcome conflict situations in the penitentiary sphere, etc. Thus, one of the areas of cultural-historical jurisprudence, anthropology of law, is aimed at studying man as the central element of legal communication, the primacy of man in relation to the law. It is this emphasis in legal education that can allow a convicted person to accept law as a value. The study of patterns of forming relationships in the thieves' environment can receive a new impetus due to a specific object of legal anthropology, such as the thieves' law. The anthropology of law makes a significant contribution to the formation of the theory of crime and the disclosure of meta-problems of crime. Another component of the subject of cultural-historical jurisprudence, sociology of law, includes legal conflictology as one of the areas. Its knowledge is necessary to overcome conflict situations that accompany penal system employees in their professional activities.

Key words: cultural-historical jurisprudence, anthropology of law, sociology of law, metatheory, legal education of convicts, "thieves' law", legal conflictology, metacategories.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

For citation: Shakhanov V.V. Cultural-historical jurisprudence as a meta-theory in the field of general humanitarian training of penal system employees. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 128–134. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.002.

Введение

Обращение автора настоящей статьи к раскрытию обозначенной в ее названии проблематики обусловлено двумя самостоятельными, но тесно связанными между собой обстоятельствами. Во-первых, пенитенциарная наука позиционируется, как правило, в прикладном ключе. Подобный подход не способствует ее развитию. В этом мы видим ее ограниченность, методологическую хромоту. Возможно, именно этот факт порождает дискуссии в отношении жизнеспособности самого термина «пенитенциарная наука» [1]. Беспочвенность такого рода обсуждений блестяще доказал профессор Р. А. Ромашов [2, с. 239–243]. В этой ситуации лишний раз убеждаешься в том, что не нужно покушаться на авторитеты. Полагаем, что решение данного вопроса лежит в сфере иного понимания дисциплинарных границ. Во-вторых, перед

пенитенциарной наукой стоят серьезные вызовы. Она должна способствовать формированию комплексного юридического мышления у сотрудников уголовно-исполнительной системы. Для качественного выполнения своих служебных обязанностей последние должны целостно воспринимать и оценивать ситуацию, прогнозировать ее исход, обладать знаниями не только в профессиональной области, но и в смежных дисциплинах, уметь работать в условиях нестабильности и неопределенности. И здесь следует отметить, что «не совокупность компетенций, а уровень мышления определяет конкурентоспособность специалиста на рынке труда» [3, с. 15].

Право как метаструктура

Привычные дихотомии и дисциплинарные барьеры в пенитенциарной сфере нуждаются в продуманной эпистемологической стратегии сближений. Для

формирования системного юридического мышления необходимо использовать междисциплинарные и трансдисциплинарные подходы. Подобные симбиозы все чаще возникают в юридической науке. Профессор Р. А. Ромашов считает возможным «говорить о пенитенциарном праве как межотраслевой нормативной общности, объединяющей как специализированные правовые акты, так и акты, имеющие опосредованное отношение к пенитенциарным коммуникациям» [2, с. 242]. Это актуализирует применение вышеобозначенных подходов. Пенитенциарная наука нуждается в новых познавательных моделях, методологических прививках, а быть может, и в более существенных трансформациях. Исследование в пенитенциарной сфере необходимо проводить с привлечением различного «уровневого» инструментария исходя из используемого уровня научного познания [4]. Соглашаясь с С. А. Бочкаревым, отметим, что современное познание права «должно включать в себя представления об этом праве как о действии, процессе и деятельности, одновременно реализующихся на микро-, макро-, мега- и метауровнях» [5, с. 118].

Любая юридическая дисциплина периодически нуждается в апгрейде, переходе на новый уровень с целью дальнейшего эволюционного развития. Даже такая, казалось бы, устоявшаяся в своей структурной и содержательной части дисциплина, как «Теория государства и права», по мнению авторитетных ученых, нуждается в глубокой модернизации. Так, профессор В. М. Баранов предлагает последовательную трансформацию «базового курса теории государства и права в фундаментальную дисциплину энциклопедию юриспруденции» [6, с. 219]. При этом уважаемый ученый исходит из того, что право являет собой самостоятельную метаструктуру, «независимые метаотношения, реальное многоуровневое, динамичное метасостояние» [6, с. 219].

Так что же из себя представляют все обозначенные выше метакатегории? В юриспруденции нередко используют терминологию, изменяющую смысловые границы объектного явления. Иногда с этой целью применяют приставки «мета» и «пост». В первом случае происходит переход от теории к метатеории, от языка права к метаязыку права, от института к метаинституту, от юридической характеристики к метаюридической характеристике, от права модерна к праву метамодерна и т. п. Приставка «мета» переводится с греческого как «сверх, над, между, через, после» и означает углубление в основы, изучение самости какого-либо явления. Так, например, метатеорию рассматривают как способ самопознания теорией самой себя [7, с. 35].

Существующее в науке логико-математическое определение метатеории нуждается в гуманитарном преломлении, ибо в сухом остатке применительно к данной сфере из широкого набора метатеоретических средств остается только методология. Тогда к чему весь этот ребрейдинг? Если исходить исключительно из формально-логических подходов к пониманию методологии и юридического мышления, то можно сделать вывод об их бесполезности, а в широком смысле – бесполезности всей фундаменталь-

ной науки. Абсурдность подобных утверждений очевидна и не нуждается в развернутой аргументации. А вот и пример подобного заблуждения: «Интересно получается: человек, буруеваемый заблуждениями, страстями и пороками, надеется создать совершенные инструменты саморегулирования, поклоняясь собственным изобретениям, выдумкам и фетишам. Достичь этой цели человек сможет, только если прекратит конструировать якобы существующее “юридическое мышление” – фантазии второго социального порядка, а станет верно отражать укорененные культурные традиции и формулировать их в удобных и доступных, общепризнанных и общезначимых выражениях» [8, с. 43]. Комментарии здесь излишни.

Приставка «пост» переводится с латинского как «после» и обозначает переосмысление, отказ от старого в пользу создания нового. С ее помощью образованы названия ряда философских направлений: постмодернизм, постконструктивизм, постструктурализм. В юридической науке ведутся постклассические исследования. И. Л. Честнов видит в постклассической теории права «зонтичный термин», охватывающий ряд перспективных исследовательских программ и подходов: «антропологическая программа, семиотика права, конструктивистское направление, культурная, прагматическая или реалистическая концепция, натуралистическая теория права» [9, с. 27–28]. Ю. А. Веденеев говорит о постюриспруденции как юриспруденции без государства и права [10, с. 12]. Опубликована монография Е. В. Скурко с интригующим названием «Пост-право» [11]. В ней пост-право рассматривается как «следствие отражения в сфере права опрощения и примитивизации социальных, экономических, культурных и иных связей и отношений, их деградации – как в данном обществе, так и внутри государства и (или) межгосударственных отношениях» [11, с. 14].

Очевидно, что приставки «мета» и «пост» в целом имеют разные смыслы, но в одном из значений – «после» – их смысловые границы пересекаются. Здесь хотелось бы указать на аналогичную ситуацию с пониманием термина «свобода». Его интерпретация зависит от онтологических корней, вариаций, обусловленных европейским или отечественным культурно-историческим подходом. Европейский подход пропагандирует два вида свобод: «свободу от» (свобода от совести, долга, справедливости) и «свободу для» (свобода для достижения определенных целей). Данный подход (европейский) часто носит разрушительный характер. Это инструмент безнравственного поведения, к которому, к сожалению, иногда прибегают и политические элиты. Отечественный подход тяготеет к иным терминологическим формам, актуализируя потребность не в свободе, а в воле. К обретению воли больше тяготел простой народ [12, с. 47]. Возвращаясь к вопросу соотношения слов, образованных с использованием приставок «пост» и «мета», полагаем, что в первом случае часто имеет место свобода («свобода от» или «свобода для»). Смысловой контекст слов с приставкой «мета» в большей мере затрагивает освобождение в форме воли, правда в ее специфичном понимании – воли, обращенной

внутри, в глубину познаваемого явления. Она несет освобождение от концептуальных наслоений, обнажает истинный смысл явления.

Метатеоретическое мышление сопоставимо с методологическим мышлением, но есть это не идентичное мышление, так как метатеория и методология не одно и то же, о чем мы уже упоминали ранее. Метатеоретическое мышление имеет свою методологию, отличную от мышления иного уровня (эмпирического и теоретического). Цель метатеоретического мышления заключается в установлении «предискурсивных принципов» [13, с. 224], направленных как на выработку определенных правил познавательного процесса, так и на установление смысловой составляющей познаваемого явления [14, с. 18].

Культурно-историческая юриспруденция

Формированию метатеоретического мышления способствует сфера общегуманитарной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы. Динамично развивающимися направлениями в гуманитаристике являются дисциплины, находящиеся на стыке юридического, социального и культурного. Как отмечает Ю. А. Веденеев, «здесь скрыт целый веер эпистемологических возможностей комбинирования разнообразных дисциплинарных комплексов. Их появление оказывает существенное влияние на общий ландшафт и архитектуру самой науки как исторической формы существования и воспроизводства общественных систем в терминах определенной социокультуры, ее языка и дискурса» [15, с. 119]. Одним из таких направлений выступает культурно-историческая юриспруденция. Свои воззрения относительно культурно-исторической юриспруденции Ю. А. Веденеев изложил в монографиях «Грамматика правопорядка» [16, с. 142–147, 185–195] и «Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогии языка концептуальных парадигм» [15], а также в ряде публикаций в периодических изданиях [17; 18].

Предмет культурно-исторической юриспруденции пока не является догмой, так как широко не обсуждался и, соответственно, не может быть признан результатом научного консенсуса. В общих чертах его сформулировал Ю. А. Веденеев. Он включил в него социологию и антропологию права. Специфическими объектами изучения антропологии права являются правовая обычай, правовая плюрализм, общинное право, правосознание и правовая культура, а также нормативные системы различных субкультур, такие, например, как воровской закон [19, с. 89]. Последний аспект антропологического анализа (воровской закон) является сферой интереса пенитенциарной науки. Здесь нужно исходить из того, что «различные социальные группы производят собственные правила и нормы поведения, создавая замысловатые переплетения множества правовых квазипорядков, вступающих в сложные отношения с официальным, государственным, правовым порядком» [20, с. 10–11].

Антропология права может быть востребована в сфере правового воспитания осужденных. Ранее мы уже обращали внимание на необходимость изменения технологии этого процесса. Некоторые заклю-

ченные в силу несвободного состояния негативно относятся к любым проявлениям диктатуры со стороны государства, в том числе и диктатуры закона. Нужно использовать подходы, позволяющие посмотреть на эту диктатуру под иным углом зрения и принять принудительную силу государства как осознанную необходимость. В качестве своеобразной мягкой силы может выступать теория естественных прав человека, которые обычно рассматривают как базис по отношению к надстройке в виде позитивного права. В некоторых случаях целесообразно перейти от пропаганды юридического знания к осмыслению его сущности, глубинных основ [21, с. 13].

Антропологический подход, в рамках которого право рассматривается как неотъемлемая часть человеческой культуры, в глазах осужденных будет выглядеть менее конфликтным, чем представление о праве как продукте государства, воле господствующего класса. Подобный подход выглядит более предпочтительным и в связи с все чаще возникающим вопросом, можно ли «назвать все более увеличивающуюся в объеме и все более хаотическую массу законов, указов, постановлений, правил, распоряжений правом или же мы имеем дело с некоторой фикцией, имитацией права, все более отчуждающей от себя “маленького человека”» [20, с. 2], который, к сожалению, уже начинает обретать очертания риторического.

Антропология права развивается на стыке истории права, теории права, этнологии и биоправа. Она нацелена на изучение человека как центрального элемента правовой коммуникации, обуславливает первичность человека по отношению к закону. Именно этот акцент может позволить осужденному принять право как ценность. Антропология позволяет проследить процесс взаимодействия биологических и социальных закономерностей развития, подчеркивая особенности человека как биологического существа, но имеющего особенности, выделяющие его из системы животного мира (духовность, социальные качества, культурологические аспекты бытия).

Социализация не исчерпывает жизненного содержания человека, который своим существованием диалектически связывает духовную и материальную формы бытия. Не социальность отличает человека от животного, а духовность. «Однако человеческая духовность несовершенна, поэтому несовершенство, выражающееся в деструктивном, в том числе преступном, образе действий человека, есть присущее ему качество» [22, с. 140]. Антропология преступления должна являться начальным звеном в раскрытии метапроблем преступности [23, с. 6]. Основания преступного поведения не могут быть сведены к сумме внешних условий.

Методология культурно-исторической юриспруденции должна строиться на герменевтико-диалектической философии, которая рассматривает «понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности» [24, с. 45]. Делая акцент на культурно-исторической проблематике, следует учесть, что «сам по себе факт развития антропологических исследований в философии еще автоматиче-

ски не гарантирует факт совершенствования обще-гуманитарной подготовки специалистов» [25, с. 274].

В плане понимания влияния культуры на развитие права интерес представляют и воззрения академика В. С. Степина. Рассматривая право как сложную саморазвивающуюся систему, для которой характерны переходы к разным видам саморегуляции, он говорит о присущей данному явлению иерархии уровневой организации элементов. Появление новых уровней организации сопровождается дифференциацией права, сменой типа самоорганизации, фазовыми переходами. Индикаторами фазового перехода являются изменения в культуре, прежде всего в системе ценностей [26, с. 156–160].

Полагаем, что культурно-историческая юриспруденция позволит уменьшить негативный эффект, вызванный фрагментацией права, когда целостный объект познания распадается на множество фрагментов. «Удержание в памяти одного человека даже общих идей этого мозаичного массива становится невозможным, как, собственно, и руководство этими идеями в повседневной жизни. На смену подлинному праву приходит его суррогат в виде произвольных толкований и комментариев» [20, с. 7–8].

Другая составляющая предмета культурно-исторической юриспруденции – социология права. Одним из ее направлений является юридическая конфликтология. Ее изучение необходимо для преодоления конфликтных ситуаций, которые сопровождают сотрудников уголовно-исполнительной системы в их профессиональной деятельности. Конфликтность является характеристикой среды существования человека. Юридический конфликт детерминирован несоответствием юридического концепта действительности реальному положению дел. Его необходимо разграничить со смежными правовыми явлениями,

прежде всего такими, как юридическое противоречие и спор в праве (юридический спор). В юридической плоскости спор и конфликт рассматривают как стадии юридического противоречия. Анализируемые термины могут использоваться на разных уровнях научного познания, приобретая новые контексты.

Заключение

Пересечение юридического, социального и культурного является отправной точкой в поиске ответов на многие вопросы в сфере гуманитарного знания, но не все подходы такого рода обозначены и разработаны.

Существующее в науке логико-математическое определение метатеории нуждается в гуманитарном преломлении. Она несет освобождение от концептуальных наслоений, обнажает истинный смысл явления. В качестве правовой метатеории может быть рассмотрена культурно-историческая юриспруденция.

Пенитенциарная наука требует применения междисциплинарных подходов, позволяющих использовать концептуальные средства и методы разных сфер научного знания и преодолевающих тем самым схластическое развитие. Концептуальные заимствования должны носить вспомогательный характер, быть опорной точкой в развитии собственной проблематики, но не подменять последнюю.

В гуманитарной подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы необходима интеграция знаний по культурно-исторической юриспруденции путем синтеза достижений в единые концептуально оформленные линии. Она должна строиться с учетом понимания права как самостоятельной метаструктуры, что создаст благоприятные условия для формирования метатеоретического мышления, так необходимого при принятии решений в условиях нестабильности и неопределенности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобров А. М., Мельникова Н. А. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 118–126.
2. Ромашов Р. А. Пенитенциарное право: феноменология и системность // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 234–244.
3. Виноградова Н. В. Методологическое мышление как одна из педагогических культур в развитии профессиональных компетенций // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 14–19.
4. Шаханов В. В. «Уровневая» система познания права как гносеологическая матрица юриспруденции // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 3. С. 18–31.
5. Бочкарев С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса : моногр. М., 2019. 424 с.
6. Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции как базовый элемент общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы в современных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 219–221.
7. Протасов В. Н. Теория государства и права : учеб. и практикум для вузов. М., 2024. 455 с.
8. Осинцев Д. В. Философия, наука, идеология и методология в правовых исследованиях: опыт бесполезного знания // Российский юридический журнал. 2020. № 1 (130). С. 35–43
9. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : моногр. / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2023. 500 с.
10. Веденеев Ю. А. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей // Lex Russica. 2017. № 6 (167). С. 9–31.
11. Скурко Е. В. Пост-право. СПб., 2022. 120 с.
12. Корнев А. В. Идеологические основания и структура учебника «Конституционное право России» доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Эбзеева Бориса Сафаровича. М.: Проспект, 2019. 768 с. // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 43–48.
13. Порус В. Н. Перекрестки методов. Опыт междисциплинарности в философии культуры. М., 2013. 384 с.

14. Шаханов В. В. Общая характеристика метатеории права // *Метатеория и методология права и правопорядка* : моногр. / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир, 2023. С. 10–25.
15. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм : моногр. М., 2022. 328 с.
16. Веденеев Ю. А. Грамматика правопорядка : моногр. / науч. ред. В. В. Лазарев. М., 2018. 232 с.
17. Веденеев Ю. А. Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2023. № 1. С. 15–33.
18. Веденеев Ю. А. Культурно-историческая юриспруденция: институты и концепты // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 4 (104). С. 59–69.
19. Лукьянова И. Е., Овчаренко В. А. Антропология : учеб. пособие / под ред. Е.А. Сигиды. М., 2024. 240 с.
20. Ковлер А. И. Антропология права : учеб. для вузов. Репр. изд. М., 2020. 480 с.
21. Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Правовое воспитание осужденных: поиск новых подходов // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2018. № 1 (41). С. 13–18.
22. Ананиан Л. Н. 2003.01.038. Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрোকриминология). – М., 2001. – 337 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право : реферативный журнал*. 2003. № 1. С. 140–142.
23. Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрোকриминология). М., 2001. 344 с.
24. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 2012. 704 с.
25. Сулима И. И. Потенциал антропологических вопросов в общегуманитарной подготовке // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2024. № 1 (65). С. 274–275.
26. Хабриева, Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М., 2020. 176 с.

REFERENCES

1. Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 118–126. (In Russ.).
2. Romashov R.A. Penitentiary law: phenomenology and consistency. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 3 (59), pp. 234–244. (In Russ.).
3. Vinogradova N.V. Methodological thinking as one of the pedagogical cultures in the development of professional competencies. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, and Education*, 2022, no. 2 (93), pp. 14–19. (In Russ.).
4. Shakhonov V.V. The “level-based” system of cognition of law as an epistemological matrix of jurisprudence. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 18–31. (In Russ.).
5. Bochkarev S.A. *Filosofiya ugovnogo prava: postanovka voprosa: monografiya* [Philosophy of criminal law: posing the question: monograph]. Moscow, 2019. 424 p.
6. Baranov V.M. Encyclopedia of jurisprudence as a basic element of general humanitarian training of specialists for public service in modern conditions. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 219–221. (In Russ.).
7. Protasov V.N. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook and workshop for universities]. Moscow, 2024. 455 p.
8. Osintsev D.V. Philosophy, science, ideology, and methodology in legal research: an experience of worthless knowledge. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = The Russian Juridical Journal*, 2020, no. 1 (130), pp. 35–43. (In Russ.).
9. *Postklassicheskie issledovaniya prava: perspektivy nauchno-prakticheskoi programmy: kollektivnaya monogr.* [Postclassical studies of law: prospects of a scientific and practical program: collective monograph]. Ed. by Tonkov E.N., Chestnov I.L. Saint Petersburg, 2023. 500 p.
10. Vedeneev Yu.A. The legal science in the system of interdisciplinary connections. *Lex Russica = Russian Law*, 2017, no. 6 (167), pp. 9–31. (In Russ.).
11. Skurko E.V. *Post-pravo* [Post-law]. Saint Petersburg, 2022. 120 p.
12. Kornev A.V. Ideological grounds and the structure of the Russian constitutional law textbook by Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Boris S. Ebzeev. Moscow, Prospect, 2019, 768 p. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika = Electoral Legislation and Practice*, 2019, no. 3, pp. 43–48. (In Russ.).
13. Porus V.N. *Perekrestki metodov (Opyt mezhdistsiplinarnosti v filosofii kul'tury)* [Intersections of methods (Experiments of interdisciplinarity in the philosophy of culture)]. Moscow, 2013. 384 p.
14. Shakhonov V.V. General characteristics of the metatheory of law. In: Averin A.V., Davydova M.L. [Eds.]. *Metateoriya i metodologiya prava i pravoporyadka: monogr.* [Metatheory and methodology of law and order: monograph]. Vladimir, 2023. Pp. 10–25. (In Russ.).
15. Vedeneev Yu.A. *Yurisprudentsiya: yavlenie i ponyatie. Vvedenie v genealogiyu yazyka kontseptual'nykh paradigim: monogr.* [Jurisprudence: phenomenon and concept. Introduction to the genealogy of the language of conceptual paradigms: monograph]. Moscow, 2022. 328 p.
16. Vedeneev Yu.A. *Grammatika pravoporyadka: monogr.* [Grammar of law and order: monograph]. Ed. by Lazarev V.V. Moscow, 2018. 232 p.
17. Vedeneev Yu.A. Cultural and historical jurisprudence: institutes and concepts. *Zhurnal yuridicheskoi antropologii i konfliktologii = Journal of Legal Anthropology and Conflictology*, 2023, no. 1, pp. 15–33. (In Russ.).
18. Vedeneev, Yu.A. Cultural-historical jurisprudence: institutes and concepts. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2023, no. 4 (104), pp. 59–69. (In Russ.).

19. Luk'yanova I. E., Ovcharenko V. A. *Antropologiya prava. Material iz Vikipedii – svobodnoi entsiklopedii* [Anthropology of law. Material from Wikipedia – free encyclopedia]. Moscow, 2024. 240 p.
20. Kovler A.I. *Antropologiya prava: ucheb. dlya vuzov* [Anthropology of law: textbook for universities]. Moscow, 2020. 480 p.
21. Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Legal education of convicts: the search for new approaches. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 13–18. (In Russ.).
22. Ananian L.N. 2003.01.038. Kondratyuk L.V. Anthropology of crime (microcriminology). Moscow, 2001. 337 p. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo: referativnyi zhurnal = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law: abstract journal*, 2003, no. 1, pp. 140–142. (In Russ.).
23. Kondratyuk L.V. *Antropologiya prestupleniya (mikrokriminologiya)* [Anthropology of crime (microcriminology)]. Moscow, 2001. 344 p.
24. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, 2012. 704 p.
25. Sulima I.I. The potential of anthropological issues in general humanitarian training. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 274–275. (In Russ.).
26. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. *Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka* [The future of law. The legacy of Academician V.S. Stepin and legal science]. Moscow, 2020. 176 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, доцент кафедры публично-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of the Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, associate professor at the Department of Public Law Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia, Shakhanov.vyacheslav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>

Статья поступила 12.04.2024

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.003

Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение массовых беспорядков

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУРГУЗКИНА

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (Воронеж), Воронеж, Россия, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу проблем, касающихся уголовно-правовой квалификации массовых беспорядков. Акцентируется внимание на преступлениях, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы. *Цель* исследования состоит в разработке на основе комплексного изучения уголовно-правового регулирования и практики применения законодательства в отношении массовых беспорядков предложений по совершенствованию норм, регламентирующих ответственность за совершение массовых беспорядков. *Методы:* структурно-логический, индуктивно-дедуктивный, сравнительно-правовой, статистический, социологический и др. *Результаты:* дается общая характеристика массовых беспорядков, рассматриваются спорные понятия «массовые беспорядки», «уничтожение имущества». Выявлены неточности в нормативных высказываниях и алогизмы в формулировании понятий. Исследованы спорные вопросы, касающиеся элементов состава массовых беспорядков. *Выводы:* на основе норм уголовного закона и обширного эмпирического материала обозначены возможные направления совершенствования квалификации массовых беспорядков, совершаемых в том числе в учреждениях ФСИН России лицами, отбывающими уголовное наказание. Подчеркивается необходимость уточнения понятийного аппарата, используемого в исследуемой уголовно-правовой норме, регламентирующей ответственность за массовые беспорядки. Выработаны предложения по уточнению ст. 212 УК РФ. Вводится понятие массовости при квалификации беспорядков. Усматривается необходимость включения понятия «массовые беспорядки» в виде примечания в ст. 212 УК РФ. Проводится разграничение уголовно наказуемых массовых беспорядков от массовых беспорядков, наказываемых в порядке административного судопроизводства. Доказывается необходимость конкретизации видов насилия, включаемых в состав уголовно наказуемых массовых беспорядков. Формулируются определение погрома, его отличия от насилия при массовых беспорядках. В диспозицию ч. 1 ст. 212 УК РФ предлагается включить не только уничтожение, но и повреждение имущества в ходе массовых беспорядков.

Ключевые слова: массовые беспорядки; насилие; погром; осужденный; уголовно-исполнительная система; ФСИН России.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кургузкина Е. Б., Власова Н. А. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за совершение массовых беспорядков // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 135–144. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.003.

On Legal Regulation of Criminal Liability for Rioting

ELENA B. KURGUZKINA

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA

All-Russian Research Institute of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Abstract

Introduction: the article considers problems related to the criminal law qualification of mass riots with an emphasis on crimes committed in penitentiary institutions. *Purpose:* on the basis of a comprehensive study of the norms of criminal law regulation and the practice of applying legislation in relation to mass riots, to develop proposals for improving norms stipulating liability for rioting. *Methods:* structural-logical, inductive-deductive, comparative-legal, statistical, sociological, etc. *Results:* general description of the state and dynamics of mass riots is given and controversial issues of the concepts "mass riots" and "destruction of property" are considered. Drawbacks in normative statements and alogisms in the formulation of concepts are revealed, in particular, disproportion of definitions used in the law and tautology. Controversial issues of elements of the composition of mass riots are studied. *Conclusion:* based on the norms of criminal law and extensive empirical material, possible directions for improving qualification of mass riots committed, including in penitentiary institutions, by persons serving criminal sentences are outlined. The necessity to improve and clarify the conceptual apparatus used in the criminal law norm regulating liability for rioting is emphasized. Proposals for betterment of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation are made. The concept of mass characterization in the qualification of riots is proposed. There is a need to include the concept of "mass riots" in the form of a note in Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. A distinction is made between criminally punishable mass riots and mass riots punishable by administrative proceedings. The necessity of specifying the types of violence included in the composition of criminally punishable mass riots is proved. The definition of pogrom and its differences from violence in mass riots are formulated. In the disposition of Part 1 of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed to include not only the destruction, but also damage to property during mass riots.

Keywords: mass riots; violence; pogrom; convict; penal system; Federal Penitentiary Service.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kurguzkina E.B., Vlasova N.A. On legal regulation of criminal liability for rioting. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 135–144. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.003.

Введение

Преступность в сфере общественной безопасности причиняет существенный вред нормальным условиям жизни социума. В установленный законодателем перечень криминальных деяний включен и такой вид состава преступления, как массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ). Данное преступное деяние характеризуется повышенной опасностью, поскольку зачастую связано с дестабилизацией обстановки в месте его совершения, вовлечением в него значительного числа людей, бесконтрольно развивающимися деяниями.

Анализ данных уголовной статистики показывает, что количество рассматриваемых преступлений (в узком смысле) колебалось от 15 случаев в 2009 г. до 9 в 2023 г.. Причем наибольшее их число за 15 лет зарегистрировано в 2021 г. (41 случай). В 2009 г. было

выявлено 43 лица, участвовавших в уголовно наказуемых массовых беспорядках, а в 2023 г. – 41. Наибольшее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, оказалось в 2021 г. – 115 человек. Абсолютный спад массовых беспорядков (базисный) составляет 60 %, темп спада за этот же период – 40 %.

Обсуждение

Несмотря на относительно небольшое количество исследуемого вида преступлений в общей массе преступности, изучение его требует пристального внимания именно из-за массовости и существенной опасности для нормального функционирования государственных органов власти и управления, нормальной работы всей социальной структуры государства и общества.

Изучение нормы, регламентирующей уголовную ответственность за массовые беспорядки (ст. 212

УК РФ), представляется остро необходимым в связи с наличием ряда теоретических проблем в ее конструкции, формулировках, толкованиях, а также в связи со сложностями, возникающими в ходе ее практического применения и отсутствием единообразного осмысления.

Родовым объектом данного состава следует признать общественные отношения в сфере охраны общественной безопасности. Необходимо отметить, что ст. 3 Федерального закона от 28.12.2010 № 390 «О безопасности» предусматривает необходимость организации научной деятельности в области обеспечения безопасности. Однако действующий закон не дает определения безопасности в отличие от Закона Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» (в настоящее время не действует), где под безопасностью предлагалось понимать «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 1). Жизненно важные интересы трактовались как «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства». Обозначались основные объекты безопасности: «личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность».

Видовым объектом исследуемого преступления являются общественные отношения, складывающиеся по поводу поддержания общественного порядка, нормальной деятельности органов государственной власти, работы учреждений и организаций, должностных лиц и т. п.

Непосредственным объектом выступают общественные отношения, связанные с защитой безопасного существования людей, государственных и общественных институтов от конкретных, перечисленных в норме деяний в виде насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества, применения оружия и т. д.

Кроме основных объектов в указанных деяниях предполагается наличие и дополнительных, поскольку в ст. 212 УК РФ описаны десять различных составов. Ими могут быть посягательства на жизнь, здоровье, имущество и др. В основном диспозиции норм статьи о массовых беспорядках сконструированы как формальные (за исключением уничтожения имущества).

В случае совершения массовых беспорядков, сопровождавшихся уничтожением имущества, предметом преступления должно выступать имущество. Поскольку законодатель не конкретизирует, уничтожение какого имущества влечет уголовную ответственность при массовых беспорядках, то следует считать, что это относится к любому имуществу. Хотя законодатель не указывает на его принадлежность, но следует все же считать, что оно должно быть чужим по отношению к причинителю вреда. Думается, что уничтожение своего имущества не должно образовывать состав данного преступления. Обобщенная нами судебная практика показывает, что в ходе массовых беспорядков уничтожалось именно чужое имущество.

В частности, 28.03.2018 Абаканским городским судом Республики Хакасия в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 212 УК РФ, был осужден Т., который, «имея преступный умысел на участие в массовых беспорядках, сопровождающихся погромами, поджогами, уничтожением имущества исправительного учреждения ... находясь в помещении отряда № ИК-35 путем погрома уничтожил следующее имущество: две тумбочки прикроватные ... окно ПВХ №... окно ПВХ №... три светильника «ЛПО 2*36»... дверной блок межкомнатный (дверь комнаты начальника отряда №)... в результате чего причинил исправительному учреждению имущественный ущерб... Совершение Т. изложенных выше преступных действий совместно с другими заключенными, принявшими участие в массовых беспорядках, существенно нарушило (дестабилизировало) порядок отбывания наказания, установленный в ИК-35 УФСИН России..., создало угрозу жизни и здоровья большого числа людей и, как следствие, повлекло нарушение общественно-го порядка и общественной безопасности» [1].

В ряде случаев квалифицирующее значение имеет должностное либо служебное положение потерпевшего.

В целом конструкция ст. 212 УК РФ не соответствует требованиям деонтической модальности, общим принципам и логике построения норм уголовного законодательства; допущены неточности в нормативных высказываниях (суждениях) и алогизмы в формулировании понятий: несоразмерность дефиниций, используемых в законе; тавтология; определение неизвестного через неизвестное; нарушение требований непротиворечивости предписаний, определенности закона [2, с. 230; 3; 4].

Традиционно нормы, устанавливающие уголовную ответственность, располагаются в статье по нарастающей: основной состав, затем квалифицированный, затем особо квалифицированный. Ст. 212 УК РФ сконструирована по иному: каждая ее часть содержит самостоятельный состав преступления. Объединяющим между частями является деяние, связанное с массовыми беспорядками. Все основные положения данной статьи изложены достаточно размыто и в большинстве случаев носят оценочный характер.

Объективная сторона деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ, заключается в организации массовых беспорядков, сопровождавшихся указанными в законе последствиями или совершенными определенными действиями. В УК РФ не дается понятия массовых беспорядков. В теории уголовно-правовой науки предлагаются различные дефиниции данного понятия. Так, В. Н. Григорьев представляет массовые беспорядки как «умышленные действия, совершенные большой группой людей – толпой, посягающие на основы общественного порядка и безопасности и сопровождающиеся погромами, разрушениями, поджогом и другими подобными действиями или оказанием вооруженного сопротивления» [5, с. 5].

С. К. Кудашкин определяет массовые беспорядки как «общественно опасные действия большой группы людей, сопровождающиеся погромами, поджогами, насилием, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравля-

ющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, оказанием вооруженного сопротивления представителю власти» [6, с. 103].

Данные определения не содержат никаких признаков массовых беспорядков. Указанные характеристики присущи не самим массовым беспорядкам, а являются определяющими для уголовной ответственности. Самого же понятия массовых беспорядков вообще не дано.

Определенные признаки рассматриваемого понятия можно выделить, анализируя нормы КоАП РФ. Так, исходя из смысла ст. 20.2.2 КоАП РФ, к массовым беспорядкам следует отнести массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах, публичные призывы к массовому одновременному пребыванию и (или) передвижению граждан в общественных местах либо участие в массовом одновременном пребывании и (или) передвижении граждан в общественных местах, если массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах повлекли нарушение общественного порядка или санитарных норм и правил, нарушение функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения или связи либо причинение вреда зеленым насаждениям либо создали помехи движению пешеходов или транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, повлекли причинение вреда здоровью человека или имуществу, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан, сопровождающееся действиями (бездействием), совершенными на территориях, непосредственно прилегающих к опасным производственным объектам или к иным объектам, эксплуатация которых требует соблюдения специальных правил техники безопасности, на путепроводах, железнодорожных магистралях, полосах отвода железных дорог, нефте-, газо- и продуктопроводов, высоковольтных линий электропередачи, в пограничной зоне, если отсутствует специальное разрешение уполномоченных на то пограничных органов, либо на территориях, непосредственно прилегающих к резиденциям Президента Российской Федерации, зданиям, занимаемым судами, или территориям и зданиям учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Массовые беспорядки, предусмотренные ст. 20.2.2 КоАП РФ, если они сопровождались насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, влекут уголовную ответственность (ч. 1 ст. 212 УК РФ). Уголовно наказуемые признаки массовых беспорядков, с нашей точки зрения, скомпонованы достаточно бессистемно.

Анализ ст. 212 УК РФ позволяет выделить следующие самостоятельные составы преступлений:

а) организация уголовно наказуемых массовых беспорядков; б) подготовка к организации уголовно наказуемых массовых беспорядков; в) подготовка к участию в уголовно наказуемых массовых беспорядках; г) склонение, вербовка или иное вовлечение лица (фактически подстрекательство) в совершение уголовно наказуемых массовых беспорядков; д) участие в уголовно наказуемых массовых беспорядках; е) призывы к уголовно-наказуемым массовым беспорядкам; ж) призывы к участию в уголовно-наказуемых массовых беспорядках; з) призывы к насилию над гражданами; и) прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации уголовно наказуемых массовых беспорядков; к) прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях участия в уголовно наказуемых массовых беспорядках.

Ряд составов и признаков дублируют друг друга, не конкретизированы, носят слишком оценочный характер.

Неопределенный характер носит признак массовости. Что следует считать массой участников, достаточной для наступления уголовной ответственности? Ответ на данный вопрос важен, поскольку этот критерий разграничивает массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) и иные преступные деяния, совершенные не в связи с массовыми беспорядками (например, предусмотренные ст. 115, 116, 167, 213 УК РФ и др.).

Сколько же человек должны составлять необходимую массу? Существует мнение о том, что число людей должно быть в этой ситуации достаточным, чтобы в любой момент перекрыть движение транспорта, пешеходное движение, сорвать проведение массового мероприятия, нарушить работу различных учреждений и организаций, то есть контролировать положение на значительной территории [6, с. 99; 7, с. 47].

К. А. Вдовиченко считает, что массовость применительно к ст. 212 УК РФ наличествует в случае, если «общественный порядок нарушается совместными действиями значительного количества человек. Причем это количество должно образовывать толпу, массу людей» [8, с. 155]. Ничего конкретного, существенного, присущего только данному явлению в этих определениях массовости через понятия массы, толпы не усматривается.

С позиции А. М. Багмета, массовые беспорядки – это противоправная деятельность большого количества людей [9, с. 83; 10, с. 126]. М. К. Кумышева при определении массовости активно использует термин «толпа», хотя оговаривает, что массовые беспорядки могут проявляться и вне толпы. Для определения количественной характеристики массовых беспорядков она делает отсылку к Постановлению Правительства Российской Федерации от 25.03.2015 № 72 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)» и предлагает массовым определять скопление людей от 50 человек, о чем и предлагает указать в примечании к ст. 212 УК РФ [11, с. 80]. Сложно согласиться, что, например,

10, 15, 40 человек не смогут принять участие в массовых беспорядках.

Так, 06.04.2021 Майминским районным судом Республики Алтай по ч. 2 ст. 212 УК РФ были осуждены 18 человек «за то, что, будучи обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также осужденными к лишению свободы, содержащимися в камерном помещении... умышленно, осознавая, что своими действиями совершают общественно опасное деяние, способное поставить под угрозу общественную безопасность, нанести имущественный ущерб государству, а также нарушить нормальную деятельность учреждения, предназначенного для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также для выполнения функций исправительных учреждений в отношении осужденных в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, и желая этого, действуя вопреки установленным Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы... из мести за правомерные действия сотрудников администрации ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по РА, связанные с производством внепланового обыска в камере и изъятием из камерного помещения телевизора, совместно расшатали стол и две лавки, вырвали вмонтированные в бетонный пол опоры указанных предметов мебели, после чего перенесли их к входной двери в камеру и забаррикадировали ее изнутри, то есть приняли участие в массовых беспорядках, сопровождавшихся погромами. Уничтожили имущество, оторвав видеокамеру «НТВ-D2115АНД» от места ее крепления, в результате чего привели ее в полную непригодность, причинив ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по РА имущественный ущерб в размере 9823 рублей» [12].

Из приговора следует, что участие в описываемых событиях 18 человек суд счел массовыми беспорядками.

В. А. Козлов на основе исследования в ретроспекции практики применения уголовной ответственности за массовые беспорядки делает вывод о количественном критерии в 300 человек [13, с. 22].

С. В. Розенко отмечает, что понятие «массовость» следует относить к разряду условно оценочных и число участников может быть самым разным, но не менее двух лиц [14, с. 29].

Я. И. Иваненко полагает, что вообще не представляется возможным дать такому негативному явлению, как массовые беспорядки, точное законодательное определение вне оценочного критерия и рассматривает массовость как действие толпы [15, с. 194].

С точки зрения С. К. Кудашкина, признать беспорядки массовыми можно, когда речь идет о большой (более трех человек) группе людей [6, с. 103].

Полагаем, что данную проблему необходимо решать комплексно, признав, что признаком массовости следует считать участие в деянии более двух человек (то есть с трех) и органически неотделимом совершении ими составляющих действий, включаемых законодателем в уголовно наказуемые массовые беспорядки. Иными словами, не только ко-

личественный признак, но и неотъемлемый от него качественный дают возможность верно оценить все обстоятельства уголовного дела и принять правильное решение.

Конструируя диспозицию ч. 1 ст. 212 УК РФ, законодатель одним из признаков преступных массовых беспорядков указывает насилие. Кроме достаточно общего термина никакой конкретизации его в норме нет. Исходя из этого, понятие «насилие» может интерпретироваться по-разному.

В Толковом словаре Д. Н. Ушакова насилие определяется как применение физической силы к кому-нибудь либо применение силы, принудительное воздействие на кого-что-нибудь.

В правовом понимании насилие может быть не только физическим, но и психическим. Однако данный тезис не является бесспорным. Ряд правоведов полагает, что в уголовном праве насилие должно отождествляться только с физическим воздействием, иными словами, с причинением вреда здоровью [6, с. 722; 17].

Анализ научной литературы позволяет прийти к выводу, что исследователями выделяются разнообразные виды насилия: телесное, информационное, интеллектуальное, инструментальное, имущественное, сексуальное [18; 19].

Заслуживает внимания предлагаемое Н. Г. Крыловым определение насилия в уголовно-правовом смысле – уголовно-противоправное общественно опасное физическое или психическое умышленное воздействие на другого человека помимо его воли или вопреки его воле, совершаемое субъектом преступления лично или с помощью определенных средств, орудий или механизмов [20].

Что же следует включать в понятие насилия применительно к ст. 212 УК РФ и какие виды насилия следует квалифицировать по ст. 212 УК РФ без дополнительной квалификации? В самой правовой норме никаких указаний на это нет. А. М. Багмет и В. В. Бычков считают, что деяния, предусмотренные ст. 115, 116, 112, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 318 УК РФ, охватываются диспозицией ст. 212 УК РФ без дополнительной квалификации [21, с. 37].

К. Г. Вдовиченко полагает, что изнасилование, насильственные действия сексуального характера, насилие в отношении представителей власти не охватываются диспозицией ч. 1 ст. 212 УК РФ и подлежат, в случае совершения их в ходе массовых беспорядков, дополнительной квалификации по соответствующей статье УК РФ. Объясняет она это тем, что изнасилования и насильственные действия сексуального характера не подпадают под признаки насилия, поскольку насилие выступает, с ее точки зрения, лишь способом совершения половых преступлений. По поводу насилия в ходе массовых беспорядков в отношении представителей власти К. Г. Вдовиченко проводит аналогию с разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации по поводу хулиганства, рекомендуя квалификацию по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответствующей части ст. 318 УК РФ, в случае применения насилия к представителю власти в ходе совершения хулиганских действий [8].

Достаточно непоследовательна позиция С. К. Ку-дашкина, считающего, с одной стороны, насилием в рамках ч. 1 ст. 212 УК РФ любой его вид (опасный для жизни и здоровья, физическое и психическое), но тут же добавляющего, что тяжкий вред здоровью либо убийство в ходе массовых беспорядков следует квалифицировать по совокупности преступлений [6, с. 104].

Позиция В. Г. Павлова заключается в том, что к насилию, могущему сопровождать массовые беспорядки, относится не только физическое, но и психическое насилие, в которое он включает в том числе угрозу применения насилия в виде угрозы убийством, причинением вреда здоровью разной степени тяжести, уничтожение или повреждение имущества. Физическое насилие, с его точки зрения, включает тяжкий (ст. 11 УК РФ), средней тяжести (112 УК РФ), легкий (ст. 115 УК РФ) вред здоровью, побои (ст. 116 УК РФ), истязания (ст. 117 УК РФ), убийства (ст. 105 УК РФ). Однако он полагает, что причинение тяжкого вреда здоровью и убийства выходят за пределы, охватываемые диспозицией ст. 212 УК РФ (но обоснований этим утверждениям не приводит) [22].

Позиция В. Б. Боровикова и В. В. Боровиковой заключается в том, что насилие, характерное для массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ), включает в себя психическое насилие, то есть угрозы применения физического насилия, например убийства, причинения любого вреда здоровью, истязания, побоев, совершения действий, вызывающих физическую боль, ограничение свободы. Кроме того, оно включает в себя физическое насилие, охватывающее причинение вреда здоровью человека любой степени (включая деяния, предусмотренные ч. 1-3 ст. 111 УК РФ), а также побои, истязания, причинение физической боли, ограничение свободы передвижения [23]. Причем это насилие при массовых беспорядках должно быть умышленным. Исследователи полагают, что при отграничении от административной ответственности за применение насилия при массовом одновременном пребывании и (или) передвижении граждан в общественных местах следует исходить из того, что в случае административного деликта насилие применяется по неосторожности. Мнение это достаточно спорное.

Такое разнообразие подходов к пониманию насилия в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ объясняется правовой неопределенностью данного признака. Ведь если применять признак «насилие» в том виде, как это заложено в норме, то можно не требовать дополнительной квалификации в любом случае насилия, включая и причинение среднего тяжкого вреда здоровью, убийство, а также все иные деяния, совершенные с помощью насилия (разбойное нападения, грабеж насильственный, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, похищение человека, незаконное лишение свободы и т. п.).

Для устранения неопределенности и обеспечения единообразия в применении признака «насилие» в ст. 212 УК РФ целесообразно конкретизировать виды насилия, применение которых при массовых беспорядках образуют исследуемый состав, чтобы

отграничить случаи, при которых возникает необходимость либо дополнительной квалификации, либо применения особой квалифицирующей нормы из ст. 212 УК РФ (в случае внесения в нее изменения). Видится, что изменения диспозиции в отношении конкретизации признака «насилие» следует сформулировать по образцу конструкции ч. 1 ст. 112 УК РФ путем указания на отсутствие тех последствий насилия, которые представляются отягчающими и требуют дополнительной квалификации. А сами эти квалифицирующие и особо квалифицирующие обстоятельства можно указать в созданных ч. 1¹ и 1² ст. 212 УК (соответственно исключив ч. 1¹ в нынешней редакции), куда можно включить и причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и при необходимости другие.

Следующий признак уголовно наказуемых массовых беспорядков – совершение погромов. В отношении данного признака определенности еще меньше, чем по признаку «насилие». Большинство правоведов трактуют формулировку «сопровождавшихся погромами» применительно к ч. 1 ст. 212 УК РФ как умышленное уничтожение или разрушение жилищ, помещений, иных сооружений, имущества, транспорта, средств связи, сопровождающихся нередко насилием над людьми, издевательствами над ними, совершением убийств, причинением различной степени тяжести вреда здоровью, изнасилованиями, насильственными действиями сексуального характера, разбойными нападениями, грабежами, хулиганствами, насильственными посягательствами на материальные ценности и граждан, разграбление жилищ, магазинов, складов, уничтожением и повреждением орудий и средств производства, оборудования и предметов обихода [7; 24; 22, с. 43; 6, с. 104; 25, с. 428].

Обобщая данный подход, А. М. Багмет определяет ряд общих элементов погрома в современном российском законодательстве в виде насилия, уничтожения имущества и поджога, отмечая, что эти составляющие, по сути, дублируют часть самостоятельных признаков уголовно наказуемых массовых беспорядков, указанных в ч. 1 ст. 212 УК РФ. В связи с этим он предлагает исключить признак «погромы» из ч. 1 ст. 212 УК РФ как перегружающий смысловое значение диспозиции уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за массовые беспорядки [9, с. 78–79, 83].

Судебно-следственная практика, судя по приговорам, придерживается вышеуказанной концепции понимания термина «погром». Так, Д., Г. и А. были осуждены Красноярским краевым судом по ч. 1 ст. 212 УК РФ за то, что организовали массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами, поджогами в Центре временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ), являющегося структурным подразделением полиции ГУ МВД России, предназначенным для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии. Находясь в нетрезвом состоянии, Д., Г. и А. в ответ на отказ сотрудников ЦВСИГ

в ночное время открыть комнату, где содержались женщины, организовали массовые беспорядки путем призыва других, содержащихся в ЦВСИГ, принять участие в данных массовых беспорядках. Давали распоряжения закрывать и ломать видеокамеры, выкидывать в коридор и поджигать матрацы, угрожали расправой тем из содержащихся, кто откажется принять участие в массовых беспорядках. В результате были сломаны замок на двери, скамейка, повреждены три матраца. Суд при этом счел погромом срыв со стены четырех видеокамер, блокировку двери в результате поломки замка [26].

С данной квалификацией погрома трудно согласиться, как и с пониманием погрома в юридической литературе. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой под погромом понимается шовинистическое выступление какой-нибудь национальной или иной группы населения, сопровождающееся грабежом и массовыми убийствами.

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова погром определяется в виде организованного правительством, господствующими классами реакционно-шовинистического выступления, массового избиения толпой какой-нибудь группы населения, сопровождающегося убийствами, разорением и грабежом имущества (например, Еврейские погромы в царской России, в панской Польше, в боярской Румынии, в фашистской Германии, армянский погром в султанской Турции).

«Большой юридический словарь» толкует погромы как массовое спонтанное насильственное действие, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств, как правило, инспирированное экстремистскими организациями или полицией реакционного правительства [27]. В соответствии с «Энциклопедическим словарем Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», термину «погром» соответствует открытое нападение одной части населения на другую, сопровождающееся насилием над личностью, похищением или повреждением чужого имущества, или вторжением в чужое жилище, или покушение на эти преступления под влиянием побуждений, проистекающих из вражды религиозной, племенной или сословной, или из экономических отношений, или из нарушающих общественное спокойствие слухов [28].

Исходя из анализа данного традиционного подхода к пониманию сущности понятия «погром», действия, связанные с ним, не дублируют такие признаки уголовно наказуемых массовых беспорядков, как насилие, поджоги, уничтожение имущества, оказание вооруженного сопротивления представителям власти. Нельзя признать ошибкой или недочетом законодателя включение квалифицирующим признаком массовых беспорядков погромов, поскольку деяния должны рассматриваться как таковые, если они носят шовинистический, националистический характер либо связаны с религиозными и иными тому подобными распрями, то есть проистекают из специфической мотивации. В связи с этим в приведенном примере приговора квалифицировать деяния организаторов необходимо как массовые беспорядки,

сопряженные с насилием, уничтожением имущества, но только не как погром.

Предлагаем считать погромом в рамках диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ шовинистическое, националистическое, религиозное или с тому подобной подоплекой открытое нападение одной части населения на другую, сопровождающееся любой формой насилия над личностью, присвоением либо уничтожением чужого имущества, нарушением иных конституционных прав и свобод пострадавших, подвергающихся такому нападению.

По поводу признака массовых беспорядков в виде уничтожения имущества в уголовно-правовой науке идут споры. Предметом уничтожения имущества при массовых беспорядках может быть любое имущество: движимое, недвижимое. Уничтожение, по-видимому, предполагает разрушение имущества до такой степени, когда оно не подлежит восстановлению и отсутствует возможность дальнейшего владения и (или) пользования данным имуществом. Способы уничтожения могут быть любые: разламывание, разбивание, в том числе с помощью предметов, используемых в качестве орудия, а также путем взрывов, поджогов, использования химических средств и т. п. Причем стоимость уничтоженного имущества, судя по диспозиции, на квалификацию исследуемого деяния не влияет. Исключение может составлять только положение ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния. Иными словами, и ущерб в особо крупном размере, и незначительный ущерб на квалификацию не влияют. Отдельные авторы обращают внимание на то, что за пределами уголовной ответственности осталось повреждение имущества в ходе массовых беспорядков. В свете этого предлагают изменить формулировку ч. 1 ст. 212 УК РФ, указав в диспозиции не только уничтожение, но и повреждение имущества любым способом [9, с. 80].

Такой признак, как поджоги в ходе массовых беспорядков, предлагается исключить, так как, по мнению отдельных ученых, он поглощается признаком «уничтожение имущества».

С такой позицией трудно согласиться. Следует помнить, что кроме уголовной существуют и другие виды ответственности, в том числе административная. Ответственность за повреждение имущества предусмотрена за административно наказуемые массовые беспорядки (ст. 20.2.2 КоАП РФ).

Представляется, что выход следует искать в разграничении административной и уголовной ответственности по поводу массовых беспорядков, сопровождавшихся уничтожением и повреждением имущества, в зависимости от суммы ущерба, поскольку и при уничтожении имущественный ущерб может быть незначительным, и при повреждении – может быть крупным и особо крупным. Поэтому при массовых беспорядках следует связывать причинение ущерба не со степенью уничтожения чужого имущества, а с суммой убытков. При этом необходимо выделить общеопасные (поджоги, взрывы и т. п.) способы уничтожения или повреждения имущества как квалифицирующие признаки, усиливающие уголовную ответственность за указанные деяния.

Так, Кутаркалимским районным судом Республики Дагестан П. был осужден к трем годам лишения свободы по ч. 2 ст. 212 УК РФ за то, что при отбывании наказания в ИК-7 20 сентября 2019 г. принял участие в массовых беспорядках, в ходе которых совершил с другими заключенными путем погрома уничтожение имущества, причинив исправительному учреждению имущественный ущерб на общую сумму 4 455 141,07 рублей [29].

В данном приговоре погром указывается в качестве способа уничтожения имущества, что, с нашей точки зрения, неверно, поскольку понятие погрома, о котором мы уже говорили, иное и связано с иными целями и мотивациями. А вот сумма ущерба в результате уничтожения и повреждения имущества достаточно велика, что и дает возможность привлечь лицо к уголовной ответственности, хотя повреждение имущества в ходе массовых беспорядков в настоящее время должно влечь уголовную ответственность. В связи со сказанным полагаем, что уничтожение или повреждение имущества в ходе массовых беспорядков, причинившее незначительный ущерб (например, менее 2500 рублей), при отсутствии иных квалифицирующих признаков необходимо отнести к административному деликту.

Результаты

В ст. 212 УК РФ описаны десять различных составов преступления, в которых помимо основного предполагается наличие и дополнительных объектов. Ими могут быть посягательства на жизнь, здоровье, имущество и др. В основном диспозиции норм статьи о массовых беспорядках сконструированы как формальные (за исключением уничтожения имущества). Поскольку законодатель не конкретизирует, уничтожение какого имущества влечет уголовную ответственность при массовых беспорядках, то следует считать, что это относится к любому имуществу.

Обычно нормы, устанавливающие уголовную ответственность, располагаются в статьях УК РФ по

нарастающей: основной состав, затем квалифицированный, затем особо квалифицированный. Статья 212 УК РФ сконструирована по иному: каждая ее часть содержит самостоятельный состав преступления. Объединяющим между частями является деяние, связанное с массовыми беспорядками. Все основные положения данной статьи изложены достаточно размыто и в большинстве случаев носят оценочный характер.

Уголовно наказуемые признаки массовых беспорядков, с нашей точки зрения, сконструированы достаточно бессистемно.

Признак массовости следует вменять при участии в деянии более двух человек (то есть с трех) и органически неотделимом совершении ими составляющих действий, включаемых законодателем в уголовно наказуемые массовые беспорядки. Иными словами, не только количественный признак, но и неотъемлемый от него качественный дают возможность верно оценить все обстоятельства уголовного дела и принять правильное решение.

Целесообразно конкретизировать виды насилия, применение которых при массовых беспорядках образует исследуемый состав, чтобы отграничить случаи, при которых возникает необходимость либо дополнительной квалификации, либо применения особо квалифицирующей нормы из ст. 212 УК РФ (в случае внесения в нее изменения). Видится, что изменения диспозиции в отношении конкретизации признака «насилие» следует сформулировать по образцу конструкции ч. 1 ст. 112 УК РФ.

Предлагаем считать погромом в рамках диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ шовинистическое, националистическое, религиозное или с тому подобной подоплекой открытое нападение одной части населения на другую, сопровождающееся любой формой насилия над личностью, присвоением либо уничтожением чужого имущества, нарушением иных конституционных прав и свобод пострадавших, подвергающихся такому нападению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия № 1-229/2018 от 28.03.2018 по делу 1-229/2018. URL: <https://actofact.ru/case-19RS0001-1-229-2018-2018-02-07-2-0/> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России : моногр. Воронеж, 2004. 270 с.
3. Панько К. К. Основы законодательной техники в уголовном праве России: теория и законодательная практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 52 с.
4. Панько К. К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве : моногр. М., 2011. 310 с.
5. Григорьев В. Н. Расследование массовых беспорядков в условиях чрезвычайного положения : учеб. пособие. М., 1992. 56 с.
6. Кудашкин С. К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 101–106.
7. Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 47–48.
8. Вдовиченко К. Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 153–155.
9. Багмет А. М. Криминология уголовного закона: проблемы правового регулирования массовых беспорядков как вида насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 76–84.
10. Багмет А. М. Массовые беспорядки как уголовно-правовое понятие // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 3 (60). С. 124–126.

11. Кумышева М. К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 79–81.
12. Приговор Майминского районного суда Республики Алтай № 1-2/2021 от 06.04.2021 по делу № 1-2/2021. URL: <https://actofact.ru/case-02RS0003-1-2-2021-1-3-2020-1-4-2019-1-107-2018-2018-05-11-2-0/> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1952 – начало 1980 гг.). М., 2010. 463 с.
14. Розенко С. В. Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ): история развития и проблемы совершенствования // Российская юстиция. 2013. № 1. С. 27–30.
15. Иваненко Я. И. Массовость как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 183–185.
16. Меньшагин В. Д., Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Особенная часть : в 2 т. М., 1955–1959. Т. 1. 800 с.
17. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. 296 с.
18. Подгайный А. М. К вопросу о понятии и формах криминального психического насилия над личностью // «Черные дыры» в Российском законодательстве. М., 2006. № 4. С. 418–429.
19. Семейкина О. В. О понятиях психическое «насилие» и «угроза» // Конституционная и правовая система: проблемы совершенствования и развития (российский и зарубежный опыт) : сб. статей. Новосибирск, 2005. С. 299–304.
20. Крылов Н. Г. К вопросу о содержании понятия «насилие» в российском уголовном праве // Вестник Саратовской государственной академии. № 5 (112). 2016. С. 131–135.
21. Багмет А. М., Бычков В. А. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков : моногр. Челябинск, 2009. 117 с.
22. Павлов В. Г. Объективная сторона массовых беспорядков // XVIII Царскосельские чтения : материалы междуна-род. науч. конф., 22–23 апреля 2014 г. СПб, 2014. С. 41–44.
23. Боровиков В. Б., Боровикова В. Б. Вопросы разграничения массовых беспорядков с административными пра-вонарушениями // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 98–101.
24. Иванов В. Д. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для высш. юрид. учеб. заведений. М. ; Ростов н/Д., 2002. 510 с.
25. Игнатов А. Н., Краснов Ю. А. Курс российского уголовного права : в 2-х т. М., 2002. Т. 2. Особенная часть. 946с.
26. Приговор Красноярского краевого суда № 2-5/2020 от 05.02.2020 по делу № 2-5/2020. URL: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/osuzhdeni-uchastniki-besporyadkov/81307472/> (дата обращения: 01.02.2024).
27. Большой юридический словарь / [В. А. Белов и др.] ; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2003. 703 с.
28. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/85932> (дата обращения: 01.02.2024).
29. Приговор Кумторкалинского районного суда Республики Дагестан № 1-39/2020 от 12.05.2020 по делу № 1-39/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uRYdVnNgUYNb/> (дата обращения: 01.02.2024).

REFERENCES

1. *Prigovor Abakanskogo gorodskogo suda Respubliki Khakasiya No. 1-229/2018 ot 28.03.2018 po delu 1-229/2018* [Verdict of the Abakan City Court of the Republic of Khakassia No. 1-229/2018 of March 28, 2018 in the case 1-229/2018]. Available at: <https://actofact.ru/case-19RS0001-1-229-2018-2018-02-07-2-0/>. (accessed February 1, 2024).
2. Pan'ko K.K. *Metodologiya i teoriya zakonodatel'noi tekhniki ugovolnogo prava Rossii: monogr.* [Methodology and theory of legislative technique of criminal law of Russia: monograph]. Voronezh, 2004. 270 p.
3. Pan'ko K.K. *Osnovy zakonodatel'noi tekhniki v ugovolnom prave Rossii: Teoriya i zakonodatel'naya praktika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Fundamentals of legislative technique in Russian criminal law: theory and legislative practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2006. 52 p.
4. Pan'ko K.K. *Teoriya i praktika zakonotvorchestva v ugovolnom prave: monogr.* [Theory and practice of lawmaking in criminal law: monograph]. Moscow, 2011. 310 p.
5. Grigor'ev V.N. *Rassledovanie massovykh besporyadkov v usloviyakh chrezvychainogo polozheniya: ucheb. posobie* [Investigation of mass riots in a state of emergency: textbook]. Moscow, 1992. 56 p.
6. Kudashkin S.K. On the issue of objective signs of the corpus delicti of crimes, for which responsibility is provided for by Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, p. 103. (In Russ.).
7. Solov'ev A. Mass riots: organization, participation, calls for insubordination. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2000, no. 7, pp. 47–48. (In Russ.).
8. Vdovichenko K.G. Topical issues of mass riots qualification. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 4 (50), pp. 153–155. (In Russ.).
9. Bagmet A.M. Criminal law criminology: problems of legal control of riots as a type of violent criminality. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava = Russian Journal of Criminology. Scientific Journal of Baikal State University*, 2013, no. 1, p. 83. (In Russ.).
10. Bagmet A.M. Mass riots as a criminal law concept. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration in the East of Russia*, 2012, no. 3, pp. 1–5. (In Russ.).
11. Kumysheva M.K. On the issue of mass characterization in the criminal law characteristics of mass riots. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 3, p. 80. (In Russ.).
12. *Prigovor Maiminskogo raionnogo suda Respubliki Altai No. 1-2/2021 ot 06 aprelya 2021g. po delu No. 1-2/2021* [Verdict of the Maiminsky District Court of the Altai Republic No. 1-2/2021 of April 06, 2021 in case No. 1-2/2021]. Available at: <https://actofact.ru/case-02RS0003-1-2-2021-1-3-2020-1-4-2019-1-107-2018-2018-05-11-2-0/> (accessed February 1, 2024).

13. Kozlov V.A. *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1852–nachalo 1980 g.g.)* [Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1852–early 1980)]. Moscow, 2010. 463 p.
14. Rozenko S.V. Mass riots (Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation): the history of development and problems of improvement. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2013, no. 1, p. 29. (In Russ.).
15. Ivanenko Ya.I. Massive involvement as attribute of objective aspect of crime falling under article 212 of the Criminal Code. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2021, no. 2, p. 183–185. (In Russian).
16. Men'shagin, V.D., Piontkovskii A.A. *Kurs sovetskogo ugovolnogo prava. Osobennaya chast'. T. 1* [Course of Soviet criminal law. Special part. Volume 1]. Moscow. 1955. 800 p.
17. Sharapov R.D. *Fizicheskoe nasilie v ugovolnom prave* [Physical violence in criminal law]. Saint Petersburg, 2001. 296 p.
18. Podgainyi A.M. On the question of the concept and forms of criminal mental violence against a person. "Chernye dyry" v Rossiiskom zakonodatel'stve. = "Black Holes" in Russian Legislation, 2006. no. 4, pp. 418–429. (In Russ.).
19. Semeikina O.V. On the concepts of mental "violence" and "threat". In: *Konstitutsionnaya i pravovaya sistema: problemy sovershenstvovaniya i razvitiya (rossiiskii i zarubezhnyi opyt): sb. statei* [Constitutional and legal system: problems of improvement and development (Russian and foreign experience): collection of articles]. Novosibirsk, 2005. Pp. 299–304. (In Russ.).
20. Krylov N.G. To a question of the content of the concept of "violence" in the Russian criminal law. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 5 (112), 2016, pp. 131–135. (In Russ.).
21. Bagmet A.M. Bychkov V.A. *Ugovolno-pravovaya kharakteristika massovykh besporyadkov: monogr.* [Criminal and legal characteristics of mass riots: monograph]. Chelyabinsk, 2009. 117 p.
22. Pavlov V.G. The objective side of mass riots. *Tsarskosel'skie chteniya = Tsarskoye Selo Readings*, 2014, no. 18, pp. 41–44. (In Russ.).
23. Borovikov V.B., Borovikova V.V. Issues of delimitation of riots with administrative offenses. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2017, no. 5, pp. 98–101. (In Russ.).
24. Ivanov V.D. *Ugovolnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vyssh. yurid. ucheb. zavedenii* [Criminal law. Special part: textbook for higher education law institutions]. Moscow, Rostov on Don, 2002. 510 p.
25. Ignatov A.N., Krasnov Yu.A. *Kurs rossiiskogo ugovolnogo prava: v 2-kh t. T. 2 Osobennaya chast'* [Course of Russian criminal law: in 2 volumes. Volume 2. Special part]. Moscow, 2002. 946 p.
26. *Prigovor Krasnoyarskogo kraevogo suda No. 2-5/2020 ot 05.03.2020 po delu No. 2-5/2020* [Verdict of the Kumtorkalinsky District Court of the Republic of Dagestan No. 1-39/2020 of May 12, 2020 in case No. 1-39/2020]. Available at: <https://krasnoyarsk.bezformata.com/listnews/osuzhdeni-uchastniki-besporyadkov/81307472/> (accessed February 1, 2024).
27. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Large legal dictionary]. Ed. by Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. Moscow, 2003. 703 p.
28. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Encyclopedic dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. Available at: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/85932> (accessed February 1, 2024).
29. *Prigovor Kumtorkalinskogo raionnogo suda Respubliki Dagestan No. 1-39/2020 ot 12.05.2020 po delu No. 1-39/2020* [The verdict of the Kumtorkalinsky District Court of the Republic of Dagestan No. 1-39/2020 of May 12, 2020 in case No. 1-39/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/uRYdVnNgUYNb/> (accessed February 1, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУРГУЗКИНА – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия (Воронеж), Воронеж Россия, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

ELENA B. KURGUZKINA – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh Russia, torbagan1@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1305-0740>

NATAL'YA A. VLASOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Статья поступила 01.04.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.004

Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы)

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

nikita_kolokolov@mail.ru

Реферат

Введение. В настоящей публикации продолжается начатое в предыдущем номере журнала исследование парной категории «значительное – малозначительное» в уголовном праве, которое осуществляется через призму требований, предъявляемых обществом к уголовному судопроизводству. *Цель:* глубже изучить некоторые теоретические аспекты проблемы, приблизиться к познанию сущности некоторых аспектов судебского усмотрения, критически «прочитать» обзоры новейшей судебной практики. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, диалектического познания, анализ и синтез. *Результаты:* подробно изучена уголовно-правовая доктрина малозначительности, выделены четыре относительно самостоятельных периода ее формирования: дореволюционный (1845–1917), постреволюционный (1917–1958), развитого социализма (1958–1991) и постсоветский (начиная с 1991 г.). Критике подвергнут институт «небольшого размера», существовавший в 1965–1982 гг. Проанализированы ситуации, когда суды на прецедентном уровне, «торпедируя» обозначенную законодателем тяжесть содеянного виновным, изыскивают варианты освобождения конкретных лиц как от уголовной ответственности, так и уголовного наказания. Автор приходит к следующим *выводам:* нет единого толкования понятий значительного и малозначительного в теории российского уголовного права; поскольку все еще продолжается разработка алгоритмов применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, а равно аналогичных уголовно-правовых регламентов (например, ч. 6 ст. 15 УК РФ), в которых неизбежно заходит спор о значимости содеянного, обществу приходится рассчитывать на уровень искусства толкования конкретного судьи. Растет число правоведов, предлагающих проблему малозначительности деяния вынести на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В последующих статьях серии читателю будет предложен предметный анализ исследования практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, содержащейся в решениях Первого Кассационного суда общей юрисдикции.

Ключевые слова: малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); парные категории; уголовное право; фундаментальный принцип права; свобода судебского выбора; общественная опасность; наказательное право; правонарушение; правонарушение, предусмотренное КоАП РФ; уголовный проступок; виртуальная (предполагаемая) польза наказания; реальный социальный вред наказания; судебная практика; единство судебной практики.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (углубленный анализ проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 145–155. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.004.

Significantly about the Insignificant: Practice of Applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (In-Depth Analysis of the Problem)

NIKITA A. KOLOKOLOV

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract

Introduction: this publication continues the research of the paired category “significant – insignificant” in criminal law, covered in the previous issue of the journal. It is carried out through the prism of requirements imposed by society on criminal proceedings. *Purpose:* to more deeply study some theoretical aspects of the problem, to get closer to understanding the essence of some aspects of judicial discretion, and to analyze reviews of the latest judicial practice. *Methods:* historical, comparative legal, dialectical cognition, analysis and synthesis. Results: the criminal law doctrine of insignificance is studied in detail. Four relatively independent periods of its evolution (pre-revolutionary (1845–1917), post-revolutionary (1917–1958), developed socialism (1958–1991) and post-soviet (since 1991)) are identified. The institution of “small size” (1965–1982) is criticized. The author analyses situations when courts at the precedent level, “torpedoing” the severity of the crimes indicated by the legislator, seek options to release certain persons both from criminal liability and criminal punishment. The author comes to the following conclusions: there is no single interpretation of the concepts of significant and insignificant in the theory of Russian criminal law; since algorithms for the application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as similar criminal legal regulations (for example, Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation) are still developing, in which a dispute inevitably arises about the significance of what has been done, society has to rely on the level of interpretation art of a particular judge. A growing number of lawyers propose to bring the problem of the insignificance of an act to the discussion of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. In subsequent articles, the reader will be offered a substantive analysis of the practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation contained in the decisions of the First General Jurisdiction Court of Cassation.

Keywords: insignificance of an act (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation); paired categories; criminal law; fundamental principle of law; freedom of judicial choice; public danger; punitive law; offense; offense provided for by the Administrative Code of the Russian Federation; criminal misconduct; virtual (alleged) benefit of punishment; real social harm of punishment; judicial practice; unity of judicial practice.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (in-depth analysis of the problem). *Penitentiary Science*. 2024. vol. 18, no. 2 (66), pp. 145–155. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.004.

Преступление: рациональное и иррациональное.

Как отмечалось в предыдущей публикации [1], анализируемый институт малозначительности известен теории права со времен Древнего Рима, уже тогда было сформулировано суждение: «*summum jus, summa injuria*» – точное соблюдение закона (максима) порой равно высшему бесправью (Цицерон – *de officiis*, I, 10, 33; Теренций – *Heatontimorumenos*, IV, 5), буквальное истолкование закона порой конфликт не разрешает, а порождает новую несправедливость. Неслучайно вышеуказанное суждение в некоторых

странах (например, во Франции) возведено в ранг основных принципов права [2]. С сожалением приходится констатировать, что принцип «*summum jus, summa injuria*» не только не нашел своего места в действующем российском законодательстве, но и его изучение находится за рамками учебных программ, упоминание о нем отсутствует в большинстве курсов по уголовному праву.

Кроме того, в предыдущей публикации с опорой на доктринальное толкование действующего законодательства было отмечено, что отличительной

характеристикой деяния, возведенного закреплённой в законе нормой права и квалифицируемой как преступление (ч. 1 ст. 14 УК РФ), признаётся особая социальная значимость содеянного. Очевидно, что УК РФ 1996 г. был разработан далеко не на пустом месте, действующий уголовный закон – совокупность компромиссов, найденных предыдущими поколениями юристов. Возникает вопрос, когда и при каких обстоятельствах получили признание идеи, которые в наши дни не только воплотились в уголовный закон, но и нашли свое продолжение в повседневной следственной, прокурорской и судебной практике?

Сегодня мы вынуждены констатировать, что практически все существующие судебные системы, свойственные их функционированию технологии – порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Очевидно, что многим из них в какой-то момент просто не найдется места в постиндустриальном в обществе. Уже сейчас на смену «классическому судебному офису» стремительно идет «офис», по инерции именуемый все еще судебным, но уже во многом виртуальный [3].

Что же при таких обстоятельствах день грядущий нам готовит? Ответ на данный вопрос можно отыскать в трудах Даниела Белла (1919–2011) «Конец идеологии» (Bell D. *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties.* Cambridge, 1960), «Грядущее постиндустриальное общество» (Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society.* N.Y., 1973) и «Культурные противоречия капитализма» (Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism.* N.Y., 1976). Если классики марксизма-ленинизма считали, что «государственная машина, свойственная обществу индустриальному, – «паразит», который обязательно должен быть полностью замещен чем-то новым», при этом они настойчиво призывали революционеров, отбросив «мещанские иллюзии мирного развития демократии», обратиться к повивальной бабке истории – насилию, то, по Д. Беллу, «старый мир разрушать до основания» (*zerbrochen*) никакой необходимости нет, ибо государство и право, равно как и прочие достижения цивилизации, вполне могут пригодиться новому постиндустриальному обществу.

Иными словами, отвечая на вопрос, в какой степени настоящее детерминировано прошлым, Д. Белл предлагал не разбрасываться социально-правовыми ценностями дней минувших. В этом он далеко не одинок. Его современник философ С. Н. Булгаков (1871–1944) еще в первой половине XX в. отметил, что в «жизни как отдельного лица, так и народа огромное влияние имеет их прошлое» [4, с. 73]. Социально-правовые технологии, пусть даже и разработанные обществом в очень далеком прошлом, – это те грани бесценного опыта человечества, которые лежат в основе его современного рационального поведения. В то же время реальная трансформация общества влечет модернизацию как системы власти в целом, так и аппарата управления – государства, в том числе такого важного его элемента, как суд – институт, которому вменено в обязанность найти четкую грань между преступным и не преступным [3]. Попробуем проанализировать основные этапы становления категории «преступление» в России.

Общепризнанные традиции развития русского уголовного права. Как известно, истоки российского уголовного закона уходят в глубину веков, ко временам «Русской Правды», судебников 1449, 1497, 1550 гг. Именно там можно найти первые рассуждения законодателя о преступлении. Но основные понятия и технологии современного уголовного судопроизводства были выработаны и закреплены в XIX в.

В царствование Николая I (1796–1855) под руководством главноуправляющего Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа Д. Н. Блудова (1785–1864) на основе, во-первых, старого российского законодательства, во-вторых, текущей отечественной судебной практики, в-третьих, уголовных законов европейских государств была осуществлена своего рода кодификация уголовного права России. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было рассмотрено Государственным советом, после чего 15 августа 1845 г. утверждено Императором и с 1 мая 1846 г. введено в действие.

Отделение первое уложения «О существе преступлений и проступков» гласило: «Всякое нарушение закона, через которое лицо посягает на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление» (ч. 1). «Нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступком» (ч. 2). «За преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям уголовным или исправительным» (ч. 3). «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною» (ч. 7).

Как видим, авторы уложения, регламентируя сущность преступления (проступка), используют термин «зло» – определенный преступный результат, материализуя и конкретизируя тем самым реальность последствий противоправной деятельности. Отсутствие «зла» (последствий), а равно отсутствие вины конкретного человека в причинении «зла» устраняют преступность, а следовательно и наказуемость деяния.

Само по себе «зло» – нормативно-оценочная категория морального сознания (ценности, нормы – идеал, являющийся отражением практического опыта). Таким образом, «зло» – это все то, что получает у людей отрицательную оценку, порицание. В христианстве категория «зло» – историческая, авторы учения исходили из того, что зло в конечном итоге будет побеждено. Философ Андре Конт-Спонвиль, толкуя категорию «зло», обращаясь к учению рационалиста Бенедикта (Баруха) Спинозы (1632–1677), анализируемую категорию толкует весьма широко: «Зло все то, что отделяет нас от человеческого идеала» [5, с. 196–197]. Ниже читаем: «злой – человек, который ведет себя как преступник или, чаще, как негодяй» [5, с. 197].

В современном понимании, в соответствии со словарем русского языка под редакцией А. П. Евге-

ньювой, «зло» – все дурное, плохое вредное, а «злодей» – лицо, совершившее злодеяние, «негодяй» – подлый низкий человек.

Изложенное выше позволяет заключить, что в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, в отличие от действующего УК РФ 1996 г., не перемешиваются преступления (деяния во истину опасные) и проступки (данной степенью общественной опасности не обладающие).

Имевший место в 1917 г. отказ от института уголовного проступка лишил и законодателя, и правоприменителя необходимой свободы маневра как при квалификации содеянного, так и при назначении наказания. Как видим, в УК РФ определения малозначительности в конкретных деяниях нет, в то же время возможность ее гипотетического обнаружения, по крайней мере теоретически, не исключается (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Позволим себе предположить, что закрепленная в уголовном законе «малозначительность» – не более чем просто фигура речи. Предельная краткость избранной законодателем формулировки – намек на то, что норма, предусмотренная ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности, по большому счету, не для повседневного применения. В какой-то степени анализируемая конструкция аналогична упоминанию в УПК РФ о том, что «приговор может быть оправдательным или обвинительным» (ч. 1 ст. 302), так как очевидно, что общество ждет от суда приговоров именно обвинительных. Оправдание – брак в работе стороны обвинения. Что касается популистских рассуждений касательно малого числа оправданий, то они от лукавого, поскольку авторы этих суждений старательно избегают ответа на вопрос: что государству делать, если преступление на лицо, а подсудимый оправдан?

Еще раз подчеркнем, что общая конструкция законодательства такова, что отдельные «следы» малозначительности правоприменителю приходится искать в других, совсем не уголовных законах, например, в ст. 7.27 КоАП РФ.

Что касается представителей юридической науки, то явное несовершенство конструкции действующего закона заставляет их искать параметры малозначительности в трудах классиков как отечественного уголовного права, так и специалистов из других стран. Например, Ч. Беккариа (1738–1794) отмечал, что «истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу» [6, с. 226].

Авторы французской Декларации прав человека и гражданина 1989 г. понятие преступления раскрывали, как «действия вредные для общества». Эта правовая идея сохранилась и в УК Франции 1992 г.: «Тяжесть вреда, причиненного обществу, – вот что определяет юридическую сущность преступного деяния. Только посягательство на общественные ценности образует преступление и проступки» [7, с. 35].

Освещение проблем значительности и малозначительности в отечественной юридической науке представляется целесообразным разделить на четыре больших периода:

- 1) дореволюционный (1845–1917 гг.);
- 2) постреволюционный (1917–1958 гг.);

3) период развитого социализма (1958–1991 гг.);

4) постсоветский (1991 г. – по настоящее время).

1. Дореволюционный период (1845–1917)

По нашему глубокому убеждению, анализируемые в настоящем цикле статей проблемы значительности и малозначительности в теории русского уголовного права лучше всего были раскрыты профессором Н. С. Таганцевым (1843–1923). Николай Степанович, излагая свои взгляды на преступное деяние как предмет изучения в курсе своих лекций по русскому уголовному праву, уже в подзаголовке первом введения путем простого перечисления указал, что ниже речь пойдет о таких простых понятиях, как: 1) «жизненное событие», 2) «проявление личности», 3) «социальное явление», 4) «предмет антропологии» и, заметим, только в самом конце, 5) «юридическое отношение» [8, с. 1].

С этого момента для теории российского уголовного права характерен следующий подход в расположении категорий, подлежащих изучению по их значимости: «преступное деяние», «его объем», «уголовный закон» («норма»), «виновник» [9, с. 376–380].

Примечательно то обстоятельство, что Н. С. Таганцев разделял не только категории «уголовное право» и «уголовный закон» (многие этого не ощущают и в наши дни), но и соотношение прав и обязанностей виновного, судьи и государства. Конкретизируя функцию последнего, он подчеркивал, что «наибольшее значение закон имеет для самого государства... устанавливая, какие именно посягательства признаются настолько *существенными* (выделено нами – Н. К.) условиями общежития, что государство охраняет их от неисполнения угрозой наказания» [8, с. 111].

Существенное Н. С. Таганцев предлагал искать путем толкования (кто-то знает иные пути?), предупреждая, что поиск смысла сказанного законодателем начинать надо от обратного (*ad absurdum*), чтобы рассуждения не привели правоприменителя к «логической нелепости или физической невозможности исполнения закона» [8, с. 362]. Хорошо, когда закон ясен (к ст. 14 УК РФ это не относится), ибо в такой ситуации его можно применить буквально. Со всем другое дело, когда закон придется применять с учетом скрытой мысли законодателя: «дать норме либо рестриктивное, ограниченное толкование, либо толковать закон экстенсивно, распространительно» [8, с. 363].

Анализируя грани «значительности» и «малозначительности», Н. С. Таганцев нашел исключительно интересные примеры обоих видов толкования Правительствующим Сенатом. Экстенсивное (гиперзначительное) – оказание сопротивления исполнению судебного решения в группе (ст. 270 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных) вне зависимости от степени участия каждого. В наши дни это напоминает объективное вменение, рекомендуемое Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013 № 3, от 24.12.2019 № 59): участники преступления договорились о даче – получении взятки, вне зависимости от размера полученной суммы оба состава оконченные.

В наши дни классический пример такого расширенного толкования – придание гиперзначимости всего лишь интеллектуальному участию взяточдателя в организации получения взятки – результаты рассмотрения уголовного дела в отношении судьи Котова и адвоката Кувакиной. Из апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.02.2024 № 55-33/2024 (электронный архив суда за 2024 г.) следует, что в действиях последней суды первой и второй инстанций усмотрели оконченный состав преступления, несмотря на то что последняя на заключительном этапе совершения преступления фактически «отработала за сотрудника правоохраны», вручившего «куклу» взяткополучателю.

Рестриктивное толкование закона Сенатом: фальшивомонетки (ст. 571 уложения «Подделка государственных кредитных бумаг») подделали банкноты, но не путем изготовления специальной бумаги (п. 1), а на «простой бумаге» (п. 2), да еще механическим путем (нарисовали ассигнации от руки), что существенно ограничивало возможность их распространения. Законодатель XIX в. считал: не исключено, что при таких обстоятельствах суд должен руководствоваться не буквой закона, а разумом (*ex sententia legis*) [8, с. 363–364].

Такое до предела рестриктивное толкование, пусть и крайне редко, но все же встречается и в наши дни. Так, сторона обвинения сочла возможным не замечать значимого в действиях егеря, умышленно таранившего машину мотоцикл, на котором браконьер вывозил незаконно добытые трофеи (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Мировой судья такой компромиссный подход к решению проблемы полностью одобрил, усмотрел в действиях виновного всего лишь малозначимое – причинение вреда здоровью при задержании опасного преступника (ч. 1 ст. 114 УК РФ) [10].

Для правильного понимания рестриктивного толкования в совершенных условиях особый интерес представляет «многоходовка», предпринятая Всеволожским городским судом Ленинградской области в целях освобождения от наказания директора пансионата для престарелых Н., который органами предварительного расследования обвинялся по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, за что и был осужден данным судом от 25 ноября 2022 г. Несмотря на то что Н. был признан виновным в оказании услуг, повлекших смерть женщины, суд первой инстанции истолковал содеянное как малозначительное, поэтому усмотрел основания для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, изменил категорию преступления с тяжкой на менее тяжкую, применил ст. 76 УК РФ, ст. 25, п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ и прекратил уголовное дело в связи с примирением Н. с потерпевшим (постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации Иванова о передаче кассационного представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 02.10.2023 № 33-УДП23-17-К3 (Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2024 год)).

Во всех перечисленных ситуациях и Сенат, и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, и правоприменители по конкретным делам руководство-

вались не буквой закона, а только его духом, если точнее, то соображениями целесообразности.

Естественно, что Н. С. Таганцев был полностью согласен с позицией Сената в том, что «всякое сомнение должно быть истолковано в пользу подсудимого (*in poenalibus causis benignius interpretandum; in dubiis – mistius*)» [8, с. 366]. Как следует из вышеизложенного, некоторые сомнения фактически не далеко ушли от надуманного. Превратности института толкования. Неслучайно профессор Г. Ф. Шершеневич (1863–1912) предупреждал: «не ищите в толковании науки, ибо это искусство» [11, с. 724]. Иными словами, конфликт между категориями «правовая определенность» и «законность» неизбежен. Причина: с одной стороны, краткость законодательного регламента, с другой – в законе могут быть изложены самые общие правила.

Как известно, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не только признавал за судами право на толкование закона (ст. 12), но и буквально запрещал судьям уклоняться от данной обязательной формы судебной деятельности, так как судья не имел права останавливать решение дела под предлогом какой-либо неясности закона (ст. 13).

Что касается права суда на толкование, то подчеркнем, что единства по данному вопросу в России никогда не было, нет его и сейчас. Н. С. Таганцев по этому поводу писал: с одной стороны, ввиду отрицания прецедента как источника права факт толкования не выходит за рамки конкретного уголовного дела. С другой стороны, речь всегда шла о необходимости формирования в государстве единого правового пространства, следовательно, частные решения по конкретным делам определенную силу прецедента все же имеют. При этом в формировании единого правового пространства особая роль принадлежит высшим судам [8, с. 369–361].

В наши дни в открытую снова заговорили об особой российской судебной доктрине. Как и во времена Н. С. Таганцева, высказываются опасения о том, что суды создают право, а при существовании «жесткой судебной системы» «право пишется высшими инстанциями» [12, с. 31–33].

Н. С. Таганцев официально сожалел, что публикуются далеко не все решения высших судов [8, с. 371], то же самое мы вправе сказать и о текущей судебной практике. Например, признается, что опубликованы даже не все решения Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Причины такого подхода к решению проблемы могут быть разными, одна из них – отсутствие уверенности в законности и обоснованности судебных решений.

Относительно избранной темы отметим, что факты применения (а тем более, отказа в применении) судами ч. 2 ст. 14 УК РФ публикуются крайне редко, результаты проведенных обобщений данной практики носят, как правило, закрытый характер. При таких обстоятельствах о едином правовом пространстве применения ч. 2 ст. 14 УК РФ говорить не приходится. Да и возможно ли таковое в большой многонациональной и многоконфессиональной стране?

Чем в таких ситуациях следует руководствоваться правоприменителю? Ответ на вопрос находим у Н. С. Таганцева: речь идет об авторитете юридической науки. Впрочем, многие россияне тут же заявят, что мы не в Англии, чтобы ссылаться на корифеев науки: нет у нас своих У. Блэкстоуна (1723–1780) и Д. Маршалла (1755–1835). Ссылок на доктрину в уголовном судопроизводстве немного, впрочем, в иных видах процесса такие ссылки уже приветствуются.

Также рассмотрим другой документ – ровесник Великой судебной реформы 1864 г. – Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, который изобилует словосочетаниями «смотря по обстоятельствам» (ст. 9), «признание вины», «возмещение ущерба» (ст. 13). Особый правовой статус имели имущественные проступки (кража, мошенничество), совершенные в семье (ст. 19), дела о краже леса (ст. 21).

Наконец, согласно ст. 47 Уложения уголовного 1903 г. (в ред. 1909 г.) «не почитается преступлением деяние, направленное на предмет несуществующий или очевидно негодный для учинения того рода преступления, для которого замыслено».

2. Постреволюционный период (1917–1958)

Лозунг из песни «Интернационал» «Весь мир насилья мы разрушим, до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим» в полном объеме распространялся и на старое «эксплуататорское» право. При таких обстоятельствах государственному аппарату предстояло создать новое советское, социалистическое уголовное право.

Первые советские уголовные кодексы. Не будем отрицать общеизвестного: авторы как первых проектов УК РСФСР (1920¹, 1921² гг.), а также первого УК РСФСР 1922 г., его модернизированного варианта 1926 г. были высококвалифицированными специалистами, прекрасно знающими и дореволюционное законодательство России, и лучшие образцы мирового уголовного права.

Входившие в авторские коллективы А. А. Герцензон (1902–1970), М. М. Исаев (1880–1950), А. А. Пионтковский (1898–1973), Б. С. Утевский (1887–1970) и др. знали, что такое преступление, в чем его общественная опасность, какова значимость формальных признаков преступного деяния. Однако все эти знания из прошлого критически воспринимались обществом, которое делилось на «эксплуататоров» и «эксплуатируемых». В силу данного обстоятельства деяния первых гиперболизировались, значимость содеянного вторыми – преуменьшалась.

Чтобы буква закона (его форма) не противоречила его духу (содержанию), нарком юстиции Д. И. Курский (1874–1932), выступая с докладом на заседании ВЦИК, специально посвященному проекту УК РСФСР 1922 г., отмечал: «закон определяет преступление так, как его понимают марксисты», что «касается правосудия, то его творят рабочие и крестьяне» [13,

с. 81]. Как видим, закон – классовый, «марксистский», «буква» его совсем не догма, поскольку никто не лишил правоприменителей (судей из народа) права на соответствующие формы усмотрения.

Не секрет, что среди судей того периода не считалось зазорным иметь четко выраженное предубеждение в отношении отдельных категорий лиц («бывших»), априори считавшихся «действительно социально опасными» [14, с. 43–44].

Таким образом, авторы первого УК РСФСР 1922 г., записав в законе, что «преступлением признается всякое опасное действие или бездействие» (ст. 6), не забыли упомянуть, что «именно в действии обнаруживается опасность лица» (ст. 7). Иными словами, действие – опасно, особенно если оно совершено особо опасным лицом («бывшим») или просто признанным таким – «особо опасным рецидивистом».

Член-корреспондент, профессор А. А. Пионтковский в 1970 г. отмечал, что УК РСФСР 1922 г. не содержал никаких суждений относительно малозначительности содеянного, поэтому в 1924 г. ВЦИК поручил Президиуму разработать вопрос о возможности прекращения уголовного дела еще до судебного разбирательства ввиду малозначительности проступка по мотивам нецелесообразности.

Как ни странно, выход из сложившейся тупиковой ситуации Президиум ВЦИК нашел не в материальном, а в процессуальном праве, дополнив УПК РСФСР ст. 4 «а», согласно которой прокурор и суд имели право «отказаться в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, но не может считаться общественно опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется нецелесообразным» (постановление от 9 февраля 1925 г.) [15, с. 30].

В следующем уголовном законе – УК РСФСР 1926 г. – читаем: «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее порядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6). В примечании к этой статье было зафиксировано: «Не является преступлением действие, которое хотя и формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного».

Спустя полвека ученые констатировали, что применение данной нормы в прокурорско-судебной практике было редкостью [16, с. 32].

3. Период развитого социализма (1958–1991)

Московский курс советского уголовного права

По мнению профессора А. А. Пионтковского, «малозначительность совершенного деяния должна быть такой, что уголовная ответственность и наказание в

¹ Подготовлен комиссией Общеконсультативного отдела НКЮ, опубликован в Материалах наркомата в 1920 г., вып. VII.

² Подготовлен 4 ноября 1921 г. секцией судебного права и криминологии Института советского права.

данном конкретном случае являлись бы излишними с точки зрения осуществления общих задач законодательства Союза ССР (ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик).

Недопустимо оставлять правонарушителя совсем без наказания. Выход из ситуации А. А. Пионтковский усматривал в рекомендациях, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19.06.1959 «О практике применения судами мер уголовного наказания», в котором было зафиксировано, что «суды должны шире практиковать передачу на рассмотрение общественности дел о правонарушителях, не представляющих значительной общественной опасности, прекращая подобные дела производством в уголовном порядке в соответствии с ч. 2 ст. 7 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик».

К данному вопросу Пленум Верховного Суда СССР вернулся 19 декабря 1958 г. в постановлении «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями». В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. находим оценку вышеперечисленных рекомендаций: «суды продолжают назначать уголовные дела в отношении лиц, совершивших деяния, не представляющие большой общественной опасности, вместо передачи таковых на рассмотрение общественности, необходимо шире практиковать с учетом мнения потерпевшего передачу таких дел в товарищеские суды по месту работы или жительства виновного».

УК РСФСР 1960 г. обзавелся даже специальной нормой – ст. 51 «Освобождение от уголовной ответственности с передачей дел в товарищеский суд». Последний раз к вопросу передачи в товарищеские суды дел о малозначительных преступлениях Пленум Верховного Суда СССР вернулся 9 апреля 1965 г. в постановлении «О практике передачи судами дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов». С этого момента мода на привлечение широкой общественности к участию в судьбе мелких правонарушителей, свойственная периоду оттепели, постепенно сошла на нет, ибо не было в стране сети реально работающих товарищеских судов, некому было передавать правонарушителей на поруки. Следует признать, что «товарищеское правосудие» в 1958–1964 гг. было всего лишь элементом благих пожеланий, пропаганды.

Приведем пример из личного опыта. С начала 1980-х гг. попытки применить аналог ст. 51 УК РСФСР в Молдове парировались встречным призывом прокурора: «Покажите мне реально работающий товарищеский суд!». И прокуроры были правы. Коллективы предприятий, месткомы жили по общепризнанному принципу «Не судите, да не судимы будете».

Впрочем, А. А. Пионтковский признавал, что прекращение уголовного дела за малозначительностью (ч. 2 ст. 7 УК РСФСР) и прекращение дела с передачей его на товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР) – это далеко не одно и то же [15, с. 34–41].

Непреступно, но аморально, в силу чего может быть преступно

А. А. Пионтковский в 1970 г. признавал: «Грань между преступным и непроступным, но противоречащим коммунистической нравственности поведением исторически изменчива. Поведение, которое в определенное время осуждается лишь коммунистической нравственностью, при известных условиях может быть признано преступлением» [15, с. 28].

Обосновывая это суждение, Андрей Андреевич, ссылаясь на существование в 1940–1956 гг. уголовной ответственности за прогул по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. (осужденных в местах лишения свободы именовали «указники», «указницы»), отмечал, что ныне прогулы отрицательно оцениваются лишь по правилам коммунистической морали» [15, с. 29].

Неясно, в силу каких причин уважаемый профессор забыл про КЗоТ РСФСР, согласно которому прогульщика легко можно уволить как при советской власти, так и в наши дни.

Прогул – саботаж: дважды к расстрелу

Для правильного соотнесения категорий «дух закона» и «суть момента» особый интерес представляет дело слесаря Чванина, который по приговору Молотовского областного суда от 10 августа 1942 г. по ст. 58-14 УК РСФСР был осужден к высшей мере наказания – расстрелу за «систематический контрреволюционный саботаж: с марта 1942 года в течение 34 дней не выходил на работу, вместо больничного листа сам себе выписывал фиктивные справки, освобождавшие от работы, подделывал печать амбулатории и подпись врача. Такими же фиктивными справками, освобождавшими от работы, снабжал других рабочих шахты».

Не менее примечательны и споры, развернувшиеся по поводу данного сурового судебного решения. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 4 сентября 1942 г. действия Чванина перекалвалифицированы на ч. 1 ст. 72 УК РСФСР, по которой назначено три года лишения свободы. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 октября 1942 г. кассационное определение отменено, дело направлено на новое кассационное рассмотрение. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 31 октября 1942 г. приговор оставлен без изменения. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1942 г. высшая мера наказания заменена Чванину 10 годами лишения свободы. Наконец, постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2010 г. содеянное Чваниным квалифицировано по ч. 1 ст. 72 УК РСФСР 1926 г., по которой ему назначено два года лишения свободы.

Представляется, что внимательный читатель уже заметил: осужденный не был обвинен в подделке официально признаваемых листов нетрудоспособности (документов, представляющих определенное право), а осужден всего лишь за то, что сам себе вы-

писывал некие справки, не влекущие никаких юридических последствий.

Ленинградский курс советского уголовного права

Ученые из Ленинградского университета, ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма, отмечали, что «общество основывается не на законе. Это – фантазии юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе» [16, с. 259], и делали вывод, что «общественная опасность преступления не исчерпывается только указанием на те объекты, на которые оно посягает. Общественная опасность определяется также и другими объективными и субъективными признаками деяния [17, с. 158–160].

Думается, что авторы Курса советского уголовного права в своем повествовании сослались на весьма удачный пример малозначительности деяния. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР расценила как малозначительное действие Г., который через сломанный люк попытался похитить арбуз. Применяя ч. 2 ст. 7 УК РСФСР, суд привел такой мотив: «Г. не имел тары для переноски арбузов, следовательно, он не мог причинить существенного ущерба».

Здесь у проницательного читателя может возникнуть вопрос, а если бы у Г. при себе была тара (мешок, тачка), то как быть с оценкой значимости содеянного?

«Небольшой размер?»

16 января 1965 г. выход из данной ситуации попытался найти Президиум Верховного Совета РСФСР, дополнив УК РСФСР 1960 г. ст. 93.2. Стало возможным применение штрафа за хищение государственного или общественного имущества к лицам, объективная сторона содеянного которыми соответствовала ст. 89 (кража), ст. 92 (растрата) или ст. 93 (мошенничество) при условии, что размер похищенного невелик, деяние совершено впервые, а применение вышеперечисленных ст. УК РСФСР не вызывается необходимостью.

Нас, в первую очередь, интересует категория «небольшой размер». Авторы «Комментария к Уголовному кодексу РСФСР», памятуя, что кража государственного (общественного) имущества на сумму до 50 руб. есть хищение мелкое, наказуемое, но только вне рамок права уголовного, определили поток размера хищения, караемого по правилам ст. 93.2 УК РСФСР, в 100 руб. Данная сумма была названа с оговорками: 1) применение анализируемой нормы – право, а не обязанность суда; 2) хищение на сумму менее 100 руб. может быть тесно связано с объемом похищенного [18, с. 238–240]. Приведен такой пример из судебной практики. Группа похитила шесть мешков пшеницы общим весом 300 кг, правда, общая стоимость похищенного оказалась менее 100 руб. Суд проявил принципиальность и отказался признавать данное хищение как деяние, предусмотренное ст. 93.2 УК РСФСР.

Статья 93.2 УК РСФСР оказалась нормой нежизнеспособной (фактически мертворожденной), поэтому 3 декабря 1982 г. была исключена из Уголовного кодекса.

Практика применения уголовного кодекса в 1964–1991 гг.

«Великое лицедейство» [19, с. 139–180] – так в свое время писал об уголовном законе К. Маркс. Если у общества нет ясности по общим вопросам, то почему таковая у него должна появиться по вопросам частным, например таким, как уголовная политика? И по Ч. Дарвину, и по К. Марксу, любая политика predetermined природой. Действительно, «кража леса» (преступление) или всего лишь «нарушение лесных правил» (правонарушение)?

«Несуны» [20]. Переместившись из XIX в период развитого социализма, применительно к теме нашей работы попытаемся разобраться в категориях «преступники» и «несуны». Наш анализ начнем с напоминания о том, что не может быть преступлением массовое поведение. Это азбука современной криминологии, ибо число правонарушителей легко превысит количество сотрудников правоохраны. Неслучайно в конце советского периода рабочих, выносящих по частям телевизор «Рубин» или даже автомобиль «Жигули», публицисты стыдливо именовали не ворами (термин «мелкое хищение» из советского, а равно постсоветского правового лексикона никогда не изымался), а всего лишь ласково «несунами».

«Эта проблема столь органично влилась в психику советского человека, что осуждать «несунов» в нормальном разговоре (не для отчета и не для публики) считается неприличным. Любая попытка усилить реакцию общественности на такого рода правонарушения и придать ей хотя бы несколько негативную окраску вызывала воспоминания о сталинских репрессиях» [21, с. 154].

Как видим, проблема соотношения правонарушения, его тяжести и распространенности, выявленная К. Марксом в одной из своих ранних работ, актуальна и в наши дни. Скажем больше, классику даже и в кошмарном сне не могло привидеться, что его официальный последователь И. В. Сталин будет инициатором серии нормативно-правовых актов, согласно которым за мелкую кражу можно будет даже казнить несовершеннолетних.

Речь идет о постановлениях ЦИК и СНК Союза ССР 1935 г. от 7 апреля «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», которым вводилась уголовная ответственность для детей с 12 лет, и от 7 августа «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (известен, как указ «7–8», «закон о трех колосках»), кумулятивный эффект которых заключающаяся в том, что детей можно было расстреливать даже за мелкое хищение. Например, 9 декабря 1937 г. был расстрелян Миша Шамонин, укравший несколько буханок хлеба. После изучения практики применения данных актов Генеральный прокурор РФ А. Я. Вышинский доложил И. В. Сталину о проверке 115 тыс. уголовных дел, по которым в 91 тыс. случаев применение норм уголовного права было расценено как вредительское, а от наказания было освобождено 37 425 человек, находившихся в заключении.

Ну а были ли парламентские дебаты по данному поводу? Нет, все дебаты свелись с визированию цир-

куляров членами Политбюро ЦК ВКП(б). Что касается результатов расследования, проведенного А. Я. Вышинским, то И. В. Сталин ограничился резолюцией: «За! (не публиковать)».

Цель наказания: «туман» или конкретика

Об этом писали современники К. Маркса в XIX в. [22]. «Тюремный вопрос – один из самых жгучих в настоящее время» [23]. Наказание – зло, страдание, которое государство причиняет преступнику. Цель – абсолютная идея возмездия (Кант), отрицание отрицания преступления (Гегель), восстановление гармонии (Герbart), охрана правопорядка государством. Итак, цели современникам К. Маркса были ясны. Как их достичь? Вот в чем вопрос! В XIX в. считалось, что цели могут быть достигнуты путем устрашения, исправления, а равно с помощью простого физического изъятия преступника их общества (навсегда – смертная казнь, на время – лишение свободы). Уже тогда смертная казнь расценивалась как эксцесс явно негуманный, за идеал принималось лишение свободы. Мыслители озаботились проблемой, как совместить грубую физическую силу (насильственное помещение в тюрьму) с перспективами перевоспитания и исправления заключенного.

С советских времен мы преступника все исправляем да перевоспитываем, при этом уверены в том, что уголовный закон позволяет суду назначить наказание предельно конкретно и точно, чтобы преступник исправился и перевоспитался. Базируясь на данных искусственных, выведенных исключительно на кончике пера тезисах, теоретики защитили не одну сотню диссертаций.

Например, Г. Фристер честно признается, что цели наказания до конца ему не ясны, уголовное наказание может быть лишь приблизительным, в силу данного обстоятельства оно нуждается в коррекции [26, с. 24–37]. Аналогичные мысли мы обнаружим у Г. Й. Шнайдера и Г. Верле. И это действительно так.

В рамках международной научно-практической межведомственной конференции «Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики» (Самара, Самарский юридический институт ФСИН России, 16–17 июня 2016 г.) директор Национальной административной пенитенциарной школы Франции Софии Блэз, отвечая на вопросы российских коллег о целях содержания осужденных в местах лишения свободы, честно призналась: перед сотрудниками пенитенциарной системы ее страны вопрос исправления и перевоспитания преступников не стоит. Свою задачу сотрудники этой системы видят только в обеспечении физического содержания заключенных.

«Пилите, Шура, пилите»

Развитие коммунистических идей противостояния преступности уперлось в честный концепт позднего академика В. Н. Кудрявцева (1923–2007): «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы» [24, с. 50].

17 февраля 2016 г. Папа Римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно – «страус, прячущий голову в песок».

Что же по поводу регламента мелкой кражи в современной России? Законодатель 15 лет непрерывно меняет формулировки ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение» и ст. 158 УК «Кража». Неисключено, что К. Маркс назвал бы эту мышиную возню лицедейством.

4. Постсоветское уголовное право

Безусловно, авторы УК РФ 1996 г. не хуже многих знали историю эволюции в уголовном праве категории «преступление», таких его параметров, как «значительное» и «малозначительное». Также прекрасно понимали они, что сказать по этому поводу что-то новое практически невозможно. В силу данного обстоятельства определение преступления практически без изменений из ст. 7 УК РСФСР 1960 г. перекочевало в ст. 14 УК РФ. Авторы «Энциклопедии уголовного права», включая и легендарную Н. Ф. Кузнецову (1927–2010), по этому поводу ограничились ни к чему не обязывающей фразой, свидетельствующей лишь «о неоднозначности подхода законодателя и доктрины к содержанию общественной опасности» [25, с. 64–65]. Вот так: законодатель ждет от науки предвидения, а наука от законодателя – мудрости. А ведь необходимо только признать правовой реализм, творимый судьями. Но вот незадача – не доверяет им общество, уповающее на мудрость законодателя.

Иные точки зрения

Правовед из ФРГ Гельмут Фристер, рассуждая о целесообразности уголовного преследования, опираясь на Уголовное уложение (Уголовный кодекс – Strafgesetzbuch StGB), в котором противоправные деяния ранжированы на преступления и проступки, отмечает, что ничто не препятствует прекращению уголовных дел о проступках за малозначительностью [26, с. 125].

Именно о такой перспективе дела рассуждала и Н. Ф. Кузнецова, ссылаясь на ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь [25, с. 91–95], авторы которого смогли убрать межотраслевой барьер, наличие которого так почитают некоторые российские правоведы.

Весьма категоричен германский законодатель, когда виновный покушается на негодный объект: «кража вещей, имеющих незначительную стоимость» преследуется только при наличии «заявлений от потерпевших» и «общественного интереса» (§ 248 «а» StGB).

Некоторые научно-практические выводы

1. В полном объеме следует признать правоту профессора Н. Ф. Кузнецовой, которая честно призналась в том, что единства в толковании понятий «значимого» и «малозначимого» в теории российского уголовного права никогда не было. Добавим, что нет полной ясности по данному вопросу и в уголовном праве большинства стран.

2. Представляется, что всеобъемлющим умозаключением относительно сущности преступления яв-

ляется мысль Н. С. Таганцева о том, что такое деяние, в любом случае, «жизненное событие»; обязательно форма «проявление личности»; в целом «социально значимое явление»; да, конечно речь идет о «предмете антропологии» в самом широком смысле этого слова. Естественно, преступление порождает «юридические отношения».

3. Поскольку все еще продолжается разработка алгоритмов применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, а равно ана-

логичных уголовно-правовых регламентов (например, ч. 6 ст. 15 УК РФ), в которых неизбежно заходит спор о значимости содеянного, обществу приходится рассчитывать на уровень искусства (Г. Ф. Шершеневич) толкования, которым обладают наши судьи.

4. Неудивительно, что при таких обстоятельствах растет число правоведов, предлагающих проблему малозначительности деяния вынести на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колоколов Н. А. Значительно о малозначительном: практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ (общая характеристика проблемы) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 21–31.
2. Головки Л. В. Закрепление отраслевых принципов в кодифицированных актах: педагогический прием или правовой инструмент? // Закон. 2020. № 6. С. 21–33.
3. Колоколов Н. А. Организация правосудия в постиндустриальном обществе // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла) : сборник научных статей / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М., 2020. 368 с. С. 165–179.
4. Булгаков С. Н. Избранное. М., 2010. 736 с.
5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М., 2012. 752 с.
6. Бекария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. 183 с.
7. Крылова Я. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. 123 с.
8. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. 398 с.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. 380 с.
10. Колоколов Н. А. УАЗом по браконьеру: Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации не без повода усомнилась в законности и обоснованности приговора, постановленного мировым судьей по ч. 2 ст. 114 УК РФ в отношении егеря // Мировой судья. 2023. № 1. С. 2–12.
11. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. 806 с.
12. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика // П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др. ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев : моногр. М., 2021. 344 с.
13. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 330 с.
14. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к 100-летию со дня принятия) / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М., 2023. 240 с.
15. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть общая. Т. II. М., 1970. 248 с.
16. Маркс К. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд. в 29 т. Т. 6. М. ; Л., 1930. 567 с. С. 254–272.
17. Домахин С. А. Понятие преступления // Курс советского уголовного права. В 5 т. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1981. 646 с.
18. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. И. И. Карпеца. М., 1971. 560 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. В 50 т. 2-е изд. М. ; Л., 1955. Т. 1. 723 с.
20. Колоколов Н. А. Динамика грамматики правопорядка: от ранней работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» к новой повестке дня в современной уголовной политике // Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса (к 20-летию со дня рождения К. Маркса) / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2019. 304 с.
21. Назарова Л. Л., Романовская В. Б. Причина административных правонарушений: применительно к проблеме мелких хищений // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Право». 2000. № 1. С. 152–161.
22. Aschrott P. S. Straffensystemen und Gefengniswesen in England. Berlin u. Leipzig, 1887. 243 с.
23. Слизберг Г. Тюрьма в Англии // Юридический вестник. 1888. Янв. С. 104–133.
24. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. 352 с.
25. Кузнецова Н. Ф. Признаки (свойства) преступления // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3. Понятие преступления. 524 с.
26. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. М., 2013. 712 с.

REFERENCES

1. Kolokolov N.A. Significantly about the insignificant: practice of applying Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (general description of the problem). *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 1 (65), pp. 21–31. (In Russ.).
2. Golovko L.V. Consolidation of sectoral principles in codified acts: a pedagogical technique or a legal instrument? *Zakon = Law*, 2020, no. 6, pp. 21–33. (In Russ.).
3. Kolokolov N.A. Organization of justice in a post-industrial society. In: Khabrieva T.Ya., Lazarev V.V. *Pravo i zakon v programmiruемом obshchestve (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Daniela Bella): sb. nauch. st.* [Law and legislation in a programmable society (to the 100th anniversary of the birth of Daniel Bell): collection of scientific articles]. Moscow, 2020. 368 p.
4. Bulgakov S.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, 2010. 736 p.
5. Kont-Sponvil' A. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, 2012. 752 p.

6. Bekaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, 1939. 183 p.
7. Krylova Ya. E. *Osnovnye cherty novogo Ugolovnogogo kodeksa Frantsii* [The main features of the new Criminal Code of France]. Moscow, 1996. 123 p.
8. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugolovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vyp. 1* [Lectures on Russian criminal law. General Part. Issue 1]. Saint Petersburg, 1887. 398 p.
9. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. V 2 t. T. 1* [Russian criminal law. Lectures. General Part. In 2 vols. Volume 1]. Moscow, 1994. 380 p.
10. Kolokolov N.A. UAZ poacher: The Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, not without reason, doubted the legality and validity of the verdict issued by the justice of the Peace under part 2 of Article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the huntsman. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2023, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
11. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, 1910. 806 p.
12. Gadzhiev Kh. I. Judicial doctrines as a result of general scientific and concrete knowledge of law: monograph. In: Serkov P.P., Lazarev V.V., Gadzhiev Kh.I. (Eds.). *Sudebnye doktriny v Rossiiskom prave: teoriya i praktika* [Judicial doctrines in Russian law: theory and practice]. Moscow, 2021. 344 p. (In Russ.).
13. Kurskii D.I. *Izbrannye statii i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow, 1958. 330 p.
14. *Pervyi Ugolovnyi kodeks RSFSR: kontseptual'nye osnovy i obshchaya kharakteristika (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [The First Criminal Code of the RSFSR: conceptual foundations and general characteristics (to the 100th anniversary of its adoption)]. Ed. by Savenkov A.N. Moscow, 2023. 240 p.
15. Piontkovskii A.A. *Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. V 6 t. Chast' obshchaya. T. II* [Course of Soviet criminal law. In 6 volumes. General Part. Vol. II]. Moscow, 1970. 248 p.
16. Marx K. The trial against the Rhine District Committee of Democrats. Marx's Speech. In: Marks K., Engels F. *Soch. v 29 t. T. 6* [Essays in 29 volumes. Volume 6]. Moscow, Leningrad, 1930. 567 p.
17. Domakhin S.A. The concept of crime. In: Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. *Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava. V 5 t. Chast' Obshchaya. T. 1* [Course of Soviet criminal law. In 5 volumes. General Part. Volume 1]. Leningrad, 1981. 646 p.
18. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Ed. by Karpets I.I. Moscow, 1971. 560 p.
19. Marx K. The debate over the law on forest theft. In: Marks K., Engels F. *Soch. v 50 t. T. 1* [Essays in 50 volumes. Volume 1]. Moscow, Leningrad, 1955. 723 p.
20. Kolokolov N.A. Dynamics of the grammar of law and order: from K. Marx's early work "The debate over the law on forest theft" to a new agenda in modern criminal policy. In: Khabrieva T.Ya. (Ed.). *Pravo, zakon i sud v rannikh trudakh Karla Marksa (k 20-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marska)* [Law, legislation and court in the early writings of Karl Marx (to the 20th anniversary of the birth of K. Marsk)]. Moscow, 2019. 304 p.
21. Nazarova L.L., Romanovskaya V.B. The reason for administrative offenses: in relation to the problem of petty theft. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. "Pravo" = Bulletin of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevskii*. 2000, no. 1, pp. 152–161. (In Russ.).
22. Aschrott P.S. *Strafensystemen und Gefengniswesen in England*. Berlin u. Leipzig, 1887. 243 p.
23. Slizberg G. Prison in England. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*. 1888, vol. 27, no. 1, pp. 104–133. (In Russ.).
24. Kudryavtsev V.N. *Strategii bor'by s prestupnost'yu* [Strategies for combating crime]. Moscow, 2003. 352 p.
25. Kuznetsova N.F. Signs (properties) of a crime. In: *Entsiklopediya ugolovnogogo prava. T. 3. Ponyatie prestupleniya* [Encyclopedia of Criminal Law. Volume 3. Concept of a crime]. Saint Petersburg, 2005. 524 p.
26. Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Germany. General Part]. Moscow, 2013. 712 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛОКОЛОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова, профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, председатель редакционных советов журналов «Мировой судья» и «Уголовное судопроизводство», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

NIKITA A. KOLOKOLOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of A.S. Griboyedov Moscow University, professor at the Department of Theory and History of Government and Law of the Institute of Social Studies and Humanities of Moscow Pedagogical State University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation in Honorable Retirement, Chairman of the editorial boards of the journals "Justice of the Peace" and "Criminal Judicial Proceeding", Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила 08.04.2024

Мошенничество: крупный и особо крупный размер сегодня соответствует ли той степени общественной опасности, которая была заложена законодателем изначально?

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», Москва, Россия

pravo@deloros.ru

Реферат

Введение: в статье проанализирована степень общественной опасности в контексте экономических составов, а также поставлен вопрос соответствия общественной опасности, исходя из пороговых значений крупного и особо крупного размера для ст. 159 УК РФ (мошенничество), заложенного изначально законодателем. *Цель:* изучить размер крупного и особо крупного ущерба для наиболее часто вменяемых предпринимателям составов; проанализировать опыт законодательства стран постсоветского пространства в контексте определения крупного и особо крупного размера, а также применения его в условных величинах. *Методы:* общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция и дедукция), специальные методы юридической науки (сравнительно-правовой и нормативно-логический), отдельные частные методы общественных наук. *Результаты:* отечественное уголовное законодательство нуждается в пересмотре и приведении в соответствие с экономическими изменениями пороговых значений крупного и особо крупного размеров как квалифицирующих признаков многих преступлений в сфере экономики, в том числе по ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Это подтверждается изменениями, которые произошли в экономике, а также опытом других стран. Анализ позволил сделать *вывод* о необходимости введения условных величин, которые позволят своевременно реагировать на изменения в экономике без точечного пересмотра уголовного законодательства, что в большей степени будет отвечать критерию справедливости.

Ключевые слова: мошенничество; крупный и особо крупный размер; опыт стран постсоветского пространства; криминализация и декриминализация деяний в сфере экономики; условные величины для определения крупного и особо крупного размера.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Мошенничество: крупный и особо крупный размер сегодня соответствует ли той степени общественной опасности, которая была заложена законодателем изначально? // Пенитенциарная наука. Т. 18, № 2 (66). С. 156–164. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.005.

Original article

Fraud: Correspondence of a Large and Grand Size to the Degree of Public Danger Originally Laid Down by the Legislator

EKATERINA V. AVDEEVA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

All-Russian Public Organization "Business Russia", Moscow, Russia
pravo@deloros.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes significance of the degree of public danger in the context of economic corpus delicti and studies compliance of public danger to thresholds of large and grand-scale fraud provided for by Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation originally laid down by the legislator. *Purpose:* to study the size of large and grand damage for corpus delicti most often incriminated to entrepreneurs and analyze legislation in other post-Soviet countries to determine a large and grand size, as well as its use in conditional values. *Methods:* general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction and deduction), special methods of legal science (comparative legal and normative-logical), individual private methods of social sciences. *Results:* domestic criminal legislation needs to be reconsidered and thresholds of large and grand-scale fraud as aggravating circumstances of many economic crimes should be brought into line with economic changes, including in Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud". This is confirmed by economic changes, as well as experience of other countries. *Conclusion:* the analysis shows the necessity of introducing conditional values that will allow us to respond in a timely manner to changes in the economy without a point-by-point revision of criminal legislation, which will more fully meet the criterion of fairness.

Keywords: fraud, large and grand size, experience of post-Soviet countries, criminalization and decriminalization of acts in the field of economics, conditional values for determining a large and grand size.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Fraud: correspondence of a large and grand size to the degree of public danger originally laid down by the legislator. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 156–164. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.005.

Введение

Сегодня в уголовной политике по предпринимательским составам взят курс на либерализацию, а в уголовно-правовой политике это обуславливает декриминализацию некоторых деяний, повышение пороговых значений сумм, определяющих деяние в качестве преступления, а также повышение пороговых значений крупного и особо крупного размера, которые служат квалифицирующим признаком по многим составам. Главным фактором криминализации или декриминализации деяний является общественная опасность, которая и определяет необходимость изменения уголовного законодательства. При этом некоторые ученые отмечают изменение уголовного законодательства все больше в связи с иными факторами, как, например, политика, экономика и др., что приводит к неоднородности изменений в уголовном законодательстве, которые при таком хаотичном подходе фактически вносят корректировки в оценку общественной опасности без должного анализа.

Основная часть

Для того чтобы проанализировать влияние существующих тенденций, обратимся к тому, что представляет собой критерий общественной опасности для криминализации и декриминализации деяний и какова роль пороговых значений крупного и особо крупного размера, а также длительного отсутствия их корректировки, несмотря на экономические изменения.

Проанализировав взгляды ученых на этот вопрос, можно сказать, что критерий общественной опасности выступает главным фактором криминализации или декриминализации тех или иных деяний, то есть

введения или отмены уголовно-правового запрета на совершение тех или иных действий. При этом общественная опасность до сих пор относится к тем уголовно-правовым категориям, о которых ведутся жесточайшие споры с разбросом мнений от безусловного одобрения и принятия до категорического неодобрения и требования уйти от этой категории [1, с. 23]. П. С. Тоболкина считает, что это можно объяснить тем, что общественная опасность, являясь основополагающей категорией, дающей общее освещение всех основных проблем теории уголовного права, обеспечивающей концептуальное единство уголовно-правовых знаний, и выступая пределом обобщения уголовно-правовых знаний, не может быть раскрыта с помощью каких-либо других уголовно-правовых понятий [2, с. 48].

Само изменение общественной опасности обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими в обществе [3, с. 248]. Так, законодатель при отнесении тех или иных деяний к общественно опасными не опирается на некое точное понятие, определенные признаки, критерии. Л. М. Прокументов указывает, что общественная опасность – очень динамичное по своему содержанию понятие, имеющее характерные особенности применительно к конкретному историческому периоду развития общества, нередко степень общественной опасности устанавливается на основе здравого смысла [4].

Говоря об экономических преступлениях именно понятия «крупный размер», «особо крупный размер» и «значительный ущерб» определяют общественную опасность деяния, позволяя разграничить уголовно наказуемое деяние от административного правона-

рушения, а также предопределяют тяжесть преступления, выступая нередко в экономических составах квалифицирующими признаками. В данной статье проанализируем размер крупного и особо крупного ущерба для наиболее часто вменяемых предпринимателям составов, а именно ч. 1–4 ст. 159 УК РФ. Для рассматриваемых преступлений крупный и особо крупный размер являются квалифицирующим признаком, определяющим категорию совершенного деяния как тяжкого. Таким образом, этот квалифицирующий признак существенно влияет на всю совокупность уголовно-правовых последствий для лица, обвиняемого по ст. 159 УК РФ. При этом категоричность преступлений имеет колоссальное значение, равно как и отнесение к той или иной категории. Т. А. Лесниевски-Костарева в своих работах указывала на то, что категоризацию преступлений в ст. 15 УК РФ следует считать не средством дифференциации уголовной ответственности, а основой дифференциации [5, с. 38]. Отнесение деяния к той или иной категории предопределяет последствия в рамках институтов, предусмотренных Общей частью УК РФ, как, например, стадия преступления, рецидив, виды и назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, судимость и др. Вместе с тем для каждой категории преступлений, наряду с дифференциацией, обеспечивается и необходимая степень унификации, поэтому, например, для лиц, совершивших любые преступления небольшой или средней тяжести (независимо от их родового, видового и непосредственного объекта и формы вины) при наличии дополнительных условий, указанных в ст. 75, 76, 76.2 УК РФ, предусмотрены виды освобождения от уголовной ответственности [6, с. 45].

Это институт, который все более активно применяется в уголовном праве по предпринимательским составам. Так, законодатель прямо предусматривает возможность прекращения уголовного преследования или освобождения от уголовного наказания по целому ряду статей, обозначенных в ст. 28.1 УК РФ и ст. 76.1 УК РФ. Части 1–4 ст. 159 УК РФ не относятся к предпринимательским составам безусловно, но отнесение преступления к категории средней тяжести позволяет рассчитывать на возможность освобождения от уголовного наказания при соблюдении ряда условий всем обвиняемым, то есть здесь мы можем оценить особую, можно даже сказать критическую, важность суммы, устанавливающей крупный размер, как фактора, предопределяющего возможность освобождения от уголовного наказания или отсутствие таковой. Безусловно, необходимо учитывать и срок давности, который существенно различается в зависимости от категории преступления: разница в сроке давности привлечения к уголовной ответственности за тяжкое преступление и преступление средней тяжести составляет 4 года (6 лет для преступлений средней тяжести и 10 лет для тяжких преступлений).

Возвращаясь к сумме крупного и особо крупного ущерба применительно к ч. 1–4 ст. 159 УК РФ, необходимо уточнить, что до 8 декабря 2003 г., когда был принят Федеральный закон № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Россий-

ской Федерации», порог крупного ущерба определялся в размере 500 МРОТ. В пояснительной записке ничего не сказано о целесообразности изменений пороговых значений, определяемых с привязкой к МРОТ, на абсолютные величины. Обоснование дано лишь в части изменения штрафов, которые также определялись в МРОТ, на абсолютные величины, причем в качестве аргументации приведен довод о возникновении путаницы, что не подкреплено хотя бы какими-то статистическими данными.

Указанный федеральный закон в 2003 г. определил фиксированные суммы крупного и особо крупного ущерба для имущественных преступлений, вводя в том числе такой дополнительный квалифицирующий признак, как особо крупный ущерб. Так, для преступлений против собственности, в том числе и наиболее часто инкриминируемых предпринимателям из «общеуголовных» ст. 159 УК РФ, был обозначен крупный ущерб в размере 250 тыс. руб. и особо крупный в размере 1 млн руб. Но отсутствие необходимости расчета суммы для определения наличия или отсутствия квалифицирующего признака в связи с суммой ущерба за счет введения фиксированных сумм крупного и особо крупного размера по своей сути привело к ежегодной все большей криминализации тех деяний, по которым суммы крупного и особо крупного размера не пересматривались уже более 20 лет. При этом определенные законодательством суммы «значительного ущерба», «крупного размера» и «особо крупного размера» для ч. 5–7 ст. 159 УК РФ в 2016 году были увеличены Федеральным законом 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» для либерализации уголовного законодательства в отношении предпринимателей, хотя квалификация мошенничества, инкриминируемого предпринимателям, по особо квалифицированному составу, предусмотренному ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, происходит крайне редко, что подтверждается статистикой приговоров [7], которых насчитывается чуть более ста за год, в то время как по ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ – около 7 тысяч в год, из которых выделить количество приговоров в отношении предпринимателей не представляется возможным в связи со спецификой статистического учета, не предполагающего в обязательном порядке проставление соответствующих кодов. Последний тезис подтверждается судебной практикой, которая игнорирует применение мер защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования уголовных дел, опираясь на то, что «по смыслу действующего законодательства предпринимательская деятельность не может осуществляться в целях незаконного обращения чужого имущества путем обмана в свою пользу, то есть в корыстных целях» [8, с. 70].

Крупный размер для ст. 159 УК РФ в соответствии со ст. 15 УК РФ относит деяние к категории тяжких, так как максимальный срок лишения свободы для этого состава составляет 6 лет, к тяжким относится и мошенничество, совершенное в особо крупном размере. Но, перейдя к абсолютным величинам крупного

и особо крупного размера, законодатель не учитывал экономические аспекты, когда ценность одного рубля через год не эквивалента его ценности сегодня, она снижается. И если даже не опираться на стоимость денег с учетом фактора времени [9, с. 213–214] или на изменение стоимости с учетом ставки дисконтирования, то можно руководствоваться элементарной логикой и доступными статистическими данными.

Необходимо обратиться к реальной ценности денег с учетом экономических изменений через призму МРОТ. Так, в 2003 г. МРОТ составлял 600 руб., с 1 января 2024 г. – 19 242 руб., что в 32,07 раза больше. То есть если бы в 2003 г. не было бы внесено изменений в уголовное законодательство, то размер крупного ущерба на сегодняшний день составлял бы 9 621 000 руб. Однако это было бы скорее избыточной декриминализацией в случае, если бы сохранялось определение крупного и введенного особо крупного ущерба в МРОТ, так как, согласно официальной статистике, совокупный процент инфляции с декабря 2003 г. по март 2024 г. составил 397,68 %, что через призму инфляционных изменений позволяет говорить о том, что обозначенная сумма крупного ущерба сегодня обесценена и реальная ценность составляет всего 47 381,74 руб., что означает фактическую криминализацию хищений, которые, исходя из реальной

суммы, относились по замыслу законодателя к категории средней или небольшой тяжести. В пересчете суммы крупного и особо крупного размера с учетом инфляционных изменений должны соответствовать справедливой сумме крупного и особо крупного размера для ст. 159 УК РФ в 1 319 073,55 руб. и 5 276 294,2 руб. соответственно.

Очевидно, что своевременное повышение пороговых значений крупного и особо крупного ущерба как определяющих признаков особо квалифицированных составов не создает угрозы общественной или экономической безопасности. Это обусловлено обеспечением соответствия степени общественной опасности тех или иных деяний на том уровне, который закладывался законодателем изначально. Более того, с учетом нехватки кадров в полиции [10] представляется целесообразным обеспечить фокус внимания с учетом срока давности и степени той общественной опасности, которая изначально была заложена законодателем.

Для более полной картины необходимо проанализировать пороговые значения крупного и особо крупного размера как квалифицирующего признака, применяемого в уголовном законодательстве для статьи, предусматривающей ответственность за мошенничество, в странах постсоветского пространства, которые являются членами СНГ.

Таблица

Страна	Крупный размер по мошенничеству	Особо крупный размер по мошенничеству	Методика оценки	Сумма в рублях, крупный размер	Сумма в рублях, особо крупный	Статьи УК: мошенничество / определение крупного и особо крупного размера	МРОТ в рублях, пересчет крупного и особо крупного размера на количество показателей МРОТ
1	2	3	4	5	6	7	8
Российская Федерация	Стоимость имущества или размер ущерба свыше 250 000 руб.	Стоимость имущества или размер ущерба свыше 1 000 000 руб.	Национальная валюта	250 000	1 000 000	Ст. 159 / прим. к ст. 158 УК РФ	19 242 [11] 13 и 51 соотв.
Республика Казахстан [12]	Стоимость имущества или размер ущерба, в 1000 раз превышающие месячный расчетный показатель	Стоимость имущества, превышающая в более 4000 раз месячный расчетный показатель	МРП – месячный расчетный показатель (3692 тенге) [13]	771 085,276 (курс 0,208853)	3 084 341,1	Ст. 190 / п. 3 ст. 3	17 752,5 (85 000 тенге) [13] 43,4 и 173,7 соотв.
Республика Узбекистан [14]	Стоимость имущества, превышающая 300 базовых расчетных величин	Стоимость имущества, превышающая 500 базовых величин	Базовая величина (340 000 сумов) [15]	750 618 (курс 0,007359)	1 251 030	Ст. 168 / Разд. 8	7 726,95 (1 050 000 сумов) [15] 97,14 и 161,9 соотв.
Республика Таджикистан [16]	Стоимость имущества, превышающая более чем в 1000 раз расчетный показатель	Стоимость имущества, превышающая более чем в 2000 раз расчетный показатель	Расчетный показатель (72 сомони) [17]	615 600 (курс 8,55)	1 231 200	Ст. 247 / ст. 244	6840 (800 сомони) [18] 90 и 180 соотв.
Республика Туркменистан [19]	Стоимость имущества, превышающая 250 размеров базовой величины	Стоимость имущества, превышающая 500 размеров базовой величины	Базовая величина (100 манатов) [20]	667 500 (курс 26,7)	1 335 000	Ст. 249 / ст. 247	34 176 (1280 манатов) [21] 33 597 19,53 и 39,06 соотв.

1	2	3	4	5	6	7	8
Кыргызская Республика [22]	Стоимость имущества, превышающая в 10 000 раз расчетный показатель	Стоимость имущества, превышающая в 25 000 раз расчетный показатель	Расчетный показатель (100 сомов) [23]	1 050 000 (курс 1.05)	2 625 000	Ст. 209 / п. 7, 8 приложения № 1 к Уголовному кодексу	Применяется размер минимального расчетного дохода, различен для регионов
Республика Беларусь [24]	Стоимость имущества, превышающая 250 раз базовую величину	Стоимость имущества, превышающая в 1000 раз базовую величину	Базовая величина (40 бел. руб) [25]	286 500 (курс 28,65)	1 146 000	Ст. 209/ п. 3 примечания к гл. 24	17 934,9 (626 бел. руб.) [26] 16 и 64 соотв.
Республика Молдова [27]	Стоимость имущества, превышающая 40 прог н о з и р у е м ы х среднемесячных заработных плат (прим.: прямо не указано, что размер крупный, размер указан в диспозиции, но по смыслу следует, что речь идет о крупном размере)	Стоимость имущества, превышающая 100 прогнозируемых среднемесячных заработных плат (прим.: прямо не указано, что размер крупный, размер указан в диспозиции, но по смыслу следует, что речь идет об особо крупном размере)	Прогнозируемая среднемесячная зарплата (13 700 леев) [28]	2 844 120 (курс 5.19)	7 110 300	Ст. 190	25 950 (5000 леев) [29] 117 и 292 соотв.
Республика Армения [30]	Стоимость имущества, превышающая более чем в 500 раз МРОТ	Стоимость имущества, превышающая в 3000 раз МРОТ	МРОТ (75 000 драмов) [31]	8 925 000 (курс 0,238)	53 550 000	Ст. 178 / ст. 175	17 850 (75 000 драмов) [32] 500 и 3000 соотв.
Республика Азербайджан [33]	Стоимость имущества, превышающая 50 000 манатов	Стоимость имущества, превышающая 500 000 манатов	Национальная валюта	2 748 500 (курс 54.97)	27 485 000	Ст. 178 / ст. 177	18 964,6 (345 манат) [34] 145 и 1 449.3 соотв.

Примечание: расчет курса был произведен на 20.04.2024 по данным сайта: <https://finance.rambler.ru/calculators/converter/1-KZT-RUB/?ysclid=lv9s9bpt2r150295847>.

Приведенная выше таблица дает структурированное представление о пороговых значениях. Можно сделать вывод, что сумма крупного и особо крупного размера как квалифицирующего признака деяния, предусмотренного статьей уголовного кодекса «Мошенничество», самая низкая на сегодняшний день в Российской Федерации. Более того, при оценке соотношения крупного размера к МРОТ у нас также самый низкий показатель среди проанализированных стран. Сама сумма МРОТ в России выше, чем в шести из представленных в таблице стран. При этом только две страны, Российская Федерация и Республика Азербайджан, применяют абсолютные величины, устанавливая суммы, определяющие крупный и особо крупный размер в национальной валюте, а не в определенных условных величинах. Таким образом, остальные страны применяют условные величины, изменение которых приводит к равномерному повышению всех пороговых значений сумм крупного и особо крупного размера, значительного ущерба с учетом инфляции по всем составам, где такой квалифицирующий или криминообразующий признак присутствует. В качестве таких условных величин в уголовных кодексах стран постсоветского пространства применяются МРОТ, который использовался и в нашем российском законодательстве до 2003 г., прогнозируемая среднемесячная заработная плата, базовая величина, расчетный показатель и месячный расчетный показатель. Следует предположить,

что критерий «прогнозируемая среднемесячная зарплата» вряд ли может быть применим в отечественном законодательстве, так как это некий специфический экономический показатель, использование которого может приводить к избыточному снижению общественной опасности, так как он может увеличиваться быстрее, определяя рост благосостояния населения.

Проанализировав варианты условных величин в уголовном законодательстве, необходимо отметить, что заслуживает внимания опыт Беларуси и Туркменистана, где введено понятие базовой величины, а также Кыргызской Республики, в которой применяется расчетный показатель. Представляется, что введение одного из таких условных показателей – наиболее подходящий вариант для нашего российского законодательства, так как не всегда МРОТ повышается в соответствии с темпами инфляции, можно констатировать повышение МРОТ все же несколько опережающими темпами, поэтому логичнее было бы вводить некую базовую величину, изменение которой будет приводить равномерно к повышению пороговых значений значительного, крупного и особо крупного ущерба по всем преступлениям в сфере экономики. Такая мера будет ограждать от избирательности законодателя в изменении пороговых значений по одним составам, оставляя суммы, определяющие крупный и особо крупный размер, по другим, бесконечно долго без внимания.

Также следует отметить, что избыточная криминализация за счет отсутствия своевременного изменения крупного и особо крупного размера особенно негативно сказывается на обеспечении защиты прав субъектов предпринимательской деятельности [35], так как большинство противоправных деяний в предпринимательской среде квалифицируются именно по ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ. Кроме того, необходимо учитывать, что мошенничество погранично с гражданско-правовым спором [36].

Заключение

Таким образом, очевидно, что российское уголовное законодательство нуждается в пересмотре и приведении в соответствие с экономическими изменениями пороговых значений крупного и особо крупного размера как квалифицирующих признаков многих преступлений в сфере экономики, в том числе по ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Это подтверждается изменениями, которые произошли в экономике, а также опытом других стран. Также необходимо рас-

смотреть возможность введения условных величин, которые позволят своевременно реагировать на изменения в экономике без точечного пересмотра уголовного законодательства, что в большей степени будет отвечать критерию справедливости. Одновременно это будет снимать избыточную нагрузку на правоохранительные органы, определяя фокус внимания правоприменителя именно на тех преступлениях экономической направленности, которые соответствуют той общественной опасности, которая изначально была заложена законодателем, предотвращая избыточную криминализацию деяний. С учетом того что крупный и особо крупный размер являются лишь квалифицирующими признаками и не предполагают полную декриминализацию деяний, которые не соответствуют этим пороговым значениям, а всего лишь определяя их меньшую общественную опасность, относя их к категории преступлений небольшой или средней тяжести, то можно предположить, что угрозы экономической безопасности это не представляет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права: история и современность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 34 с.
2. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. 177 с.
3. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. 834 с.
4. Прозуметов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–24.
5. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 1998. 287 с.
6. Орешкина Т. Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 43–52.
7. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.03.2024).
8. Авдеева Е. В. Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ // *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22). С. 65–78.
9. Пятина А. Д. Концепция временной стоимости денег и ее применение в экономике // Экономика глазами молодых : материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Томск, 17–20 апреля 2019 г.) / под общ. ред. Д. М. Хлопцова. Томск, 2019. С. 213–216.
10. Глава МВД заявил о критической нехватке полицейских и следователей // Новостной канал – РБК. 10.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/08/2023/64d4d2629a7947695baea197?ysclid=lukclj5ys6952547577> (дата обращения: 23.03.2024).
11. Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации от 01.04.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2911114/ (дата обращения: 24.03.2024).
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 12.09.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#activate_doc=2&pos=2883;-60&pos2=557;-104 (дата обращения: 24.03.2024).
13. О республиканском бюджете на 2024 – 2026 годы : закон Республики Казахстан от 5.12.2023 № 43-VIII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33434676 (дата обращения: 24.03.2024).
14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 03.07.2014 № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 20.06.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 24.03.2024).
15. О повышении размеров заработной платы, пенсий и пособий : указ Президента Республики Узбекистан от 17.11.2023 № УП-196. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6665687> (дата обращения: 24.03.2024).
16. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изм. и доп. по состоянию на 13.11.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#pos=6;-82&pos2=2479;-108 (дата обращения: 25.03.2024).
17. О государственном бюджете Республики Таджикистан на 2024 год : закон Республики Таджикистан от 18.11.2023 № 2012. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32615654 (дата обращения: 25.03.2024).
18. О мерах по усилению уровня социальной защиты населения, увеличению действующих должностных окладов государственных служащих, работников бюджетных организаций, размеров пенсий и стипендий : указ Президента Республики Таджикистан от 09.01.2024 № 671. URL: <https://khovar.tj/rus/2024/01/ukaz-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-77/> (дата обращения: 27.03.2024).
19. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 25.11.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&doc_id2=31295286#activate_doc=2&pos=288;-86&pos2=2256;-102 (дата обращения: 27.03.2024).

20. Обзор поправок в законодательные акты Туркменистана, принятых в марте // ORIENT. 25.03.2023. URL: <https://orient.tm/ru/old/post/49694/obzor-popravok-v-zakonodatelnye-akty-turkmenistana-prinyatyh-v-marte> (дата обращения: 27.03.2024).
21. В 2024 году в Туркменистане выросли размеры зарплат и пособий // Радио «Голос СНГ» (SNG.FM). 02.01.2024. URL: <https://sng.fm/ashkhabad/30665-v-2024-godu-v-turkmenistane-vyrosli-razmery-zarplat-i-posobij.html> (дата обращения: 27.03.2024).
22. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 27.03.2024).
23. О расчетном показателе : закон Кыргызской Республики от 26.04.2023 № 94. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1801/edition/1250889/ru> (дата обращения: 27.03.2024).
24. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 (с изм. и доп. по состоянию на 01.10.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=47;-80&pos2=1859;-106. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 27.03.2024).
25. Об установлении размера базовой величины : постановление Совета министров Республики Беларусь от 27.12.2023 № 944. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300944> (дата обращения: 25.03.2024).
26. С 1 января 2024 г. в Беларуси установлен новый размер месячной минимальной зарплаты // Новости – Новости Pravo.by. 05.12.2023. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/december/76151/> (дата обращения: 27.03.2024).
27. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 27.03.2024).
28. Средняя прогнозируемая зарплата в 2024 году составит 13 700 леев // Фискальный мониторинг – FISC.md. 21.12.23. URL: <https://monitorul.fisc.md/srednyaya-prognoziruemaya-zarplata-v-2024-godu-sostavit-13-700-leev/?ysclid=lv9fvmavq6870426916> (дата обращения: 27.03.2024).
29. Средняя заработная плата по экономике в 2024 году вырастет до 13700 леев. URL: <https://www.delucru.md/ru/articles/srednyaya-zarabotnaya-plata-po-ekonomike-v-2024-godu-virastet-do-13700-leev?ysclid=lv9fw7f9I2791701757> (дата обращения: 27.03.2024).
30. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#21> (дата обращения: 27.03.2024).
31. В Армении с 1 июля 2023 года предусмотрено повышение пенсий, пособий и минимальной заработной платы // News.04.11.2022. URL: <https://news.am/rus/news/728643.html> (дата обращения: 27.03.2024).
32. С 1 января 2023 года изменен размер минимальной заработной платы // Юридическая фирма – Айлекс. 22.01.2023. URL: <https://www.ilex.am/ru/архив/580-с-1-января-2023-года-изменен-размер-минимальной-заработной-платы.html> (дата обращения: 27.03.2024).
33. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утв. законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 22.12.2023. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&doc_id2=30420353#activate_doc=2&pos=247;-99&pos2=2118;-104 (дата обращения: 27.03.2024).
34. В Азербайджане в 2024 году минимальная зарплата также составит 345 манатов // Информационное агентство – Report. 30.10.2023. URL: <https://report.az/ru/milli-mejlis/v-azerbajdzhanе-v-2024-godu-minimalnaya-zarplata-sostavit-345-manatov/?ysclid=lv9gkaak9k11930522> (дата обращения: 27.03.2024).
35. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : моногр. М., 2023. 228 с.
36. Авдеева Е. В. Индикаторы и проблемы разграничения гражданско-правового спора и преступного нарушения договорных обязательств // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 200–205.

REFERENCES

- Ponyatovskaya T.G. *Kontseptual'nye osnovy ugovolnogo prava: istoriya i sovremennost': avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual foundations of criminal law: history and modernity: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 1997. 34 p.
- Tobolkin P.S. *Sotsial'naya obuslovlennost' ugovolno-pravovykh norm* [Social conditionality of criminal law norms]. Sverdlovsk, 1983. 177 p.
- Kuznetsova N.F. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Saint Petersburg, 2003. 834 p.
- Prozumentov L.M. Public danger as a basis for criminalization (decriminalization) of an act. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 4, pp. 18–24. (In Russ.).
- Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugovolnoi otvetstvennosti: teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal responsibility: theory and legislative practice]. Moscow, 1998. 287 p.
- Oreshkina T.Yu. Categories of crimes and the place of crimes of exceptional gravity among them. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 12 (52), pp. 43–52. (In Russ.).
- Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code. *Sudebnaya statistika RF* [Judicial statistics of the Russian Federation]. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (In Russ.). Accessed March 21, 2024).
- Avdeeva E.V. Evolution of the application of Part 1.1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publicnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 65–78. (In Russ.).
- Pyatina A.D. The concept of the time value of money and its application in the economy. In: Khloptsov D.M. (Ed.). *Ekonomika glazami molodykh: materialy regional'noi nauch.-prakt. konf. studentov i molodykh uchenykh (Tomsk, 17–20 aprelya 2019 g.)* [Economics through the eyes of young people: materials of the regional scientific and practical conference of students and young scientists (Tomsk, April 17–20, 2019)]. Tomsk, 2019. Pp. 213–216. (In Russ.).

10. The head of the Interior Ministry announced a critical shortage of police officers and investigators. *Novostnoi kanal – RBK* [News Channel – RBC]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/10/08/2023/64d4d2629a7947695baea197?ysclid=lukclj5ys6952547577> (In Russ.). (Accessed March 23, 2024).
11. *Razmery minimal'noi zarabotnoi platy v sub'ektakh Rossijskoi Federatsii ot 01.04.2024* [The minimum wage in the subjects of the Russian Federation of April 1, 2024]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291114/ (accessed March 24, 2024).
12. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 03.07.2014 No. 226-V (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 12.09.2023)* [Criminal Code of the Republic No. 226-V of Kazakhstan of July 3, 2014 (with amendments and additions as of September 12, 2023)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#activate_doc=2&pos=2883;-60&pos2=557;-104 (accessed March 24, 2024).
13. *O respublikanskom byudzhetе na 2024 – 2026 gody: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 5.12.2023 No. 43-VIII* [On the Republican Budget for 2024–2026: Law of the Republic of Kazakhstan No. 43-VIII of December 5, 2023]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33434676 (accessed March 24, 2024).
14. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Uzbekistan ot 03.07.2014 No. 226-V (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 20.06.2024)* [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan No. 226-V of July 3, 2014 (with amendments and additions as of June 20, 2024)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (accessed March 24, 2024).
15. *O povyshenii razmerov zarabotnoi platy, pensii i posobii: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 17.11.2023 No. UP-196* [On Increasing Wages, Pensions and Benefits: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-196 of November 17, 2023]. Available at: <https://lex.uz/ru/docs/6665687> (accessed March 24, 2024).
16. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Tadjikistan ot 21.05.1998 No. 574 (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 13.11.2023)* [The Criminal Code of the Republic of Tajikistan No. 574 of May 21, 1998 (with amendments and additions as of November 13, 2023)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#pos=6;-82&pos2=2479;-108 (accessed March 25, 2024).
17. *O gosudarstvennom byudzhetе Respubliki Tadjikistan na 2024 god: zakon Respubliki Tadjikistan ot 18.11.2023 No. 2012* [On the State Budget of the Republic of Tajikistan for 2024: Law of the Republic of Tajikistan No. 2012 of November 18, 2023]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32615654 (accessed March 25, 2024).
18. *O merakh po usileniyu urovnya sotsial'noi zashchity naseleniya, uvelicheniyu deistviyushchikh dolzhnostnykh okladov gosudarstvennykh sluzhashchikh, rabotnikov byudzhetykh organizatsii, razmerov pensii i stipendii: ukaz Prezidenta Respubliki Tadjikistan ot 09.01.2024 No. 671*. [On Measures to Strengthen the Level of Social Protection of the Population, Increase Current Official Salaries of Public Servants, Employees of Budgetary Organizations, Pensions and Scholarships: Decree of the President of the Republic of Tajikistan No. 671 of January 9, 2024]. Available at: <https://khovar.tj/rus/2024/01/ukaz-prezidenta-respubliki-tadjikistan-77/> (accessed March 27, 2024).
19. *Ugolovnyi kodeks Turkmenistana ot 12.06.1997 No. 222-I (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 25.11.2023)* [The Criminal Code of Turkmenistan No. 222-I of June 12, 1997 (with amendments and additions of November 25, 2023)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&doc_id2=31295286#activate_doc=2&pos=288;-86&pos2=2256;-102 (accessed March 27, 2024).
20. Review of amendments to legislative acts of Turkmenistan adopted in March. *Orient* [Orient]. Available at: <https://orient.tm/ru/old/post/49694/obzor-popravok-v-zakonodatelnye-akty-turkmenistana-prinyatyh-v-marte> (accessed March 27, 2024).
21. In 2024, salaries and salaries increased in Turkmenistan. *Radio golos SNG – SNG.FM* [Radio Voice of the CIS – SNG.FM]. Available at: <https://sng.fm/ashkhabad/30665-v-2024-godu-v-turkmenistane-vyrosli-razmery-zarplat-i-posobij.html> (accessed March 27, 2024).
22. *Ugolovnyi Kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 28.10.2021 No. 127* [Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (accessed March 27, 2024).
23. *O raschetnom pokazatele: zakon Kyrgyzskoi Respubliki ot 26.04.2023 No. 94* [On the calculated rate: Law of the Kyrgyz Republic No. 94 of April 26, 2023]. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/1801/edition/1250889/ru> (accessed March 27, 2024).
24. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 No. 275-Z (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 01.10.2023)* [The Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z of July 9, 1999 (with amendments and additions of October 1, 2023)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&doc_id2=30414984#activate_doc=2&pos=47;-80&pos2=1859;-106 (accessed March 27, 2024).
25. *Ob ustanovlenii razmera bazovoi velichiny: postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus' ot 27.12.2023 No. 944* [On setting the size of the base value: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 944 of December 27, 2023]. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300944> (accessed March 25, 2024).
26. Since January 1, 2024, a new size of the monthly minimum wage has been established in Belarus. *Novosti – Novosti Pravo.by* [News – News Pravo.by]. Available at: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/december/76151/> (In Russ.). (Accessed March 27, 2024).
27. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Moldova ot 18.04.2002 No. 985-XV* [Criminal Code of the Republic of Moldova No. 985-XV of April 18, 2002]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (accessed March 27, 2024).
28. The average projected salary in 2024 will be 13,700 lei. *Fiskal'nyi monitoring – FISC.md* [Fiscal Monitoring – FISC.md]. Available at: <https://monitorul.fisc.md/srednyaya-prognoziruemaya-zarplata-v-2024-godu-sostavit-13-700-leev/?ysclid=lv9fvmavq6870426916> (In Russ.). (Accessed March 27, 2024).
29. *Srednyaya zarabotnaya plata po ekonomike v 2024 godu vyrastet do 13700 leev* [The average salary in the economy in 2024 will rise to 13,700 lei]. Available at: <https://www.delucru.md/ru/articles/srednyaya-zarabotnaya-plata-po-ekonomike-v-2024-godu-virastet-do-13700-leev?ysclid=lv9fw7f9l2791701757> (accessed March 27, 2024).
30. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Armeniya ot 18.04.2003* [Criminal Code of the Republic of Armenia of April 18, 2003]. Available at: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#> (accessed March 27, 2024).

31. In Armenia, starting from July 1, 2023, it is planned to increase pensions, allowances and the minimum wage. *News*. Available at: <https://news.am/rus/news/728643.html> (In Russ.). (Accessed March 27, 2024).
32. Since January 1, 2023, the minimum wage has been changed. *Yuridicheskaya firma – Aileks* [Ailex Law firm]. Available at: <https://www.ilex.am/ru/arkhiv/580-s-1-yanvarya-2023-goda-izmenen-razmer-minimal'noi-zarabotnoi-platy.html> (In Russ.). (Accessed March 27, 2024).
33. *Ugolovnyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki (utv. Zakonom Azerbaidzhanskoi Respubliki ot 30.12.1999 No. 787-IQ) (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 22.12.2023* [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan No. 787-IQ of December 30, 1999) (with amendments and additions of December 22, 2023)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&doc_id2=30420353#activate_doc=2&pos=247;-99&pos2=2118;-104 (accessed March 27, 2024).
34. In Azerbaijan in 2024, the minimum wage will also amount to 345 manats. *Informatsionnoe agentstvo – Report* [News Agency – Report]. Available at: <https://report.az/ru/milli-mejlis/v-azerbajdzhane-v-2024-godu-minimalnaya-zarplata-sostavit-345-manatov/?ysclid=lv9gkaak9k11930522> (accessed March 27, 2024).
35. Avdeeva E.V. *Organizatsiya zashchity prav sub"ektov predprini-matel'skoi deyatel'nosti v khode rassledovaniya prestuplenii: monogr.* [Organization of protection of the rights of business entities during the investigation of crimes: monograph]. Moscow, 2023. 228 p.
36. Avdeeva E.V. Indicators and problems of differentiation of civil dispute and criminal non-compliance of contractual obligations. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2023, no. 4, pp. 200–205. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Legal Support of Market Economics at the Law School of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Expert Center for Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization “Business Russia”, Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Статья поступила 24.04.2024

Научная статья

УДК 343.91

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.006

Совершенствование механизмов уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе эволюционирования цифрового общества

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОБЕЦВсероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Реферат

Введение: возникающие в современном цифровом обществе правоотношения в сфере применения технологий искусственного интеллекта, в первую очередь, требуют пропорционального развития уголовно-правой базы, потому что вновь возникающие инновационные продукты могут быть потенциально опасными для человека. *Цель:* показать, что в связи с недостаточной изученностью и сложностью точного прогнозирования генезиса правоотношений, которые связаны с использованием новых технологий, привычные уголовно-правовые нормы уже не могут в достаточной степени обеспечивать полноценную охрану благосостояния личности и государства. В статье использовались *методы* исторического, логического, сравнительного анализа и конкретные социологические методики. *Результаты:* доказано, что, несмотря на ряд научно-теоретических разработок в сфере ответственности искусственного интеллекта, проблематика по его правовому регулированию остается чрезвычайно актуальной, имеет различные точки зрения и нуждается в скором разрешении. Между тем решать проблему, связанную с уголовной ответственностью в области робототехники, использующей новые технологии, в первую очередь следует в целях обеспечения необходимой защиты интересов общества, которому предстоит в скором времени ежедневно сталкиваться с правовыми проблемами, возникающими в процессе совершенствования технологий. Поэтому сегодня столь актуальны разработки новейших уголовно-правовых охранительных механизмов, которые бы контролировали общественные угрозы в рассматриваемой сфере. *Выводы:* автор приходит к заключению, что в ближайшей перспективе стандартная практика не обеспечит полноценной охраны благосостояния общества, поскольку уголовно-правовые механизмы будут не в состоянии адекватно реагировать на возникающие технические инновации и не смогут отформатировать в своем ключе новые цифровые уголовно наказуемые действия. В этой связи уже сегодня необходимо искать новые решения по уголовно-правовой охране общественных отношений цифрового общества. В то же время важно, чтобы конструкции новых охранительных механизмов своевременно оценивали возможные риски, связанные с техническими новшествами и технологическими прорывами.

Ключевые слова: цифровое общество; искусственный интеллект; правовое регулирование; меры уголовной ответственности; законодательные основы; возмещение вреда; правоохранительная деятельность; предупреждение преступности; соблюдение законности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кобец П. Н. Совершенствование механизмов уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе эволюционирования цифрового общества // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 165–170. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.006.

Improving Mechanisms for Criminal Law Protection of Public Relations Arising in the Process of Digital Society Evolution

PETR N. KOBETS

All-Russian Research Institute of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract.

Introduction: legal relations arising in modern digital society in the field of application of artificial intelligence technologies, first of all, require proportional development of the criminal legal framework, since newly emerging innovative products can be potentially dangerous to humans. *Purpose:* to show that due to insufficient knowledge and the complexity of accurate forecast of the genesis of legal relations that are associated with the use of new technologies, common criminal law norms can no longer sufficiently provide full protection of the well-being of individuals and the state. *Methods:* historical, logical, comparative analysis, specific sociological techniques. *Results:* it is proved that despite a number of scientific and theoretical developments in the field of artificial intelligence liability, the issue of its legal regulation remains extremely relevant, has different points of view and needs to be resolved quickly. Meanwhile, solution of the problem associated with criminal liability of artificial intelligence using new technologies should pursue the goal of protecting interests of the society that will soon have to daily face legal problems arising in the process of improving new technologies. Therefore, today modern developments of the latest criminal law protective mechanisms that could very quickly ensure control of public dangers in the area under consideration are so relevant. *Conclusions:* in the near future, standard practice will not be able to ensure full protection of the welfare of society, since criminal law mechanisms will not be able to adequately respond to emerging technical innovations and, accordingly, will not be able to format new digital criminally punishable actions in their own way. Thus, it is reasonable to look for new solutions for the criminal law protection of public relations of the digital society. At the same time, it is important that designs of new protective mechanisms timely assess the possible risks associated with technical innovations and technological breakthroughs.

Keywords: digital society; artificial intelligence; legal regulation; criminal liability measures; legislative framework; compensation for harm; law enforcement; crime prevention; compliance with the law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kobets P.N. Improving mechanisms for criminal law protection of public relations arising in the process of digital society evolution. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 165–170. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.006.

Введение

Среди основных направлений по формированию и совершенствованию научно-технического прогресса в условиях XXI столетия особо выделяется вектор, неразрывно связанный с роботизированными системами, основанными на искусственном интеллекте. Разработка и последующее активное продвижение данных приводят к постановке все новых проблемных вопросов как в целом перед правовой наукой, так и ее уголовно-правовой отраслью в частности.

Сегодня в большинстве государств в сфере законодательного регулирования общественных отношений, касающихся технологий искусственного интеллекта, ключевыми остаются вопросы, связанные с разного рода мерами ответственности в случае причинения вреда данными технологиями [1, с. 85]. Меры ответственности за противоправную деятельность в сфере технологий с использованием искусственного интеллекта в ближайшей перспективе станут одними из самых сложных не только в зарубежной, но и в российской юридической практике [2, с. 125].

Сегодня мы можем наблюдать, как искусственный интеллект влияет на большинство сфер человеческой жизнедеятельности, включая экономику, финансовую сферу, медицину, транспорт и др. [3, с. 43]. Список технологий с использованием искусственного интеллекта может быть достаточно длинным.

Обсуждение

С целью последовательного анализа проблематики, связанной с уголовной ответственностью в сфере робототехники, использующей технологии искусственного интеллекта, в первую очередь важно разъяснить само понятие «искусственный интеллект». Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» устанавливает приоритеты в данном направлении, а также дает определение искусственного интеллекта – «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоста-

вимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [4, с. 123].

Среди основных признаков искусственного интеллекта можно выделить следующие: наличие технического устройства (киберфизической системы), способного воспринимать информацию и передавать ее; определенная степень автономной работы без человеческого участия (субъектность) при отсутствии жизни у такой системы; способность к анализу, обобщению информации, выработке интеллектуальных решений на основе изученных данных (мышление), самосознанию; способность к обучению, самостоятельному поиску информации и принятию на основе этой информации решений [5, с. 37].

Большинство экспертов, аналитиков и специалистов, исследующих данную проблематику, рассматривают общие характеристики информационных технологий [6, с. 31]. Отмечают, что физическая природа данного понятия выражается в технической системе, созданной чтобы подражать мыслительным процессам человека и осуществлять функционал, подвластный ему же [7, с. 25]. Отечественные эксперты полагают, что технологии искусственного интеллекта – это сложная, специально созданная программно-аппаратная система, которая обладает возможностями восприятия и анализа информационных данных и может самообучаться [8, с. 43].

Между тем отметим, что проблематика, связанная с легальным правовым определением рассматриваемой технологии, актуализируется отсутствием ее юридических характеристик, в том числе как субъекта и объекта правоотношений. Большинство дефиниций имеют существенные недостатки. Так, по мнению ряда авторов, на технологию искусственного интеллекта обязательно должен распространяться режим юридического лица, потому как оба в гражданско-правовом смысле являются фикцией [9, с. 162].

Однако, на наш взгляд, у робототехники и иных цифровых продуктов, функционирующих с использованием искусственного интеллекта, не просматриваются признаки юридических лиц. Несмотря на то что этим правовым феноменам присуща функция фикции, их никоим образом не объединяет механизм по правовому регулированию.

В сложившихся условиях очевидно, что в настоящее время важно прорабатывать вопросы, касающиеся развития механизмов охраны общественных отношений, возникающих в процессе эволюционирования робототехники, использующей новые технологии. Сегодня рассматриваемые технологии уже существуют в электронном виде в качестве компьютерных программ, обеспечивающих функционирование робототехники и иных цифровых устройств. Как отмечают отечественные специалисты, анализируя вопросы правосубъектности робототехники, она имеет регистрацию в специальных реестрах, при этом обладает существенной материальной ценностью. Поэтому в качестве мер ответственности в случае нарушения правоотношений, вызванных деятельностью данных технологий, ряд исследователей предлагает останавливать функционирование подобного продукта, использующего для работы новые

технологии, а после чего его перепрограммировать либо вообще уничтожить.

По нашему мнению, подобные подходы весьма спорны и должны доказываться более убедительно, с детальным раскрытием данного механизма, а не просто декларироваться. Непонятно, каким образом и самое главное – кем компьютерные программы могут признаваться в качестве субъектов правоотношений, будучи субъектами и объектами правового регулирования.

Как полагает В. А. Лаптев, технологии искусственного интеллекта обладают рядом отдельных элементов субъективного права и в то же время выступают объектами этого права [10, с. 87]. Поэтому в ближайшие годы меры ответственности за деятельность технологий искусственного интеллекта будут возлагаться на их создателей (производителей), а также владельцев (операторов) аналогично с мерами ответственности в случае причинения вреда источниками, представляющими повышенную опасность. Однако в дальнейшей перспективе рассматриваемые технологии могут быть наделены правоспособностью с возможностью несения самостоятельной юридической ответственности. После таких шагов их правосубъектность будет существовать в цифровом пространстве, что может стать существенным риском роста преступных посягательств с использованием искусственного интеллекта.

В подобных ситуациях робототехника будет являться орудием либо средством совершения преступных посягательств, а к мерам уголовной ответственности необходимо привлекать лиц, использующих ее в преступных целях. В этой связи существует необходимость проведения отдельных исследований относительно того, повышается ли степень общественной опасности преступных посягательств, которые совершаются с применением технологий искусственного интеллекта. Очевидно, что для совершения высококвалифицированных убийств такие технологии могут быть необходимы. Поэтому в дальнейшей перспективе чрезвычайно важно как можно детальнее проработать вопрос о необходимости дополнения ч. 2 ст. 105 УК РФ соответствующими признаками.

Нам близки те правоведы, которые усматривают необходимость привлечения к мерам различной юридической ответственности людей (разработчиков, производителей, владельцев, арендаторов, операторов и др.) в случаях причинения робототехникой в процессе ее деятельности любого вреда [11, с. 281]. В то же время при совершении противоправного деяния в рассматриваемой сфере правоохранителям будет крайне трудно определить меру ответственности конкретных лиц, имевших отношение к изделиям и технологиями, использующим для своего функционирования искусственный интеллект: производителей, лиц, реализующих данную продукцию, собственников и др.

С развитием цифровых технологий проблемы, связанные с их правовым регулированием, будут усиливаться. Сложность привлечения к наказанию разработчиков цифрового продукта обусловлена

возможностью искусственного интеллекта самообучаться. Теоретически не стоит исключать ситуации, когда интеллектуальные системы смогут себя пере-программировать, получив в процессе соответствующей модернизации необходимые для этого данные из внешних источников, изменить свои настройки, что может привести к негативным последствиям. В таких случаях лиц, которые изобрели подобный продукт либо его в дальнейшем перепрограммировали, привлечь к ответственности за возникшие правовые последствия будет непросто.

Пока не находят поддержки правоведов отдельные высказывания относительно необходимости возложить ответственность за противоправную деятельность, совершаемую с использованием технологий искусственного интеллекта, в соответствии с традиционными уголовно-правовыми нормами, в частности п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. При этом лица, ответственные за деятельность искусственного интеллекта, могут привлекаться к закону, когда в процессе создания данных систем допускались ошибки, которые впоследствии привели к совершению противоправных деяний; данные системы были подвергнуты неправомерному доступу, который послужил основанием их повреждения [12, с. 570] либо усовершенствования их функционала, повлекшего за собой совершение преступления; когда рассматриваемые технологии, обладая возможностью самообучаться, пришли к мнению о необходимости совершения противоправного деяния.

Важно осознавать, что информационные технологии – это всего лишь цифровые процессы, присутствующие в определенной программной оболочке. Они не сознательное существо, обладающее действиями и поступками, поэтому не могут обладать таким же статусом, как физические лица, и не относятся к субъектам юридической ответственности. В процессе правового регулирования рассматриваемые технологии не могут быть и юридическими лицами, потому как не имеют многих особенностей, присущих данным субъектам. В соответствии с отечественной правовой доктриной в случае противоправной деятельности меры ответственности могут быть возложены на каких-либо лиц, организации либо государство, при этом в соответствии со ст. 19 УК РФ субъекты ответственности – вменяемые физические лица, которые достигли возраста, с которого наступают меры ответственности.

Важно также отметить, что поскольку искусственный интеллект является компьютерной системой, то «на основании ст. 274 УК РФ меры уголовной ответственности наступают в том числе и вследствие нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» [13, с. 35]. В этой связи мы солидарны с позицией исследователей, отмечающих, что обозначенную законодательную норму возможно применять относительно рассматриваемых технологий. В то же время важно помнить, что ст. 274 УК РФ бланкетная, отсылающая к различного рода правилам, которыми установлены механизмы порядка работы со средствами «по хране-

нию, обработке, передаче охраняемых компьютерных информационных данных, информационно-телекоммуникационными сетями и окончательным оборудованием в ведомстве или организации, нарушение которых повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб» [14, с. 124].

На наш взгляд, преступные деяния, совершаемые с использованием новых технологий, должны наказываться в соответствии с общими нормами, предусматривающими наказания за совершение противоправных деяний в отношении личности, против собственности, против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления и др. Точно также необходимо решать вопросы и в ситуациях, при которых робототехника, использующая рассматриваемые технологии, была подвергнута неправомерному доступу, вследствие которого произошли выход из строя либо усовершенствование ее функционала, и в результате именно этой причины произошло преступное посягательство. В тех случаях, когда неправомерный доступ был осуществлен с использованием новых технологий для оказания негативного влияния на разного рода объекты, связанные с критической информационной инфраструктурой, ответственность должна наступать по ст. 274.1 УК РФ.

Подводя итог исследованию формирования механизмов, связанных с охраной общественных отношений, возникающих в процессе развития новых технологий, важно отметить, что среди основополагающих принципов правового регулирования всегда был гуманизм, который образует антропоцентрическую правовую оболочку, строящуюся вокруг незыблемости прав и свобод человека. Сегодня также важно большое внимание уделять развитию принципов правового регулирования новых технологий, поскольку помимо общеправовых принципов гуманизма, законности, запрета дискриминации к числу рассматриваемых принципов должно также относиться и правовое регулирование, которое будет задавать правильное направление при выстраивании взаимодействия среди двух видов интеллектов [15, с. 15].

Очевидно, что в скором будущем в процессе развития новых технологий одним из первых станет принцип невозможности нанесения ущерба и любого вреда людям. За ним должны следовать принципы конфиденциальности, уважения человеческого достоинства, справедливости, автономности воли, информированного согласия и др. Следует ожидать дополнения отдельных принципов, которые будут лежать в основе правового регулирования таких технологий, использующих искусственный интеллект, как нейронные сети, а также различные объекты робототехники [16, с. 41].

Таким образом, новые правовые отношения, находящиеся в стадии активного формирования, требуют адекватного развития и законодательной базы, поскольку возникающие инновационные продукты могут быть потенциально опасными для человечества в связи с их недостаточной изученностью и сложностью точного прогнозирования генезиса отношений,

которые связаны с их использованием. Особо актуальны современные разработки новейших уголовно-правовых охранительных механизмов, которые смогли бы быстро обеспечить контролирование возможных общественных опасностей, установить меры уголовной ответственности за рассматриваемые противоправные деяния.

Выводы

Таким образом, разрешать проблему, связанную с уголовной ответственностью в сфере робототехники, использующей технологии искусственного интеллекта, необходимы для того, чтобы обеспечить защиту интересов общества, которому предстоит в скором времени ежедневно сталкиваться с деятельностью и результатами принятых решений рассматриваемыми технологиями. В этой связи правовой статус данных технологий должен включать ряд обязанностей, запретов и мер ответственности в случае их нарушения. В целом можно отметить, что имеющаяся проблематика уголовной ответственности в сфере новых технологий вполне возможно разделить на группы. Первая связана с неправомерным внесением изменений в программы. Чтобы эффективно предотвращать данные посягательства, необходимо вносить изменения

в действующие редакции ряда статей УК РФ. Вторая группа связана непосредственно с мерами ответственности за причинение разного рода вреда и ущерба машинами и оборудованием, использующим в своей работе технологии искусственного интеллекта.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что сегодня привычные методы уже не могут обеспечить полноценную охрану благосостояния личности. Существующие уголовно-правовые механизмы, нацеленные на существующие общественно опасные деяния, возможно, в скором времени будут не в состоянии эффективно реагировать на происходящие трансформации и не смогут отформатировать в своем ключе новые цифровые уголовно наказуемые действия. Поэтому активное использование новейших цифровых технологических процессов по передаче и распространению информационных данных вынуждает государство искать новые решения, связанные с уголовно-правовой охраной общественных отношений, которые возникают в современном цифровом обществе. При этом важно, чтобы конструкции новых охранительных механизмов как можно реальнее оценивали потенциальную общественную опасность, возникающую с развитием новых технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 79–88.
2. Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 122–130.
3. Ястребов О. А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правообразования. 2017. № 1. С. 189–203.
4. Кобец П. Н. Зарубежные и отечественные подходы к законодательному регулированию общественных отношений в сфере применения технологий искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 119–126.
5. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.
6. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях : учеб. М., 2012. 664 с.
7. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2017. № 4. С. 17–27.
8. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 42–50.
9. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
10. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
11. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 3. С. 280–283.
12. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.
13. Кобец П. Н. Искусственный интеллект: современные подходы по формированию понятийного аппарата и регулированию правоотношений в рассматриваемой сфере // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 30–37.
14. Хилюта В. В. Цифровое переформатирование уголовного права // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 123–128.
15. Смолин Д. В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М., 2004. 208 с.
16. Попова А. В., Горохова С. С., Азнагулова Г. М. Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 37–43.

REFERENCES

1. Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: the need for regulation in Russia, foreign studies and practice. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 9, pp. 79–88. (In Russ.).

2. Tarasov I.N. Problems of legal regulation as in the case of the concept of "artificial intelligence". *Lex Russica = Russian Law*, 2022, vol. 75, no. 1 (182), pp. 122–130. (In Russ.).
3. Yastrebov O.A. Discussion about the prerequisites for assigning robots the legal status of "electronic persons". *Voprosi pravovedeniya = Legal Issues*, 2017, no. 1, pp. 189–203. (In Russ.).
4. Kobets P.N. Foreign and national approaches to the legislative regulation of public relations in the field of application of artificial intelligence technologies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (100), pp. 119–126. (In Russ.).
5. Vasil'ev A.A., Shpopper D., Mataeva M.Kh. The term "artificial intelligence" in the Russian law: doctrinal analysis. *Yurisl'ingvistika = Legal Linguistics*, 2018, no. 7–8, pp. 35–44. (In Russ.).
6. Bolotova L.S. *Sistemy iskusstvennogo intellekta: modeli i tekhnologii, osnovannye na znaniyakh: ucheb.* [Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge: textbook]. Moscow, 2012. 664 p.
7. Sinel'nikova V.N., Revinskii O.V. Rights to the results of artificial intelligence. *Kopirait. Vestnik Rossiiskoi akademii intellektualnoi sobstvennosti i Rossiiskogo avtorskogo obshchestva = Copyright. Bulletin of the State Academy of Intellectual Property and Russian Authors Society*, 2017, no. 4, pp. 17–27. (In Russ.).
8. Kamyshanskiy V.P., Koretskii A.V. The concept and legal status of a carrier of artificial intelligence. *Vlast Zakona = The Power of Law*, 2019, no. 1 (37), pp. 42–50. (In Russ.).
9. Arkhipov V.V., Naumov V.B. On some issues of the theoretical foundations for the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality. *Zakon = Law*, 2017, no. 5, pp. 157–170. (In Russ.).
10. Laptev V.A. Artificial intelligence and liability for its work. *Pravo. Zhurnal Visshei shkoli ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 2, pp. 79–102. (In Russ.).
11. Morhat P.M. Legal personality of an artificial intelligence unit: some civil law approaches. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 280–283. (In Russ.).
12. Khisamova Z.I., Begishev I.R. Criminal liability and artificial intelligence: theoretical and applied aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 564–574. (In Russ.).
13. Kobets P.N. Artificial intelligence: modern approaches to the formation of the conceptual apparatus and regulation of legal relations in the area under consideration. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Legal Institute*, 2023, no. 5 (56), pp. 30–37. (In Russ.).
14. Khilyuta V.V. Digital reformatting of criminal law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1, pp. 123–128. (In Russ.).
15. Smolin D.V. *Vvedenie v iskusstvennii intellekt: konspekt lektsii* [Introduction to artificial intelligence: lecture notes]. Moscow, 2004. 208 p.
16. Popova A.V., Gorokhova S.S., Aznagulova G.M. Theoretical and legal approaches to the definition of the system of the principles of legislative regulation of artificial intelligence at the present stage of development of the rule-of-law state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 3 (57), pp. 37–43. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОБЕЦ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

PETR N. KOBETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Статья поступила 11.03.2024

Научная статья

УДК 343.83

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.007

Эффективность проведения расследования уголовных дел при использовании помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, на территории воспитательной колонии

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ САМОХВАЛОВ

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Караганда, Республика Казахстан

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

aidarkan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>

МАКСИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СТЕПАНОВ

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, stepanov52m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-4988>

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме использования помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора (ПФРСИ), расположенных на территории воспитательной колонии для несовершеннолетних, при проведении следственных действий в ходе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. *Цель:* исследовать возможности ПФРСИ для полноценного раскрытия и расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. *Методы:* общенаучные (анализ, синтез, индукция и т.д.), частнонаучные и специальные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический). *Результаты:* процесс расследования уголовного дела при содержании несовершеннолетнего в следственном изоляторе имеет ряд отрицательных сторон, связанных с негативным влиянием криминальной субкультуры, в результате чего происходит криминальная зараженность, прививаются устои и правила тюремного мира, что в конечном счете затрудняет процесс расследования уголовного дела. *Выводы:* по итогам анализа материалов функционирования конкретной воспитательной колонии, деятельности аппарата следствия и дознания по проведению необходимых и достаточных следственных действий в процессе расследования преступлений в отношении несовершеннолетних установлены неоспоримые преимущества применения ПФРСИ на территории воспитательной колонии в целях недопущения криминального влияния на несовершеннолетних в период расследования уголовного дела. Указанные преимущества состоят в обеспечении раздельного содержания взрослых и несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; создании непрерывной, последовательной и единой системы психолого-педагогической коррекции личности молодого преступника; сохранении и восстановлении социально полезных связей несовершеннолетних правонарушителей; снижении уровня их рецидивной преступности в будущем; наличии необходимой материальной базы, административного аппарата аттестованных сотрудников, четкой организации системы охраны и технического оснащения.

Ключевые слова: воспитательная колония; ПФРСИ; расследование уголовного дела; следственные действия; допрос; очная ставка; прокурорский надзор.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Самохвалов И. Ю., Скаков А. Б., Степанов М. В. Эффективность проведения расследования уголовных дел при использовании помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, на территории воспитательной колонии // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 171–178. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.007.

Effectiveness of the Investigation of Criminal Cases when Using the Area Functioning as a Pre-Trial Detention Center on the Territory of a Juvenile Correctional Facility

IGOR' YU. SAMOKHVALOV

Arzamas Branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

AIDARKAN B. SKAKOV

B. Beissenov Karaganda Academy under the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Karaganda, Republic of Kazakhstan
Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia
aidarkan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>

MAKSIM V. STEPANOV

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, stepanov52m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-4988>

Abstract

Introduction: the article considers the problem of using areas functioning as pre-trial detention centers located on the territory of a juvenile correctional facility in the process of conducting investigative actions to investigate criminal cases against minors. *Purpose:* to study possibilities of areas functioning as pre-trial detention centers for the full disclosure and investigation of criminal cases against minors. *Methods:* general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal, statistical). *Results:* the process of investigating a criminal case while keeping a minor in a pre-trial detention center has a number of negative sides associated with the negative influence of a criminal subculture, as a result of which criminal infection occurs, prison world rules are acquired, which ultimately complicates the process of investigating a criminal case. *Conclusions:* the process of conducting criminal investigation, while keeping a minor in a pre-trial detention center, has a number of negative sides associated with a negative influence of the criminal subculture, leading to criminal infection and acquisition of "prison" rules, which ultimately complicates the process of investigating a criminal case.

Keywords: juvenile correctional facility; area functioning as a pre-trial detention center; investigation of a criminal case; investigative actions; interrogation; confrontation; prosecutor's supervision.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Samokhvalov I.Yu., Skakov A.B., Stepanov M.V. Effectiveness of the investigation of criminal cases when using the area functioning as a pre-trial detention center on the territory of a juvenile correctional facility. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 171–178. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.007.

Введение

При расследовании уголовного дела в целях создания условий для его полноценного и своевременного раскрытия и в силу существования ряда причин, активно противодействующих этой деятельности, перед органами следствия возникает острая необходимость в изоляции подозреваемого на период расследования от внешнего мира, то есть водворения в следственный изолятор. Не избегают такой процедуры и несовершеннолетние подозреваемые. Это решение, принимаемое на определенном этапе работы с уголовным делом, обусловлено рядом объективных

и субъективных причин и, как правило, продиктовано следующим: материалами изучения личности подозреваемого в процессе расследования дела; наличием факторов, подтверждающих возможность и намерение подозреваемого скрыться от следствия на стадии дознания; необходимостью обеспечения безопасности подозреваемого путем его изоляции до рассмотрения уголовного дела в суде; активным противодействием процессу расследования преступления (личное влияние подозреваемого на свидетелей, соучастников, потерпевших, сокрытия вещественных доказательств, активное противодействие

следственным действиям, проведению экспертиз, отработке версий и др.). Это далеко не полный перечень доводов для обоснования необходимости водворения подозреваемого в следственный изолятор. Что касается несовершеннолетних, то здесь соответственно фигурируют сложные дела средней и особой тяжести, представляющие опасность для общества.

Обсуждение

Водворение в следственный изолятор имеет положительные и отрицательные стороны.

Как негативное обстоятельство можно рассматривать территориальное нахождение следственного изолятора на достаточном расстоянии от отдела внутренних дел. Это требует этапирования подозреваемого, которое сопряжено с рядом необходимых и достаточных законодательных процедур, установленных алгоритмом действий конвойного подразделения МВД, что вносит соответствующие коррективы в процедуру ведения следствия.

Так, после получения санкции на водворение подследственный этапируется в изолятор, расположенный, как правило, на территории другого района на расстоянии в несколько десятков километров. Само перемещение подозреваемого, согласно действующему законодательству, осуществляется конвойным подразделением с применением специального автомобиля и соблюдением правил, установленных инструкциями и приказами МВД России.

Административно-правовой статус конвойных подразделений определен Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, нормативно-правовыми актами МВД России, например «Наставлением по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых», закрепленным приказом МВД России от 07.03.2006 № 140. Конвой обеспечивает своевременное доставление лиц, взятых под стражу, к месту назначения, соблюдение режима доставления, предупреждение и пресечение попыток конвоируемых к побегу, членовредительству, нападению на конвой.

С этого момента следователь должен учитывать, что проведение определенных следственных действий с участием подозреваемого будет возможно только при личном посещении следственного изолятора или при доставлении подследственного в орган внутренних дел по мотивированному требованию. Инструкции и приказы предписывают обязательное освобождение помещений от подследственных на период праздников или длительных выходных. Таким образом, сама процедура избрания меры пресечения – нахождение под стражей, передвижения в автозаке под охраной, атмосфера ограничений следственного изолятора негативно влияют на подследственного, оказывая сильное психологическое давление. Общее эмоционально-психологическое воздействие мест содержания под стражей в большинстве случаев создает эмоциональное напряжение, приводит к ломке психики подследственного.

В соответствии со ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняе-

мых в совершении преступления» несовершеннолетние и взрослые содержатся отдельно. На практике в СИЗО организуются отдельные блоки, выделяются этажи или отдельные камеры для содержания несовершеннолетних. В условиях недостаточного финансирования требования строгой изоляции соблюдаются формально. Подростки, находясь в соседних камерах с взрослыми подследственными, в той или иной мере испытывают их влияние. Нехватка специализированных кадров по работе с несовершеннолетними ввиду направленности учреждения на взрослый контингент сводит на нет решение вопросов их психологического и воспитательного сопровождения. Вследствие этого несовершеннолетнему прививаются устои и правила тюремного мира, что, в свою очередь, служит причиной сильной криминальной зараженности и негативно отражается на процессе расследования уголовного дела.

На большинство подозреваемых сама процедура водворения в следственный изолятор и нахождение в нем оказывают отрицательное воздействие, негативно влияют на объективное расследование уголовного дела.

По мнению сотрудников следственных аппаратов и дознания, после водворения подозреваемого в следственный изолятор они сталкиваются с негативным отношением подследственного к проведению расследования, которое объяснимо тем, что, попадая в криминальную среду и общаясь с лицами, имеющими определенный опыт противодействия закону, он вынужденно занимает позицию, идущую в разрез со следствием. В дальнейшем при проведении любого следственного действия следователь ощущает активное сопротивление подследственного, явно под сказанное опытными сокамерниками. Более того, со стороны подследственного выдвигаются требования о пересмотре и опротестовании ранее проведенных и уже зафиксированных следственных действий, что говорит о наличии в СИЗО системы общения с сокамерниками, где одной из главных тем обсуждения является процесс уголовного расследования конкретного дела. Такая ситуация доставляет значительные трудности при проведении следствия, требует значительных усилий по убеждению подследственного, сбору более существенных доказательств, а иногда и повторного проведения следственного действия, что ставит под угрозу результаты уже проведенного первоначального этапа дознания, в течение которого решаются основные задачи расследования или создается фактическая основа для их дальнейшего успешного разрешения [1, с. 85].

В связи с вышеназванными обстоятельствами нельзя исключать возможности воздействия на подследственного через криминальные связи лиц, находящихся на свободе, то есть выполнение определенного задания заинтересованных лиц, что свидетельствует о существовании определенных контактов криминала СИЗО через каналы связи с лицами, пребывающими на свободе. Особенно часто это встречается при раскрытии групповых преступлений, когда отсутствует реальная возможность содержания членов группировки по разным СИЗО.

Факты осведомленности подследственных об этапах проведения расследования в отношении членов преступной группы, подтверждают сказанное выше.

Объективно на данный процесс криминального противодействия сложно повлиять, так как невозможно ограничить и проконтролировать все контакты лиц, содержащихся в следственных изоляторах, из-за большой их загруженности и недостатка площадей для размещения, малого количества одиночных камер, недостаточно четко организованной системы контроля. Немаловажными негативными факторами являются возможность утечки информации через недобросовестных сотрудников ФСИН России и наличие неконтролируемых форм общения между подследственными. Решение данной проблемы выделено в отдельное направление деятельности, которое включает модернизацию мер по предупреждению и пресечению возникновения неслужебных связей сотрудников уголовно-исполнительной системы с осужденными, преступных связей осужденных между собой и осужденных с лицами, находящимися за пределами исправительных учреждений [2].

Так, подследственному, которого вывозят для проведения следственных мероприятий по месту совершения преступления, например на показ на месте преступления, проведение экспертиз и следственных экспериментов, очной ставки или опознания, криминальными авторитетами даются задания по сбору специфической информации и выяснению определенных обстоятельств, интересующих криминальные структуры изолятора. Эти задания подследственный обязан выполнить, так как после следственных мероприятий он будет возвращен в изолятор и встретится с криминальными лицами. Данному практически неконтролируемому каналу связи криминала с внешним миром сложно противодействовать, так как полученная выезжающим из СИЗО подозреваемым информация, как правило, не имеет материального отображения (письма – «малывы») и находится только в голове подследственного.

В результате влияния криминальной среды следователю сложно переубедить подозреваемого в неверности его установок, так как, к сожалению, при раскрытии уголовного дела не представляется возможным доказать и вскрыть все обстоятельства дела, многое зависит от самого подследственного, его признательных показаний, желания сотрудничать со следствием.

Также выделим категорию подозреваемых, для которых водворение в следственный изолятор способствует быстрому признанию в содеянном преступлении, сотрудничеству со следствием и в дальнейшем приводит к положительным результатам в процессе сбора доказательств, проведения следственных действий, лояльному отношению подозреваемого к сотрудникам следственных аппаратов и к самому расследованию. В данном случае реальное столкновение подозреваемого с системой наказания формирует желание как можно быстрее закончить процесс сбора материалов дела, дожидаться решения суда и начать отбытие наказания. Считается, что чем быстрее подозреваемый займет позицию сотрудниче-

ства со следствием, осознает необходимость чистосердечного признания, тем быстрее пойдет процесс раскрытия уголовного дела, сбора исчерпывающих доказательств, сократится срок расследования.

Вместе с тем необходимо учитывать, что для судебного органа, принимающего окончательное решение по делу, материалы уголовного дела являются источником выбора аргументов по правовой оценке личности преступника. Судья, изучая каждое следственное действие, создает свое мнение о личности подозреваемого, его поведении в процессе следствия, отношении к совершенному деянию, чтобы в дальнейшем определить меру наказания соразмерно содеянному преступлению. Поведение подследственного в процессе расследования, его позиция при проведении следственных действий, осознание необходимости сотрудничества со следствием – важная ступень на этапе движения к окончанию расследования. Вышеуказанные положения можно считать позитивным результатом водворения в следственный изолятор, необходимо всеми имеющимися средствами поддерживать этот процесс.

Для проведения следственных действий по мотивированному постановлению подследственный этапирован в территориальный орган МВД России, где расследующий уголовное дело сотрудник должен в сжатые сроки провести необходимые действия. Подследственного привозят в отдел внутренних дел, помещают в камеру спецприемника, где также нельзя говорить о строгой изоляции и отсутствии общения с криминальным контингентом по причине недостатка отдельных камер для содержания.

Приведенный далеко не полный перечень негативных факторов нахождения подследственного в следственном изоляторе может быть исключен при организации следственного изолятора на территории воспитательной колонии для несовершеннолетних – помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора (ПФРСИ).

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. в разделе V «Совершенствование и гуманизация уголовно-исполнительной политики» предусматривается особый подход в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний, обеспечения прав лиц, содержащихся под стражей. Так, отмечается необходимость изменения подхода к условиям содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах с учетом того, что их вина в совершении преступления еще не установлена вступившим в законную силу приговором суда. Данное положение прозвучало впервые, хотя и в предыдущей концепции (до 2020 г.) предпринимались реальные шаги по разработке законодательных актов, направленных на гуманизацию законодательства Российской Федерации, решение проблем по соблюдению прав и улучшению условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Применение такого подхода должно способствовать выполнению главной цели изоляции подозреваемого и обвиняемого – наиболее полному, объективному расследованию уголовного дела, исключаящему

любые возможные средства противодействия этому процессу.

В результате организации ПФРСИ на территории действующей воспитательной колонии для несовершеннолетних будут достигнуты следующие позитивные цели содержания правонарушителей:

- содержание в специализированном, приспособленном именно для несовершеннолетних, учреждении;
- исключение контактов с лицами, имеющими криминальный опыт;
- изоляция подозреваемого на время следствия, включающая возможность следователя контролировать круг общения подсудимого;
- проведение следственных действий с положительным эффектом без «консультативной помощи» лиц с криминальным опытом;
- возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий силами оперативного аппарата колонии.

Достижение положительного эффекта проведения расследования уголовного дела всецело будет зависеть от юридически грамотно построенной организации содержания подсудимых несовершеннолетних на территории воспитательной колонии.

Рассмотрим особенности организации ПФРСИ на территории воспитательной колонии для несовершеннолетних.

Одним из главных положительных факторов ПФРСИ на территории воспитательной колонии для несовершеннолетних является то, что учреждение расположено в пределах автобусного маршрута, то есть отсутствуют сложности по доставке подсудимого, связанные с длительной перевозкой, и с приездом практических работников следственных органов для проведения расследования.

Следующим фактором является то, что ПФРСИ для работы с несовершеннолетними находится в специализированном учреждении исполнения наказаний для работы с несовершеннолетними, построенном согласно действующим требованиям законодательства, начиная с ворот, через которые осуществляется прием осужденных, и заканчивается технической системой охраны любой точки колонии, что свидетельствует о полном контроле за колонией со стороны администрации. В колонии имеются приспособленные и отвечающие всем требованиям и стандартам международных конвенций помещения, в которых соблюдены необходимые санитарные нормы: блок проживания, где располагаются общежития; блок обучения – помещение школы и ПТУ; блок питания – столовая; блок производства – промышленная зона; культурно-массовый блок, включающий клуб и спортивный комплекс; помещение штрафного изолятора, медицинский кабинет. Все эти помещения оснащены соответствующим оборудованием, отвечающим нормам содержания несовершеннолетних. Аппарат обеспечения режима содержания состоит из отлаженной системы несения службы нарядами подразделения охраны колонии, офицерского состава сотрудников администрации колонии, штата оперативных сотрудников. Деятельность аппарата осуществляется при

постоянном контроле со стороны прокуратуры и общественных организаций. Также колония оснащена охранно-техническими средствами.

В настоящее время государственная политика в области исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних претерпевает значительные изменения, связанные с переосмыслением правового подхода к выбору методов исправления осужденных в местах лишения свободы, акцентом на увеличении психолого-педагогического воздействия на личность осужденного, применением передовых форм воспитательной работы, организацией общеобразовательного процесса, активного участия в трудовом воспитании [3, с. 44].

Лица, содержащиеся в воспитательных колониях, это, с одной стороны, осужденные, с другой – несовершеннолетние. Процесс отбывания ими наказания имеет ряд специфических черт, базирующихся на гуманном отношении государства к подросткам и учитывающих особенности формирующейся личности [4, с. 89].

Воспитательная колония укомплектована сотрудниками необходимой квалификации.

Имеющееся материально-техническое оснащение и профессиональное кадровое обеспечение колонии предполагает проведение работы по перевоспитанию подростков, отбывающих наказание. Воспитательная колония функционирует согласно действующим нормам содержания и размещения осужденных, их правильного питания, обучения и воспитания. Разработчики Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации справедливо полагают, что сокращение пенитенциарного рецидива достигается не столько за счет ужесточения наказаний и увеличения их сроков, сколько путем последовательной гуманизации жизнедеятельности осужденных с их одновременным приобщением к условиям жизни вне мест лишения свободы [5, с. 2].

Основными преимуществами ПФРСИ является возможность размещения подсудимых в изолированных помещениях, использование в процессе следствия сотрудников колоний, специализирующихся именно на работе с несовершеннолетними.

К положительным факторам необходимо отнести прием и содержание подсудимых. При поступлении в СИЗО на территории колонии подсудимые проходят обязательное медицинское обследование, психологическое тестирование. Им разъясняются основные требования правил внутреннего распорядка, ответственность за их нарушение, порядок подачи жалоб, заявлений, обращений и ходатайств. Формируется личное дело, заводится дневник индивидуально-воспитательной работы. Ежедневно проводится медицинский осмотр подсудимых и мест их содержания, ведется работа по разрешению конфликтных ситуаций. Наряду с проводимой постоянно просветительской работой, соблюдаются религиозно-конфессиональные традиции. Все это подчинено целям гуманизации процесса расследования совершенного уголовного дела, что позволяет исключить противодействие, исходящее как от лиц, имеющих криминальный опыт,

так и от соучастников преступления, находящихся на свободе.

Рассмотрим вопросы, связанные с организацией и проведением необходимых следственных действий с подследственными на базе ПФРСИ.

Как мы указали выше, при необходимости проведения следственных действий значительно сокращается время доставления подследственного в помещение отдела внутренних дел, а определенные действия целесообразно проводить именно на территории ПФРСИ с использованием контингента колонии в качестве статистов. Нахождение подследственных на территории ПФРСИ отвечает одному из основных требований уголовного процесса – сбору доказательств с использованием законной формы фиксации. Доказательство в уголовном процессе – это неразрывное единство фактических данных, то есть сведений о подлежащих доказыванию обстоятельствах, и процессуальной формы, в которую эти фактические данные облечены [6, с. 25].

Рассмотрим проведение допроса подследственного на территории ПФРСИ (ст. 173 УПК РФ). Допрос как следственное действие, предназначенное для получения максимума информации от лиц, участвующих в процессе раскрытия преступления, занимает важное место среди всех следственных действий, позволяет добиться получения доказательств, отвечающих наличием обязательных юридически значимых признаков. Указание на то, что каждое доказательство должно обладать тремя обязательными признаками (допустимость, достоверность, достаточность), необходимо понимать как условие, при котором в случае отсутствия какого-либо свойства доказательства нет и самого доказательства [7, с. 89–90]. Поэтому работа с источником информации, которым является подозреваемый, должна проходить на высоком профессиональном уровне с учетом индивидуального подхода к личности подследственного. Соответственно для этого необходимы определенные условия, которые могут быть созданы для подозреваемого и следователя в ПФРСИ.

Условия изоляции предполагают отработку версий с применением возможностей оперативно-розыскной деятельности имеющимся оперативным аппаратом сотрудников воспитательной колонии. Совместная работа в данном направлении с использованием возможностей оперативных сотрудников вполне возможна и оправдана. Техническое оснащение помещений, предназначенных для ведения допроса, возможно организовать на самом высоком современном уровне. Это использование кабинета, оснащенного оборудованием видео- и аудиофиксации, с возможностью наружного контроля за ведением допроса, что позволит привлечь для участия в следственном действии заинтересованных лиц без ведома подследственного.

Закон требует при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего присутствия педагога и психолога, поэтому использование специалистов воспитательной колонии данной направленности весьма целесообразно. В дальнейшем это

обстоятельство будет свидетельствовать о достоверности полученного доказательств.

При отсутствии контакта привлеченного педагога с подследственным возможно приглашение педагога или психолога, знакомого с несовершеннолетним, что будет способствовать психологическому контакту, доброжелательной атмосфере при допросе. В воспитательную колонию пригласить такого специалиста проще, чем в СИЗО.

По делам о преступлениях против половой неприкосновенности рекомендуется принять меры к тому, чтобы в допросе участвовал педагог того же пола, что и допрашиваемый. В противном случае стеснение, которое может испытать несовершеннолетний, может отрицательно отразиться на полноте даваемых им показаний [8].

Рассмотрим возможность проведения опознания лица, совершившего преступление (ст. 193 УПК РФ), на территории ПФРСИ. Для данного следственного действия необходим отдельный кабинет подходящей площади, желательно имеющий два входа, оснащенный техническими средствами видео-, аудио- и наружного контроля, чтобы опознающий до проведения следственного действия не встречался с опознаваемым. Одним из весомых преимуществ нахождения ПФРСИ на территории воспитательной колонии является возможность использовать имеющийся контингент в качестве статистов. Здесь широкий выбор лиц, подходящих к опознаваемому по внешности, росту, телосложению, что значительно облегчает труд следователя по подготовке рассматриваемого следственного действия и подбору статистов. Лицо предъявляется опознающему вместе с другими лицами (не менее трех), имеющими определенные сходства по внешности, росту, телосложению, одежде, обуви с опознаваемым. Данное требование направлено на то, чтобы свести до минимума возможность ошибки в опознании. Наличие у опознаваемого признаков, резко отличающих, выделяющих его, послужит опознающему подсказкой и не позволит получить правильный ответ.

Здесь стоит не упомянуть принцип достоверности при фиксации доказательств. Достоверность доказательства зависит от установления его относимости и допустимости, обеспечивающих возможность использования сведений в процессе доказывания, проведения его проверки [9].

Недопустимо, например, предъявлять для опознания лиц разных национальностей, черты лица которых бросаются в глаза. Важным требованием к проведению опознания является соблюдение правила нахождения опознаваемого в той же одежде, в которой мог видеть его потерпевший. Возможно проведение редко встречающегося, но очень эффективного опознания по голосу и речи, опять же среди контингента колонии легче отобрать статистов и материал для проведения данного вида опознания.

Признать доказательство достоверным может любое должностное лицо уголовного судопроизводства, однако от имени государства признать доказательство таковым может лишь суд. Обвинительный приговор не может быть основан на доказательствах,

достоверность которых вызывает сомнение. Рассматривая заявленную тему, нельзя не остановиться на деятельности прокуратуры по контролю за соблюдением законности в ПФРСИ. Практически все направления деятельности прокуратуры в пенитенциарных учреждениях осуществимы и в ПФРСИ. Сюда можно отнести: надзор за исполнением уголовно-исполнительного и иного (уголовно-процессуального) законодательства в учреждениях уголовно-исполнительной системы; надзор за исполнением требований закона о приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях в указанных учреждениях, своевременном возбуждении уголовных дел и принятия мер по каждому случаю нарушения законности; производство предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденными, сотрудниками этих учреждений; выезды на чрезвычайные происшествия в учреждения уголовно-исполнительной системы для проверки обстоятельств, выяснения и устранения причин и условий, вызвавших происшествия и привлечения виновных к ответственности; надзор за законностью издаваемых администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, приказов, распоряжений, постановлений.

Согласно приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 05.08.2003 № 27 прокурорам предписывается постоянно осуществлять надзор за законностью приказов, распоряжений и постановлений, издаваемых администрацией исправительных учреждений и следственных изоляторов, а также органами управления уголовно-исполнительной системы, и незамедлительно опротестовывать их в случае несоответствия закону. Прокурор может использовать данное ему право самостоятельно проверять соответствие закону правовых актов учреждений исполнения наказания по собственной инициативе в любое удобное для себя время.

Таким образом, посредством прокурорского надзора осуществляется контроль за неукоснительным исполнением законодательства со стороны адми-

нистрации исправительных учреждений. Для этого в арсенале прокуратуры имеется достаточно методов и рычагов по недопущению применения недозволенных законом средств в отношении несовершеннолетних, находящихся под стражей, и осужденных.

Выводы

Водворение в следственный изолятор – вынужденная мера, применяемая следственными органами в целях недопущения возможности подозреваемого скрыться от следствия, необходимости обеспечения безопасности подозреваемого путем изоляции до рассмотрения уголовного дела в суде, нейтрализации активного противодействия подозреваемого процессу расследования преступления, его личного негативного влияния на свидетелей, соучастников, потерпевших, возможности сокрытия вещественных доказательств, отказа или активного противодействия исполнению необходимых следственных действий. Однако при нахождении в следственном изоляторе на подозреваемого несовершеннолетнего оказывается сильное негативное давление, так как, попадая в криминальную среду и общаясь с лицами, имеющими определенный опыт противодействия закону, он вынужденно занимает позицию, идущую в разрез со следствием. В дальнейшем при проведении любого следственного действия ощущается активное сопротивление и противодействие подследственного, явно подсказанное опытными сокамерниками, что говорит о том, что в СИЗО функционирует сфера общения с криминально опытным контингентом. В силу объективных и субъективных причин исключить эти процессы не представляется возможным. Кардинальное решение данной проблемы видится в использовании ПФРСИ, расположенных на территории воспитательных колоний для несовершеннолетних, где имеются материальная база, административный аппарат аттестованных сотрудников УФСИН России, система охраны, техническое оснащение. Полученные доказательства в процессе проведения следственных действий при нахождении подозреваемого в условиях ПФРСИ будут отвечать требованиям объективности и достоверности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зеленский В. Д., Куемжиева С. А. Об основных положениях организации первоначального этапа расследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 85–90.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 02.12.2019).
3. Бабаян С. Л. Поощрительные институты в пенитенциарных системах стран СНГ и развитых зарубежных стран // Российский следователь. 2012. № 19. С. 44–50.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. В. И. Селиверстова, А. С. Михлина. М., 2012. 590 с.
5. Ромашов Р. А. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в системе современного права России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 6. С. 2–6.
6. Будников В. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 25–30.
7. Костенко Р. Доказательства в уголовном процессе // Уголовное право. 2003. № 3. С. 89–90.
8. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учеб. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2006. 748 с.
9. Карякин Е. К вопросу о взаимосвязи достоверности с иными свойствами доказательств // Уголовное право. 2004. № 3. С. 85–86.

REFERENCES

1. Zelenskii V.D., Kuemzhieva S.A. On the main provisions of the organization of the initial stage of the investigation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 6, pp. 85–90. (In Russ.).
2. Report on the results and main activities of the Federal Penitentiary Service. *Ofitsial'nyi sait FSIN RF* [Official website of the Federal Penitentiary Service]. Available at: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (In Russ.). (Accessed December 2, 2019).
3. Babayan S.L. Incentive institutions in the penitentiary systems of the CIS countries and developed foreign countries. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 19, pp. 44–50. (In Russ.).
4. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii* [The Penal Code of the Russian Federation: an article-by-article scientific and practical commentary]. Ed. by Seliverstov V.I. and Mikhlin A.S. Moscow, 2012. 590 p.
5. Romashov R.A. Concept for the development of the penal system of the Russian Federation up to 2020 in the system of modern law of Russia. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2012, no. 6, pp. 2–6. (In Russ.).
6. Budnikov V.V. The legal force of evidence in criminal proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice System*, 2003, no. 10, pp. 25–30. (In Russ.).
7. Kostenko R. Evidence in criminal proceedings. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2003, no. 3, pp.89–90. (In Russ.).
8. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. *Kriminalistika: ucheb.* [Criminalistics: textbook]. Ed. by Ishchenko E.P. Moscow, 2006. 748 p.
9. Karyakin E. On the issue of the relationship of reliability with other properties of evidence. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2004, no. 3, pp.85–86. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ САМОХВАЛОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Арзамас, Россия, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ – доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Караганда, Республика Казахстан, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, Рязань, Россия, aidarkan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>

МАКСИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СТЕПАНОВ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, stepanov52m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-4988>

IGOR' YU. SAMOKHVALOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of History, Social Studies and Law of the Faculty of History and Philology of the Arzamas Branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia, herrysam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7932-6238>

AIDARKAN B. SKAKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Worker of Education of the Republic of Kazakhstan, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the B. Beissenov Karaganda Academy under the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Karaganda, Republic of Kazakhstan, professor at the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, aidarkan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>

MAXIM V. STEPANOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, stepanov52m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-4988>

Статья поступила 29.01.2024

Научная статья

УДК 334.241.8

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.008

Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Реферат

Введение: в статье рассматривается постпенитенциарная ресоциализация как особое направление государственной политики по приспособлению к условиям жизни в обществе (социальной адаптации) осужденных, отбывших наказание либо освобожденных от его отбывания, защите их прав и интересов, разрешению социального конфликта, вызванного преступлением, профилактике совершения новых преступлений. *Цель:* на основе исследования правовой природы, социальной обусловленности постпенитенциарной пробаии выявить ее концептуальные основания (принципы), решить проблему соответствия им законодательной регламентации пробаии. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии методы – анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический, компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* выявляются доктринальные истоки концепции постпенитенциарной пробаии как альтернативы наказанию, уголовному преследованию и важного следующего за карательным воздействием этапа приспособления осужденного к жизни в обществе, обозначаемого в Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробаии в Российской Федерации» как ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация. Отмечается, что когда разработчик как самого федерального закона, так и дополняющих его подзаконных нормативных правовых актов не имеет в своем арсенале указанных или подобных им принципов, то это приводит к концептуальным ошибкам и недочетам. Например, в ст. 3 указанного выше федерального закона содержатся противоречащие друг другу принципы принуждения и добровольности. Усматривается проблема неопределенности статуса пробаии, поскольку, с одной стороны, ее применение относится к компетенции уголовно-исполнительной системы, а с другой – в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нет не только регламентации пробаии, но даже упоминания о ней. Утверждается, что необходимость учета зарубежного опыта применения пробаии должна сочетаться с пониманием отечественных особенностей общественных отношений, охватываемых сферой пробаии. *Выводы:* представляется, что пробаия как институт, который не является наказанием, предоставляет возможность работать с осужденным, в том числе после отбывания наказания, возвращая его в общество и приспособляя к жизни в нем. Разработаны четыре концептуальных принципа пробаии: отказ от стигматизации, добровольность пробаии, направленность на возвращение лица, совершившего преступление, к нормальной жизни в обществе (ресоциализацию), участие общества в ресоциализации осужденных. Выявлены недостатки и противоречия правового регулирования пробаии.

Ключевые слова: постпенитенциарная пробаия; ресоциализация; социальная адаптация; социальная реабилитация осужденных; концептуальные принципы пробаии; отказ от стигматизации; добровольность пробаии; направленность на возвращение лица, совершившего преступление, к нормальной жизни в обществе; участие общества в ресоциализации осужденных.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В. Постпенитенциарная пробаия: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. Т. 18, № 2 (66). 2024. С. 179–186. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.008.

Post-Penitentiary Probation: Conceptual Principles

IVAN V. DVORYANSKOV

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Science, Vologda, Russia

diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Abstract

Introduction: the article considers post-penitentiary resocialization as a state policy direction on adapting convicts who have served their sentence or have been released from serving it to the conditions of life in society (social adaptation), protecting rights and interests, resolving social conflict caused by crime, and preventing new crimes. *Purpose:* based on the study of the legal nature and social conditionality of post-penitentiary probation, to identify its conceptual foundations (principles), solve the problem of their compliance with the legislative regulation of probation. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. It uses traditional methods for the sciences of criminal law and criminology – analysis and synthesis; comparative legal; retrospective; formal legal; logical; and comparative. Private scientific methods are also used: legal-dogmatic and the method of interpreting legal norms. *Results:* the author describes doctrinal origins of the post-penitentiary probation concept as an alternative to punishment, criminal prosecution, and an important stage of adaptation of a convicted person to life in society, defined as resocialization, social adaptation and social rehabilitation in the Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023 “On Probation in the Russian Federation”. It is noted that when the developer of both the federal law and subordinate regulatory legal acts supplementing it do not have these or similar principles in their arsenal, this leads to conceptual shortcomings. As an example, we can draw attention to the fact that Article 3 of the above-mentioned federal law contains conflicting principles: coercion and voluntariness. The problem of uncertainty of the status of probation is noted, since, on the one hand, its application falls within the competence of the penal system, and on the other hand, there is not only regulation, but even mention of probation in criminal and penal legislation. The article argues that foreign experience in the application of probation should be combined with domestic characteristics of public relations covered by the field of probation. *Conclusion:* it seems that probation is an institution that, on the one hand, is not a punishment, and on the other hand, provides an opportunity to work with a convict, including after serving a sentence, returning him/her to society and adapting him/her to life in it. The author has developed four conceptual principles of probation: rejection of stigmatization, voluntary probation, focus on the return of a culprit to normal life in society (re-socialization), participation of the society in re-socialization of convicts. Shortcomings and contradictions of the legal regulation of probation are revealed.

Key words: post-penitentiary probation, re-socialization, social adaptation, social rehabilitation of convicts, conceptual principles of probation, rejection of stigmatization, voluntary probation, focus on the return of the person who has committed the crime to normal life in society, participation of the society in re-socialization of convicts.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dvoryankov I.V. Post-penitentiary probation: conceptual principles. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 179–186. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.008.

Введение

Преступность во все периоды человеческой истории воспринималась как абсолютное зло, негативное социальное явление, препятствующее развитию общества, наносящее ему существенный ущерб. Примерно до середины XIX в. носителем этого зла считался человек, совершивший преступление. Так, один из первых ученых-криминологов Ч. Беккариа видел в преступлении проявление злой человеческой природы, на которую и возлагал всю вину. Более поздние антропологические исследования в широком смыс-

ле слова фатальности, неизменности преступных свойств личности содержатся трудах Ч. Ломброзо, Г. Годдарда, М. Шлаппа, Э. Смита, Э. Хуттона, Э. Подольски, Й. Ланге, Ф. Штумпфля, З. Фрейда и др. В этих работах преобладает инструментальный (в ряде случаев и утилитарный) подход к уголовно-правовому воздействию вообще и наказанию в частности [1, с. 157].

С развитием социологического знания появились доктрины, объясняющие причины преступности внешними (объективными) причинами. Преступле-

ние, исходя из теории социального детерминизма (от Карла Маркса до Эдвина Сатерленда, Нильса Кристи, Владимира Кудрявцева, Якова Гилянского и др.), это вина не только лица, его совершившего, но и общества, которое допустило существование причин, детерминирующих его. Отсюда следует, что и так называемый преступник не носитель абсолютного зла, а продукт общества с его проблемами и недостатками.

Сегодня на основе полученных знаний о преступности нельзя безапелляционно говорить и о ее абсолютно злой природе. Очевидно, что преступность, кроме очевидно вредных свойств, обнаруживает и ряд позитивных эффектов. Во-первых, индикативный: преступность показывает те тренды в развитии общества, которые представляют для него опасность – как непосредственно, так и в перспективе. Таким образом, она может восприниматься не как социальное заболевание, а как его очевидный симптом, что, в свою очередь, позволяет корректировать государственную политику, в том числе на основе прогноза развития обнаруженных тенденций. Во-вторых, преступность заставляет оптимизировать защитные механизмы общества. Наконец, в-третьих, рассмотрение преступности с позиции теории социального детерминизма обуславливает иной взгляд на личность, совершившую преступление. В этой связи представления о фатальности и неизбежности последствий преступления, включая наказание, постепенно сменяются представлениями о восстановимости социальных связей как посткриминальной практике.

С середины прошлого века начался активный поиск форм ресоциализации бывших осужденных, создания необходимых условий для возмещения нанесенного ущерба и последующей реинтеграции в общество. Одной из таких форм, показавших свою эффективность во многих странах, выступает пробация.

Результаты

Наказание как наиболее строгое карательное средство в арсенале государства не обладает необходимым потенциалом для реализации рассматриваемых функций [2–6]. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ или закон о пробации) предусматривает альтернативные наказанию механизмы ресоциализации осужденных, в том числе постпенитенциарные.

Пробация, если так можно выразиться, есть самораскрывающееся явление, конструкт, стержень, которому только предстоит в нашей стране обрести слои социально значимых смыслов [7–9]. В понимании ее сути очень важно отталкиваться от концептуальных принципов. Но здесь есть одна проблема – неопределенность статуса пробации. С одной стороны, согласно ст. 7 закона о пробации, основным ее субъектом определена Федеральная служба исполнения наказаний, а непосредственно уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России. С другой стороны, ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве нет не только регламентации, но даже упоминания пробации. В этой связи непонятно,

является пробация все-таки институтом уголовного или уголовно-исполнительного права и на каком основании именно органы уголовно-исполнительной системы должны ее осуществлять.

Важное значение для теоретического понимания и практического применения процедур пробации должны иметь ее основополагающие принципы, перечисленные в законе о пробации:

- 1) приоритет прав и законных интересов человека и гражданина;
- 2) гуманизм;
- 3) соблюдение законности;
- 4) рациональность применения мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера и мер стимулирования правопослушного поведения;
- 5) учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей;
- 6) открытость (прозрачность);
- 7) преемственность, непрерывность, добровольность при применении пробации.

Следует указать на противоречие в приведенном перечне. Так, четвертый принцип предполагает применение мер принуждения (правда, из текста не ясно, о каких мерах идет речь); а седьмой пункт закрепляет полностью противоположный принцип добровольности. Это также свидетельствует о неопределенности статуса пробации, о чем говорилось выше.

Данные принципы, имея безусловный основополагающий характер, не отвечают на вопрос о природе пробации, ее сущности и отличии от других мер. В этой связи необходимо сформулировать принципы пробации, отражающие ее концептуальную базу, то есть те идеи, которые лежат в основе этого института и позволяют глубоко проанализировать его сущность, роль и перспективы.

Первый принцип – отказ от стигматизации.

Эволюция теории социальной опасности личности в XX в. породила в числе прочего и теорию карательной прогрессии [10]. В этой концепции, очевидно, важно не достижение цели, а только ее декларация, что бы это ни значило. Важен сам процесс и эскалация кары. Опыт в расчет не берется. Иначе как верой – особой формой религии – это объяснить невозможно.

Еще одна особенность концепции карательной прогрессии – отношение к осужденному как к объекту. Исполнение наказания, исправление, постпенитенциарный надзор, судимость исключают субъектность осужденного, его личность обесценивается, видимо, в силу постулирования ее опасности, декларируемой срочной (судимость), а фактически пожизненной стигматизацией (клеймом преступника).

Содержание работы по противодействию преступности зависит от решения фундаментального вопроса, когда человек считается преступником: в момент совершения преступления, после его совершения или даже до его совершения. Каждый ответ обуславливает выбор особых, отличных от других средств.

После совершения преступления человек в подавляющем числе случаев не безнадежен и подлежит

ресоциализации, и помощь ему – закономерный процесс, вытекающий из разделения с ним ответственности за то, что случилось.

Пробацию в первую очередь нужно рассматривать как идею, конструкт, ядро. Есть две альтернативы: отгораживаться от осужденных, в том числе и бывших, как от прокаженных или работать с ними, воспринимая их как потенциально нормальных членов общества. Пробация основана на второй и предполагает, что ресоциализация: а) необходима; б) реальна. А вот уже ее средства, методы, образующие механизм реализации, – это второй вопрос, который зависит от того, чего мы хотим, как скоро и какой ценой (что приемлемо, а что нет). Главное, чтобы этот механизм не дискредитировал, не делал практически недостижимой саму идею. Заметим, что в этом уже состоит большая проблема, суть которой заключается в ясности и степени понимания самой идеи.

Второй принцип – добровольность пробации. Он решает сразу две взаимосвязанные задачи: во-первых, включает принудительный характер пробации, принципиально отграничивая ее от наказания и иных уголовно-правовых мер, сопряженных с реализацией уголовной ответственности; во-вторых, закладывает важный и действенный механизм исполнимости пробационных процедур, поскольку их применение инициирует сам осужденный (лицо, отбывшее наказание), что, по сути, делает бессмысленным возможное его несогласие с их проведением.

Третий принцип – направленность на возвращение лица, совершившего преступление, к нормальной жизни в обществе (ресоциализацию).

Как мы писали ранее, в отечественной истории неоднократно предпринимались попытки реализации некарательных форм ресоциализации. Так, применение в советский период (с 1960-х гг.) условного осуждения и условно-досрочного освобождения с обязательным привлечением к труду, безусловно, решало такую задачу, что даже дало основание говорить о двойственности курсов уголовной политики СССР, ввиду того что параллельно с этими мерами существовали цели наказания, имеющие совсем иной (принудительно-карательный) механизм достижения [10].

На сегодняшний день эта двойственность курсов сохраняется, поскольку при неизменности (если не считать незначительной редакционной правки) целей наказания параллельно идут активный поиск и внедрение новых форм снижения уровня преступности, ориентированных в большей степени на причины преступности, а не их следствия (к примеру, условное осуждение, замена наказания более мягким видом, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, институт пробации) [11, с. 117–118].

Наряду с этим принимаются нормативные правовые акты прямо противоположной концептуальной направленности. Федеральный закон от 11.06.2022 № 155-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации» устанавливает, что трудовой договор с работником, не представившим работодателю справку в соответствии с частью 1 статьи

2, подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации». Так, введены ограничения на занятие трудовой деятельностью, непосредственно связанной с управлением легковыми такси, автобусами, трамваями, троллейбусами и подвижным составом внеуличного транспорта при осуществлении перевозок пассажиров и багажа, для лиц, имеющих судимость за целый ряд преступлений, среди которых довольно распространенные – грабеж, разбой [12].

Двойственность государственной политики в области профилактики повторной преступности выражается и в узаконенной стигматизации лиц, совершивших преступления, в трудовом законодательстве, что прямо противоречит уголовному законодательству. Например, по ст. 331 ТК РФ к педагогической деятельности не допускаются лица, имеющие или имевшие судимость и даже подвергавшиеся когда бы то ни было уголовному преследованию за целый ряд преступлений против личности (фактически же – за все преступления, поскольку кадровые службы вузов требуют в обязательном порядке недифференцированную справку об отсутствии судимости, в том числе без указания о погашении или снятии таковой).

В отношении государственной службы запреты на прием лиц с судимостью (даже снятой или погашенной) и вовсе имеют исключительный характер. Более того, на предмет ее наличия проверяются и родственники претендента, что является косвенной отсылкой к ст. 7 УК РСФСР 1926 г.: «В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера».

Четвертый принцип – участие общества в ресоциализации осужденных.

Само по себе латинское слово «ресоциализация» означает возвращение в общество, восстановление утраченных навыков социальной жизни, привитие ценностей, норм, обычаев, присущих данному обществу и утраченных осужденным в силу дефектов первичной социализации или потерянных под влиянием криминогенных факторов. Основным смыслом ресоциализации является приспособление лица к жизни в обществе и разрешение конфликта с этим обществом, устранение морального противостояния и взаимной враждебности. Именно в этом должен быть заинтересован социум, который не хочет разрастания конфликтов внутри себя, увеличения и ужесточения преступности, в первую очередь рецидивной. Поэтому важной задачей для него выступает непосредственное участие в ресоциализации осужденных, то есть лиц, преступивших закон и планирующих или хотя бы допускающих нарушение его в дальнейшем.

Разумеется, все сказанное было бы набором красивых, но бессмысленных слов без соответствующего механизма, обеспечивающего ресоциализацию (в том числе посредством участия представителей общества). Такой механизм предусмотрен федераль-

ным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ и центральное место в нем отводится центрам пробации. В ст. 27 указанного закона содержится диспозитивная норма о возможности создания этих центров в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания, некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями. О диспозитивности предписания говорит конструкция «могут создаваться». Таким образом, они не являются с точки зрения законодателя обязательными.

Следует отметить, что пока практики создания и функционирования центров пробации нет. По информации ФСИН России, в 2025 г. первые центры пробации появятся в Хабаровском крае, Владимирской, Сахалинской областях и Ханты-Мансийском автономном округе, об этом заключены соответствующие соглашения [13].

Однако на данный момент нерешенными остается ряд проблем, например, связанных со статусом центров пробации и содержанием их деятельности.

Суть первой проблемы состоит в следующем. С одной стороны, центры пробации нормативно закреплены в федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ. Также косвенная отсылка к ним содержится в приказе Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации"». В п. 62 данного приказа указано: «В целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе по предоставлению временного места пребывания, они могут направляться УИИ в центры пробации».

С другой стороны, центры пробации не обладают четко определенной субъектностью, в частности не отнесены федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ к субъектам пробации (ч. 1 ст. 6) и даже не упомянуты в числе тех, кто может привлекаться субъектами пробации в целях осуществления мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, в том числе и на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации (ч. 3 ст. 6).

Из этого можно сделать вывод, что центры пробации не являются ее самостоятельным субъектом, а выступают лишь одним из инструментов ее реализации. Вместе с тем, обратившись к ст. 27 закона о пробации, можно столкнуться с весьма противоречивым определением статуса центров пробации. Вначале говорится, что в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания, некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями могут создаваться центры пробации (ч. 1). Из этого можно сделать вы-

вод, что инициатива в создании таких центров принадлежит указанным организациям и объединениям. Но уже во второй части анализируемой статьи содержится положение о том, что правила организации деятельности центров пробации утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Буквально это означает, что Минюст России или ФСИН России издадут нормативные акты (правила), регламентирующие деятельность общественных организаций и объединений, не находящихся в их подчинении. В итоге остается неясным, кому все-таки будут подчиняться центры пробации, как они будут финансироваться, будут ли органы и учреждения уголовно-исполнительной системы выполнять какие-либо функции в отношении них (например, контролирующие, организационные и пр.). Если да, то в чем, собственно, интерес в создании таких центров у некоммерческих, религиозных организаций, общественных объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций?

Думается, что проблема может быть решена следующим образом. Заинтересованные организации и объединения на основе соглашения с субъектом пробации могут создавать центры пробации для указанных в ст. 27 федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ целей, разумеется, в соответствии со своим уставом. Со своей стороны субъект пробации должен по согласованию (а возможно и совместно с учредителем) разработать правила работы центра пробации, участвовать в его работе, оказывать материальную и иную помощь. Это не обязательно должна быть Федеральная служба исполнения наказаний. Напомним, что кроме ФСИН России к субъектам пробации относятся также иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, государственные учреждения службы занятости населения, организации социального обслуживания. Органы местного самоуправления вправе участвовать в процедурах пробации во взаимодействии с субъектами пробации. Субъект пробации может заключить соглашение с уже действующим центром, занимающимся помощью осужденным.

Очевидно, что нельзя проводить параллель между центрами пробации и участками, функционирующими как исправительные центры. Закон не предусматривает возможности создания центров пробации на предприятиях и в коммерческих организациях по инициативе субъекта пробации. Еще раз подчеркнем, что, согласно ч. 1 ст. 27 федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ, инициатива по созданию центров пробации должна принадлежать именно некоммерческим, в том числе религиозным, организациям и общественным объединениям, социально ориентированным некоммерческим организациям. Субъекты пробации могут лишь привлечь их к осуществлению пробации. Их взаимоотношения должны строиться только на добровольной основе согласно гражданскому законодательству.

Теперь перейдем к проблеме содержания деятельности центров пробации. В упомянутом законе содержатся лишь самые общие положения на этот счет. Это, во-первых, оказание помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, а во-вторых (в том числе), предоставление временного места пребывания. В этой связи сама по себе идея центров пробации представляется довольно емкой, и при грамотном развитии она может придать серьезный импульс осуществлению пробации, причем не формально, а именно по существу. Уже сегодня в ряде регионов страны существуют различные формы организации помощи бывшим осужденным, как правило, включающие комплекс аспектов: проживание, трудоустройство, социально-бытовое обеспечение, культурное развитие и пр.

Так, Фонд помощи заключенным на протяжении уже 20 лет последовательно разрабатывает и внедряет программы по обеспечению поддержки людей, нуждающихся в социально-правовой постпенитенциарной адаптации, защите и психологической помощи, что способствует созданию условий для эффективного сокращения количества рецидивных преступлений среди лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Также фондом в 2023 г. было открыто четыре реабилитационных центра «Аврора» при исправительных учреждениях, чья работа направлена на восстановление социальных, бытовых, трудовых и иных навыков, востребованных по возвращении из мест лишения свободы.

В Алтайском крае в 2022 г. был реализован проект «Вместе мы справимся!» по ресоциализации женщин, освобождающихся из исправительных учреждений региона, который показал свою результативность. Программы восстановительной медиации и семейные конференции стали частью подготовки женщин к освобождению и социального сопровождения их после освобождения.

АНО «Центр социальной помощи “Шаг вперед”» и председатель ОНК ХМАО-Югры с 2009 г. осуществляют деятельность, направленную на помощь социально уязвимым категориям людей. В 2018 г. указанная организация вошла в реестр поставщиков социальных услуг. Ее проекты направлены на ресоциализацию освободившихся осужденных и бездомных людей, которых никто не ждет на свободе, которым некуда идти после освобождения [14].

Подобные проекты успешно реализуются во многих других субъектах Российской Федерации.

Таким образом, фактически работа по созданию и деятельности центров помощи бывшим осужденным ведется давно, наработан весьма большой и разнообразный опыт функционирования соответствующих учреждений. Поэтому полагаем, что в данном вопросе не нужно изобретать велосипед, а следует последовательно придавать существующим учреждениям статус центров пробации, подписывая соответствующие соглашения и включая их учредителей в Единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, предусмотренный ст. 34 федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ.

Вместе с тем проведение единой государственной политики в сфере пробации требует унифицированной регламентации создания и функционирования центров пробации. Для этого, на наш взгляд, необходимы разработка и издание соответствующего приказа Минюста России, содержащего общие вопросы организации, функционирования и взаимодействия центров пробации, а также типовые формы соглашений с учредителями, уставов, правил функционирования, организации, реорганизации и пр.

Выводы

В качестве вывода следует отметить, что пробация и наказание являются разными по своей юридической природе, целям и задачам институтами. В отличие от наказания пробация представляет собой некарательную форму нейтрализации причин и последствий совершения преступления, дающую возможность лицам, совершившим преступления, не представляющие высокой общественной опасности, доказать желание вести законопослушную жизнь и способность к этому без стигматизации (получения фактически пожизненного статуса судимого лица с существенными ограничениями в социальной жизни, трудоустройстве и прочих сферах) и неизбежной личностной деформации, вызываемой наказанием.

Целью государственной политики противодействия преступности не может и не должна выступать безусловная месть за содеянное. Цель эта состоит в предупреждении преступности, предполагающее устранение ее причин и условий, а также возвращении лица, совершившего преступление, к нормальной, законопослушной жизни в обществе. Поэтому, когда можно обойтись без применения наказания, государство использует более гуманные формы реагирования как в рамках уголовной ответственности (условное осуждение, освобождение от наказания), так и вне ее (освобождение от уголовной ответственности, принудительные меры медицинского характера, а также воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних и т. п.).

Следовательно, необходимо внедрять собственную систему пробации, отражающую потребности нашего общества в функционировании данного института. Одной из форм пробации выступает пробация постпенитенциарная. Она может применяться согласно закону в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, лиц, отбывших любое наказание или освобожденных от его отбывания по не реабилитирующим основаниям, предусмотренным уголовным законодательством.

Думается, что только четкое следование проанализированным концептуальным принципам пробации позволит обеспечить ее эффективность, которая подразумевает успешное возвращение в общество большинства людей, совершивших преступление, снижение уровня социальных конфликтов и рецидива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворянсков И. В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 153–162.
2. Дворянсков И. В. Институт наказания в перспективе развития уголовной политики России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 9 (220). С. 10–16.
3. Дворянсков И. В. Доктринальные основы целеполагания в институте наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 7 (230). С. 15–21.
4. Дворянсков И. В. К вопросу о новой концептуальной модели наказания (телеологический аспект) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8 (243). С. 10–16.
5. Лаверычева С. А., Даланов Д. С. К вопросу о пробации в России // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 171–172.
6. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 204–212.
7. Дворянсков И. В. Создание системы пробации как новый тренд уголовно-исполнительной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. СПб., 2022. С. 476–485.
8. Дворянсков И. В. Перспективы внедрения системы пробации в России // К 80-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В. М. : сб. материалов круглого стола. М., 2023. С. 242–250.
9. Дворянсков И. В. Пробация: истоки, концепция, апробация // Преступление, наказание, исправление : материалы VI междунар. пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Рязань, 2023. Т. 2. С. 44–50.
10. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
11. Дворянсков И. В. Правовые основы исполнения наказаний, иных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, не связанных с изоляцией от общества : моногр. М., 2023. 136 с.
12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 11.01.2024).
13. ФСИН рассказала о центрах пробации для бывших заключенных. URL: <https://ria.ru/20240130/probatsiya-1924405901.html?ysclid=1s1inj4whz94220063> (дата обращения: 31.01.2024).
14. Спикеры VII Всероссийской конференции. URL: <http://helppris.ru/blog/spikery-vii-vserossiyskoy-konferencii> (дата обращения: 31.01.2024).

REFERENCES

1. Dvoryanskov I.V. Administrative prejudice in criminal law. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 153–162. (In Russ.).
2. Dvoryanskov I.V. The institution of punishment in the perspective of Russia's criminal policy development. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penitentiary System*, 2020, no. 9 (220), pp. 10–16. (In Russ.).
3. Dvoryanskov I.V. Doctrinal foundations of goal-setting in the institute of punishment. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penitentiary System*, 2021, no. 7 (230), pp. 15–21. (In Russ.).
4. Dvoryanskov I.V. On the issue of a new conceptual model of punishment (teleological aspect). *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penitentiary System*, 2022, no. 8 (243), pp. 10–16. (In Russ.).
5. Laverycheva S.A., Dalanov D.S. On the issue of probation in Russia. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2023, no. 5 (221), pp. 171–172. (In Russ.).
6. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. (In Russ.).
7. Dvoryanskov I.V. Creation of a probation system as a new trend in penal enforcement policy. In: Rakhmanova E.N. (Ed.). *Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: sb. materialov IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal policy and law enforcement practice: proceedings of the IX International scientific and practical conference]. Saint Petersburg, 2022. Pp. 476–485. (In Russ.).
8. Dvoryanskov I.V. Prospects for the introduction of the probation system in Russia. In: *K 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora pedagogicheskikh nauk, professora Litvishkova V.M.: sb. materialov kruglogostola* [To the 80th anniversary of the birth of Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor Litvishkov V.M.: collection of materials of the round table]. Moscow, 2023. Pp. 242–250. (In Russ.).
9. Dvoryanskov I.V. Probation: origins, concept, approbation. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: materialy VI mezhdunar. penitentsiarnogo foruma, priurochenogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. No. 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii"*. T. 2 [Crime, punishment, correction: materials of the VI International Penitentiary Forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I "On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation". Volume 2]. Ryazan, 2023. Pp. 44–50. (In Russ.).
10. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
11. Dvoryanskov I.V. *Pravovye osnovy ispolneniya nakazaniy, inykh ugovolno-pravovykh i ugovolno-protsessual'nykh mer, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva: monogr.* [The legal basis for the execution of punishments, other criminal law and criminal procedure measures not related to isolation from society: monograph]. Moscow, 2023. 136 p.

12. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar' – dekabr' 2022 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2022]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677> (accessed January 11, 2024).

13. *FSIN rasskazala o tsentrah probatsii dlya byvshikh zaklyuchennykh* [The Federal Penitentiary Service told about probation centers for former prisoners]. Available at: <https://ria.ru/20240130/probatsiya-1924405901.html?ysclid=ls1inj4whz94220063> (accessed January 31, 2024).

14. *Spikery VII Vserossiiskoi konferentsii* [Speakers of the VII All-Russian Conference]. Available at: <http://helppris.ru/blog/spikery-vii-vserossiiskoy-konferentsii> (accessed January 31, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Criminal Penalties without Deprivation of Liberty of the Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for Professional Activities of Employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Статья поступила 19.01.2024

Научная статья

УДК 342.92

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.009

Назначение административного ареста как исключительная прерогатива суда

СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПАЛОВВерховный суд Республики Карелия, Петрозаводск, Россия, schepalov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>

Реферат

Введение: в связи с научной дискуссией о целесообразности судебного порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях в статье описывается предыстория его появления в отечественном праве. Она в значительной мере связана с назначением такого вида наказания, как административный арест. В декрете, ознаменовавшем появление в РСФСР административной ответственности, по настоянию В. И. Ленина назначение ареста за нарушение санитарных норм было поручено не суду, а жилищно-санитарной инспекции. Впоследствии полномочия подвергать граждан аресту появились у продкомиссаров и местных исполкомов. Однако административные органы, используя арест как дополнительный ресурс для выполнения своих основных управленческих функций, чрезмерно проявляли репрессивную инициативу и нередко с превышением полномочий. В результате советская власть с 1922 по 1925 г. сворачивает реформу. Лишение свободы становится уголовным наказанием, находящимся в компетенции суда. В 1956 г. институт административного ареста возрождается, но в рамках судебной прерогативы и одновременно с появлением самостоятельного судебного порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях. *Цель:* обосновать необходимость сохранения судебного порядка назначения административных наказаний как формы предварительного судебного контроля. *Методы:* формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. *Результаты:* юрисдикционная функция административных органов является второстепенной и, как правило, рассматривается ими как средство для выполнения основной и более трудоемкой управленческой функции, что подтверждает история советского права. В случае предоставления органам управления полномочий по самостоятельному назначению наиболее строгих наказаний они могут использоваться в тех же целях с большим риском нарушения личной свободы гражданина. *Выводы:* необходимо сохранить судебную подведомственность дел, влекущих административный арест. В свою очередь последующий судебный контроль будет не в состоянии полноценно восстановить нарушенные личные права.

Ключевые слова: судопроизводство; административная юстиция; административная ответственность; народные суды; советское административное право; административный арест.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Щепалов С. В. Назначение административного ареста как исключительная прерогатива суда // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 187–195. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.009.

Original article

Administrative Arrest Appointment as an Exclusive Prerogative of the Court

STANISLAV V. SHCHEPALOV Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russia, schepalov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>

© Щепалов С. В., 2024

Abstract

Introduction: In connection with the scientific discussion on the expediency of the judicial procedure for the consideration of cases of administrative offenses, the article describes the background of its appearance in domestic law. It is largely related to the imposition of such a type of punishment as administrative arrest. The decree that marked the emergence of administrative liability in the RSFSR, at the insistence of V.I. Lenin, the appointment of arrest for violation of sanitary standards was entrusted not to the court, but to the housing and sanitary inspection. Further food commissioners and local executive committees became entitled to arrest citizens. However, the administrative authorities, using arrest as an additional resource to perform their basic managerial functions, often exceeded their powers. As a result, the Soviet government rolled back such a reform in 1922–1925. Deprivation of liberty became a criminal punishment within the court jurisdiction. In 1956, the institution of administrative arrest was revived, but within the framework of the judicial prerogative and simultaneously with the emergence of an independent judicial procedure for the consideration of cases of administrative offenses. *Purpose:* to substantiate the need to preserve the judicial procedure for the appointment of administrative penalties as a form of preliminary judicial control. *Methods:* formal-legal, historical-legal, comparative-legal. *Results:* the jurisdictional function of administrative bodies is secondary and, as a rule, is considered by them as a means to perform the main and more time-consuming managerial function, which is confirmed by the history of Soviet law. If the governing bodies are given the authority to independently impose the most severe punishments, they may violate personal freedom of a citizen. *Conclusion:* it is necessary to preserve judicial jurisdiction of cases involving administrative arrest. Otherwise, subsequent judicial control will not be able to fully restore violated personal rights.

Keywords: judicial proceedings, administrative justice, administrative liability, people's court, Soviet administrative law, administrative arrest.

5.1.2 Public law (state law sciences).

For citation: Shchepalov S.V. Administrative arrest appointment as an exclusive prerogative of the court. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 187–195. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.009.

Введение

Повышение роли судейского корпуса в рассмотрении дел об административных правонарушениях отмечается как важная тенденция [1]. Однако и сегодня продолжается дискуссия о том, есть ли необходимость в судебном порядке рассмотрения таких дел. Не исключено, что роль правосудия здесь должна ограничиваться лишь рассмотрением жалоб, а административная ответственность по своей природе является внесудебной.

Б. В. Россинский обоснованно обратил внимание на то, что судебное рассмотрение усложняет, затягивает производство, очень дорого для государства, и признал более приемлемой несудебную модель производства по делам об административных правонарушениях [2]. А. И. Каплунов высказался, выступая за несудебную модель производства по делам об административных правонарушениях, и отметил, что природа административной ответственности заключается в наложении ее контрольно-надзорными органами, а судебный порядок представляет собой ее «мутацию». При этом авторитетный ученый выразил позицию о целесообразности минимизации компетенции судей по рассмотрению административно-деликтных дел [3]. Обоснованность несудебной модели производства по делам об административных правонарушениях признает и Е. В. Трунова [4].

Другие ученые высказываются о необходимости судебного порядка, публично выступая на всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса», посвященной памяти Н. Г. Салищевой, состоявшейся 03.11.2023 в Российском государственном университете правосудия, рассмотрения

административно-деликтных дел. Важность обращения таким путем к судебному контролю за деятельностью публичной администрации объясняется тем, что по причине усложнения экономики и природопользования административные санкции ощутимо ужесточились [5]. Л. Л. Попов и Ю. И. Мигачев отмечают, что судьи рассматривают самые серьезные и сложные дела, влекущие применение строгих административных наказаний [6]. Аналогично высказывается С. Н. Братановский, подчеркивая, что рассмотрение таких дел судьей является надежной гарантией прав привлекаемых лиц и потерпевших [7].

Неоднозначность понимания пределов судебного вмешательства в административное преследование во многом обусловила и сложность в кодификации процессуального законодательства об административных правонарушениях. Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях был разработан в 2020 г. [8], но еще находится на стадии подготовки [9].

Юристы, признающие важность назначения именно судьей административного наказания, в первую очередь упоминают при этом административный арест. Действительно, лишь в редких случаях автолюбители, задержанные по «арестным» статьям гл. 12 КоАП РФ, настойчиво просят отправить их в камеру административно задержанных, но не лишать водительского удостоверения. В остальном арест заслуженно пользуется статусом самого строгого вида административного наказания, который обладает ощутимым профилактическим значением.

С учетом оживленности дискуссии хотелось бы предложить небольшой экскурс о том, как назначение административного ареста оказалось в отечествен-

ном праве судебной прерогативой. На наш взгляд, он дает весомые основания полагать, что судебный порядок производства по делам об административных правонарушениях нужно сохранить. Также предлагает почву для размышлений о том, каким критерием стоит руководствоваться при разграничении подведомственности таких дел.

Основная часть

Институт ареста сопровождает всю эволюцию отечественного административно-деликтного законодательства. Административный арест выделился из уголовного и пенитенциарного права, включающих институт лишения свободы, и первоначально назывался именно так. В первом же нормативном акте Советской России, Декрете СНК о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения от 25.05.1920, ознаменовавшем появление административной ответственности, было введено лишение свободы до одного месяца за антисанитарное содержание жилья. Оно назначалось жилищно-санитарной инспекцией. В проекте данного декрета изначально предусматривалось назначение такого строгого наказания народным судом. Однако этот порядок стал внесудебным по настоянию В. И. Ленина, который, заявив о «слабости» народных судов [10], указал на необходимость карать без суда арестом до одного месяца и принудительными работами до двух месяцев за нечистоту и пр. [11].

Следующим нормативным актом об административной ответственности вновь был предусмотрен такой же вид наказания, уже официально получивший название ареста. Декретом СНК о натуральном налоге на шерсть от 10.05.1921 было установлено, что «граждане, не выполнившие налог, несут личную и имущественную ответственность в порядке административном и судебном». Декретом СНК от 25.05.1921 «О порядке применения административных мероприятий в целях исправного поступления продовольственных и сырьевых налогов» было постановлено «предоставить право губпродкомиссарам подвергать аресту отдельных неисправных плательщиков на срок не свыше двух недель, а упродкомиссарам – на срок не свыше одной недели, а также право наложения налоговой пени».

Порядок привлечения к административной ответственности в 1920–1937 гг. был исключительно внесудебным, а сама сфера административного преследования неуклонно расширялась. Декретом ВЦИК и СНК о порядке наложения административных взысканий от 23.06.1921 было предоставлено полномочие налагать административные взыскания в уездных городах также президиумам уездных исполнительных комитетов, в губерниях – коллегиям губернских отделов управления. Среди видов взысканий в первой редакции документа были закреплены лишение свободы до двух недель, принудительные работы до месяца и штраф до 50 тыс. руб. Этот декрет повлек повсеместное создание местной административной юрисдикции.

Правоприменительная практика показала, что арест, как правило, более эффективен, чем штраф. Однако это имело и оборотную сторону. Административные органы излишне увлеклись назначением та-

кого вида наказания. Стремление назначать аресты реализовывалось даже ценой намеренного превышения полномочий. При этом несоразмерно увеличилось число административно арестованных, повышалась и нагрузка на пенитенциарную систему. Причина была вполне объяснима. Основная функция органов государственного контроля заключалась в решении вопросов государственного управления, частью которого и являлся госконтроль [12, с. 93]. В связи с этим имеющийся арсенал мер административного принуждения открыто или подспудно ставился на службу управленческим целям. Через их призму истолковывался закон, преломлялись принципы справедливости, соразмерности и т. д. Поэтому через два года Советская власть начинает ограничивать применение внесудебного ареста, несмотря на возражения отдельных правоохранительных структур.

Новое Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке от 27.07.1922, установившее пределы нормотворчества местных органов в части введения административно наказуемых составов, ареста уже не предусматривало. А с принятием первого УК РСФСР 1922 г. было обозначено и направление уголовно-правовой политики, согласно которой лишение свободы является уголовным наказанием и судебной прерогативой (ст. 9, 32, 34). Первая советская конституция еще не содержала судебной гарантии защиты личной свободы, и исторически этот принцип был не конституционным, а уголовно-правовым. В связи с отсутствием судебного порядка привлечения к административной ответственности институт административного ареста должен был прекратит существование.

В 1923 г. НКВД внес в СНК и Президиум ВЦИК ходатайство о предоставлении вновь губисполкомам права налагать административный арест. Оно мотивировалось непригодностью принудительных работ без лишения свободы, так как безработица «ставила присужденных в привилегированное положение». Также утверждалось, что штраф при отсутствии права замены его арестом неэффективен [13]. Однако предложение вызвало возражения. Наркомюст указал, что институт принудительных работ может быть организован при местах лишения свободы, а также «по общему принципу, принятому сессией ВЦИК при рассмотрении УК РФ, административный арест не допускается» [14].

В 1925 г. в соответствии с Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 06.04.1925 «О порядке издания волостными и районными исполнительными комитетами обязательных постановлений и о наложении ими административных взысканий» низовые местные органы (волостные и районные исполкомы) также приобрели полномочие издавать обязательные постановления и налагать за их нарушение административные взыскания. Среди последних арест не значился. В порядке исключения он продолжил существовать некоторое время в рамках административной ответственности за налоговые правонарушения. Его применение строго контролировалось Совнаркомом. По этим во-

просам последовательно издавались разъяснения профильными народными комиссариатами. В 1923 г. был принят Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 20.05.1923 о едином сельхозналоге, который предусматривал привлечение неплательщиков к ответственности «в административном и судебном порядке». В его развитие была издана инструкция. Она установила, что меры воздействия при налоговых правонарушениях должны быть обусловлены «последовательностью применения к отдельным налогоплательщикам до возбуждения дела в судебных органах административных репрессий (ареста, пени)». Непосредственно же административной мерой наказания в соответствии с Инструкцией о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета об едином сельскохозяйственном налоге и о порядке возбуждения направления и рассмотрения дел об этих нарушениях, изданной ВЦИК и СНК РСФСР от 11.07.1923, оказался арест до двух недель. В том же году тремя наркоматами был издан совместный разъясняющий циркуляр Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата финансов и Народного комиссариата продовольствия от 12.09.1923 № 184 «О порядке применения административных взысканий в текущую кампанию по взиманию единого сельскохозяйственного налога».

Однако практика назначения несудебного ареста сопровождалась как ошибками, так и злоупотреблениями. Он продолжил применяться с заведомым превышением полномочий и не только по налоговым правонарушениям. Местные органы, уже лишённые права предусматривать арест за нарушение установленных ими норм, игнорировали это ограничение. Отмечалось, что «несмотря на декреты о порядке административных взысканий, о порядке издания обязательных постановлений, мы нередко встречаем объявления – “приказы” органов местной власти, по преимуществу, заведующих губмилицией – приказов, относящихся до всех граждан... с угрозой штрафа и даже ареста административной властью, приказы, не основанные на законодательных нормах» [16, с. 10]. В связи с этим признавалось, что «места вынуждены и по настоящее время применять арест при нарушении обязательных постановлений» [17, с. 226].

В юридической периодике стали высказываться мнения о преимуществах судебного порядка. А. Агеев описывает практику наложения волисполкомами незаконных арестов, которая объяснялась ими необходимостью укрепления авторитета и проведения мероприятий по гужналогу и продналогу. В результате арестованные, не имевшие средств, содержались сотнями в сырых кладовых и холодных амбарах. Автор делает акцент на большей эффективности налагаемых судом строгих уголовных наказаний в отношении некоторых наиболее одиозных и состоятельных нарушителей, чем многочисленных и бесполезных административных арестах бедноты. При этом призывает «убедить на местах губисполкомы и уисполкомы, чтобы они с доверием относились к деятельности суда, чтобы они сами свое право передавали судам, как органам, стоящим ближе к населению и лучше им понимаемым» [18, с. 9].

В середине 1920-х гг. политическая линия на закрепление судебного порядка лишения свободы была развита. Согласно УК РСФСР 1926 г., включавшему много статей и с административной санкцией, назначение лишения свободы находилось в полномочиях суда. Нормативные акты, предусматривающие несудебный арест за неуплату налогов, утратили силу после введения в действие в 1925 г. Положения о взимании налогов [19]. Оно уже не допускало административного ареста. Неуплата налогов влекла по общему правилу начисление пени, штрафа и обращение в административном порядке взыскания на имущество должника (разд. II).

Судебного полномочия по назначению ареста за административные правонарушения еще не существовало, так как не было самого судебного порядка рассмотрения таких дел. Однако необходимая правовая почва стала формироваться с 1936 г.

Статья 127 Конституции СССР 1936 г. предоставила гражданам гарантию судебной защиты их прав: никто не мог быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. Конституция РСФСР 1937 г. в ст. 131 воспроизвела это положение союзной Конституции. В то же время УК РСФСР не предусматривал ареста в перечне уголовных наказаний. Статьи 160–161 УПК РСФСР 1923 г. в редакции 1936 г. устанавливали меру пресечения в виде заключения под стражу, а не ареста. Очевидно, этот термин рассматривался как более общая юридическая категория, не относящаяся исключительно к уголовному праву и процессу. Тем самым возникли общая правовая основа и возможность формирования судебного порядка назначения ареста в качестве не уголовной, а иной публично-правовой санкции.

Параллельно с 1937 г. появляются первые формы судебного вмешательства в административное преследование. Это дела о выдаче исполнительных листов на принудительное взыскание административных штрафов, о лесонарушениях и о взыскании недоимок по натуральным поставкам со взысканием соответствующих штрафов. Причиной передачи таких дел судам послужило недоверие Совнаркома местным органам управления как зависимым от региональных властей, а также излишне использующим свою юрисдикционную функцию в управленческих интересах. Все три категории дел были связаны лишь с назначением административных штрафов. Они появились в судебной компетенции в рамках гражданского процесса и не ознаменовали появления судопроизводства по делам об административных правонарушениях как нового процессуального порядка. Он появился почти через 20 лет и в отношении той наболевшей категории дел, где без административного ареста обойтись было нельзя.

В 1920-х гг. после гражданской войны в общественных местах фиксировали разгул хулиганства [20]. С первых лет становления советской власти за хулиганство была введена уголовная ответственность в виде лишения свободы. Между тем уголовно-правовая борьба с ним осложнялась, во-первых, неясностью диспозиции ст. 176 УК РСФСР 1922 г.: «статья уклонялась от указания признаков хулиган-

ственности деяния или его озорного характера, представляя и здесь решение вопроса усмотрению судьи» [21]. Во-вторых, статья конкурировала с административно наказуемыми составами. Отдельные хулиганские действия наказывались в административном порядке в соответствии с местными обязательными постановлениями. Они содержали более казуистические диспозиции и нередко закрепляли наказания за отдельные хулиганские действия [22].

УК РСФСР 1926 г. криминализовал хулиганство в ст. 74, но проблемы остались прежними. Часть 2 данной статьи установила ответственность за хулиганство повторное, а также заключающееся «в буйстве, бесчинстве», а также отличавшееся «исключительным цинизмом или дерзостью». Между тем суды не только смягчали наказания с учетом возможной ошибки в квалификации, но и, будучи не в состоянии отличить буйное хулиганство от обычного, переходили на неквалифицированный состав ч. 1 [23].

Указом Президиума Верховного Суда СССР от 10.08.1940 «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» уголовная ответственность за хулиганские действия на предприятиях и в учреждениях была усилена до годового тюремного заключения. Но и этот акт не дал должного эффекта. Четкого разграничения между уголовно наказуемым деянием и отдельными проявлениями хулиганства, которые могут наказываться в соответствии с обязательными постановлениями, по-прежнему не было.

В таких правовых условиях органы милиции предпочитали ограничиваться мягким административным наказанием за нарушение обязательного постановления, чем «связываться» со сложностями возбуждения и расследования уголовного дела. Не последнюю роль для правоохранительных структур здесь играла и важность создания видимости эффективности борьбы с преступностью. Многочисленность обвинительных приговоров по ст. 74 УК РСФСР не должна была приводить вышестоящее руководство к «необходимым оргвыводам». «Вместо того, чтобы привлечь хулиганов к уголовной ответственности, органы милиции иногда ограничиваются наложением на них штрафов в административном порядке», – отмечал ревизор Минюста УССР [24]. В 1955 г. Прокуратурой СССР на страницах «Социалистической законности» было заявлено, что слабо борются с хулиганством и в Карело-Финской ССР: «работники милиции слишком снисходительны к нарушителям, в ряде случаев вместо того, чтобы возбудить уголовное преследование, хулиганов привлекают к административной ответственности... Почему так происходит? Не потому ли, что отдельные работники милиции, неправильно понимая свои задачи, искусственным путем добиваются мнимого сокращения преступности, привлекая хулиганов к административной ответственности вместо уголовной. Разве не понятно, что такой метод борьбы за «снижение» преступности кроме вреда, ничего не приносит?» [25, с. 68].

С учетом такого излишне осторожного отношения милиции к возбуждению уголовных дел следовало ввести за хулиганство ответственность администра-

тивную. Она должна была быть более «удобоваримой» для советских правоохранителей, в том числе налажаться в упрощенном порядке и не влечь всплеска показателей преступности. В то же время наказание за хулиганские действия, от которых так страдал порядок послевоенных советских республик, явно не могло быть смягчено до штрафа. В связи с этим хулиганство должно было влечь арест. И он должен был назначаться только судом как в силу Конституции, так и чтобы вновь не превратился в ту «дубину» управленческой репрессии, с которой едва справилась советская власть в первые годы своего становления.

В 1956 г. полагающееся за хулиганство лишение свободы превратилось в административный арест, возродив этот институт, и стало предметом регулирования нового процессуального судебного порядка. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.12.1956 «Об ответственности за мелкое хулиганство» неквалифицированное хулиганство, получившее наименование мелкого, было прямо отграничено от уголовно наказуемых деяний. Оно теперь влекло арест от 3 до 15 суток, «если эти действия по своему характеру не влекут наказания, предусмотренного статьей 74 Уголовного кодекса РСФСР». Указанным документом был ликвидирован длительный перекося в правовых регламентациях [26]. Административные материалы стали рассматриваться «народным судьей единолично в течение суток по поступлении их в суд из органов милиции с вызовом лица, совершившего хулиганский проступок, и в необходимых случаях свидетелей». Постановление народного судьи об аресте исполнялось немедленно и обжалованию не подлежало. Принятым в тот же день постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 19.12.1956 «Об ответственности за мелкое хулиганство» было дополнительно пояснено, что применение ареста за мелкое хулиганство «является мерой административного воздействия». Через четыре года этот процессуальный порядок дополнился институтом судебного взыскания расходов, связанных с исполнением постановления в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.04.1961 «Об ответственности за мелкое хулиганство». В случае уклонения арестованного от физических работ с него по постановлению судьи стала взыскиваться стоимость питания за время нахождения под арестом.

Появившаяся в 1956 г. судебная компетенция по рассмотрению административно-деликтных дел начала последовательно расширяться. Преимущественно она также была связана с «арестными» делами. Указом Президиума Верховного Суда РСФСР от 12.09.1957 «Об ответственности за мелкую спекуляцию» был установлен судебный порядок привлечения к административной ответственности за мелкую спекуляцию. Она влекла от 3 до 15 суток ареста или штраф до 500 руб. с конфискацией предметов спекуляции. Указом Президиума Верховного Суда СССР от 15.02.1962 «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» злостное неповиновение законному требованию работника милиции и народного дружинника стало наказывать-

ся постановлением судьи арестом до 15 суток, штрафом до 20 руб. или исправительными работами.

Расширение компетенции народных судей по делам об административных правонарушениях, как отмечал И. А. Галаган, свидетельствовало о расширении судебного контроля за административной деятельностью и отвечало требованиям укрепления в ней социалистической законности [27]. Схожим образом объясняется такое расширение судебных полномочий и в современной науке [28]. Словом, в судебном назначении административного ареста воплотилось правовое начало не столько юрисдикционное, сколько юстиционное.

В КоАП РСФСР и позднее в КоАП РФ назначение такого строгого административного наказания также осталось прерогативой суда. Судебная ревизия инициативы публичной администрации по применению мер административного принуждения получила название судебного контроля. В науке считается, что он осуществляется как в рамках административного судопроизводства [29, с. 49], так и судопроизводства по делам об административных правонарушениях [30].

Обсуждение правового феномена судебного контроля чаще всего сводится к вопросам о том, должен ли административный орган предварительно получать разрешение суда на применение административного принуждения или достаточно лишь возможности последующего обжалования в суде административного акта. Первый вид называется предварительным судебным контролем, второй – последующим [31]. Допустим, обсуждаются вопросы о том, какие исполнительные действия может совершать судебный пристав – исполнитель с разрешения суда, а какие – самостоятельно с разъяснением права последующего судебного обжалования [32], какие следственные действия следователь должен совершать самостоятельно, а какие – с судебной санкции [33].

По общему правилу считается, что такой контроль должен быть последующим. Нельзя поставить инспекторов в очередь к судье за разрешениями на применение любых принудительных мер. Иначе судебная власть подменит собой власть исполнительную, а арсенал полномочий последней окажется слишком скудным для результативного решения управленческих вопросов. В пользу последующего судебного контроля говорят и интересы оперативности, когда обращение к процедуре дачи судебной санкции может свести на нет эффективность запрашиваемой экстренной меры. Наконец, административные органы, обладая более узкой специализацией, чем суды, нередко более компетентны. Б. В. Россинский справедливо указал и на существенную перегрузку судебной системы. Авторитетный ученый упомянул, что можно привести немало примеров, когда постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные должностными лицами, лучше аргументированы и обоснованы [34].

Предварительный судебный контроль является скорее исключением. Но именно к нему нужно прибегать, когда сохранение меры административного принуждения в числе прерогатив исполнительной власти грозит риском невосполнимого нарушения основных

прав и свобод граждан. Чаще всего это происходит при проявлении органами публичной администрации намерения в управленческих целях наиболее глубоко вмешаться в права частных лиц. Это прослушивание телефонных переговоров, обыск, изъятие имущества, обращение взыскания на жилое помещение и, наконец, ограничение личной свободы человека. В такой ситуации интересы публичной власти должны потерять статус основного критерия решения управленческого вопроса. Вместо этого они должны стать на такую же чашу весов, как и личные интересы гражданина наравне с последними. Обе ценности должны быть в разумной мере сбалансированы независимым юрисдикционным органом. Он обязан апеллировать лишь к закону и справедливости и не должен быть заложником управленческих функций.

Одним из первых случаев постановки перед Конституционным Судом Российской Федерации вопроса о предварительном судебном контроле меры административного наказания явился поднятый в 1997 г. вопрос о соответствии Конституции Российской Федерации п. 4 и 6 ст. 242 и ст. 280 Таможенного кодекса РФ. Эти положения давали таможенным органам право осуществлять внесудебную конфискацию товаров и транспортных средств. Сначала в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20.05.1997 № 8-П по делу о проверке конституционности пунктов 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Новгородского областного суда был изложен вывод о том, что она при наличии гарантии последующего судебного контроля как способа защиты прав собственника не противоречит основному закону. Однако в 1998 г. административная конфискация вновь стала предметом проверки суда. В Постановлении от 11.03.1998 № 8-П по делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса РФ, части 2 статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М. М. Гагловой и А. Б. Пестрякова рассматривался эпизод, связанный с конфискацией на основании ст. 85 и 222 КоАП РСФСР принадлежащего гражданину ружья органом, осуществляющим надзор за соблюдением правил охоты. Был сформулирован несколько иной вывод: одна только возможность судебного обжалования не исключает лишения собственности без судебного решения. В момент изъятия не могут считаться установленными ни само деяние, ни виновное его совершение. Эти обстоятельства требуют последующего рассмотрения и доказывания в надлежащей судебной процедуре. Вскоре применение в рамках КоАП РФ конфискации также стало судебной прерогативой.

В наибольшей же мере предварительный судебный контроль требуется по делам, влекущим административный арест. Публичная власть заинтересована в полномочиях при необходимости ограничивать свободу гражданина, добиваясь выполнения им возложенных публично-правовых обязанностей, что вполне объяснимо. Однако именно здесь перед инспектором необходимо поставить разумный барьер

в виде необходимости мотивированного обращения в суд. Дни утраченной свободы, являющейся наряду с жизнью и здоровьем, наибольшей ценностью, вернуть нельзя. Даже денежная компенсация здесь будет не более, чем своего рода паллиатив. Интерес представляют случаи, когда предметом пересмотра Верховного Суда Российской Федерации являлись решения судей по «арестным» делам, смягчавшие назначенное нижестоящими судами наказание с отбытого ареста на штраф. Такие решения отменялись по мотивам нарушения ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ, согласно которой никто не может дважды нести ответственность за одно правонарушение. В Постановлении от 07.09.2016 № 18-АД16-160 было констатировано, что, поскольку арест уже отбыт, такое смягчение наказания, по существу, влечет, напротив, ухудшение положения привлекаемого.

Мы выражаем уважение к позициям о том, что судебное вмешательство в административную юрисдикцию не должно стремиться к чрезмерному распространению, превращаясь в навязчивую опеку. Вместе с тем хотелось бы высказать мнение, что непосредственное судебное рассмотрение дел об административных правонарушениях тоже объективно необходимо, в первую очередь по делам, связанным с ограничением личной свободы человека.

Заключение

Основной функцией исполнительной власти, к которой относятся правоохранительные структуры, является государственное управление, включающее и государственный контроль. Это предполагает решение значительного количества масштабных вопросов. В их числе мобилизация населения на выполнение тех или иных поставленных властью задач, взимание налогов, обеспечение общественного порядка. И богатый арсенал мер административного принуждения, которым располагает исполнительная власть, становится ресурсом государственного управления. Административная юрисдикция, порученная публичной администрации, также автоматически ставится

на службу государственному управлению с соответствующей расстановкой приоритетов: первоочередность фискальной функции перед благосостоянием частного лица, предпочтительность общей превенции, а не индивидуализации наказания, важность обеспечения управляемости и подконтрольности населения в сравнении с личной свободой и частными интересами и др. Такая ситуация является нормальной, но и обуславливает важность судебного контроля. Вместе с тем, поскольку управленческие вопросы требуют оперативного решения, не сопряженного с лишними формальностями, судебный контроль, как правило, является последующим.

Однако управление жизнью страны представляет собой крайне трудоемкое, а порой и рискованное дело. В связи с этим публичная власть заинтересована в полномочиях глубоко вмешиваться в свободу гражданина, решая управленческие вопросы максимально эффективно. Но ограничение и здесь роли суда последующим контролем приведет к тому, что он не будет уже в состоянии восполнить допущенное репрессивной инициативой право. Поэтому там, где неправомерное назначение административного наказания, продиктованное управленческими целями, повлечет наиболее явное или невосполнимое нарушение прав гражданина, судебный контроль должен быть предварительным. Он должен осуществляться путем рассмотрения дела об административном правонарушении судьей.

Наиболее ярким примером является назначение административного ареста. Он обоснованно исключен из мощного ресурса мер административного принуждения, которым располагает исполнительная власть. Предоставление лишь возможности последующего судебного обжалования здесь не обеспечит восстановления нарушенных прав, если постановление окажется незаконным, и не дисциплинирует органы преследования. На наш взгляд, именно этот критерий должен являться основным при решении вопроса о подведомственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салищева Н. Г. О некоторых тенденциях развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // Административное право и процесс. 2009. № 5. С. 2–13.
2. Россинский Б. В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях? // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 49–51.
3. Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 518–524.
4. Трунова Е. В. Об административной юрисдикции судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2021. № 6. С. 51–53.
5. Шишкина О. Е. Судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях: поиск конституционных рамок и стандартов правосудия (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 19–27.
6. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л. Л. Попов. М., 2019. 544 с.
7. Братановский С. Н. Административное право. Общая часть : учеб. М., 2013. 921 с.
8. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 44–51.
9. Чуйченко в Казани рассказал, на каком этапе находится разработка нового КоАП. URL: <https://www.business-gazeta.ru/amp/608593> (дата обращения: 11.12.2023).
10. Зайцев Д. И. Административное усмотрение в РСФСР и СССР (1917–1953 гг.) // Актуальные проблемы административного права и административного процесса : моногр. / под общ. ред. С. А. Старостина. М., 2022. С. 378–379.

11. Замечания В. И. Ленина к проекту Декрета СНК о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения от 25.05.1920, автограф. // Декреты Советской власти : в 12 т. М., 1976. Т. VIII. Апрель – май 1920 г. С. 241–243.
12. Старостин С. А. О подмене понятий в государственном управлении // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 76–96.
13. Наркомюст о проекте административного ареста // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 14. С. 329.
14. Об административном аресте // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 16 (Хроника). С. 377–379.
15. Циркуляр № 184 от 12.09.1923 Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата финансов и Народного комиссариата продовольствия «О порядке применения административных взысканий в текущую кампанию по взиманию единого сельско-хозяйственного налога» // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 36. С. 838.
16. Об административных приказах // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 35. С. 10.
17. Административный арест // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 10. С. 226.
18. Агеев А. Административная практика и суд // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 26–27. С. 9.
19. Положение о взимании налогов. Утверждено ЦИК СССР и СНК СССР 02.10.1925 // Собрание законодательства СССР. 1925. № 70. Ст. 518.
20. Лаговьер Н. Прокуратура и административные взыскания // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 33. С. 1022.
21. Мокринский С. Озорство и хулиганство (окончание) // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 38. С. 899.
22. Надзор за административными взысканиями // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 42–43. С. 1122.
23. Сапожников И. Усилить борьбу с хулиганством // Социалистическая законность. 1955. № 12. С. 14–17.
24. Артышков В. Борьба с хулиганством // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 66.
25. Безуглов А., Лай П. В Карело-Финской ССР плохо борются с хулиганством // Социалистическая законность. 1956. № 1. С. 68.
26. Колоколов Н. А. Хулиганство: генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 1. История развития правового регулирования уголовной ответственности за хулиганство в России // Мировой судья. 2014. № 2. С. 2–8.
27. Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 418–419.
28. Панова И. В., Панов А. Б. Актуальные проблемы административной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. Т. 21, № 3. С. 105–134.
29. Шергин А. П. Административно-деликтное право и законодательство (статьи, выступления, размышления) : сб. науч. тр. М., 2015. 275 с.
30. Шишкина О. Е. Судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях: поиск конституционных рамок и стандартов правосудия (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 19–27.
31. Саттарова З. З. Участие суда в исполнительном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 29 с.
32. Щепалов С. В. Природа и характер правоотношений в исполнительном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2005. 28 с.
33. Устинов М. А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 1999. 276 с.
34. Россинский Б. В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 6–24.

REFERENCES

1. Salishcheva N.G. On some trends in the development of legislation on administrative responsibility in Russia in the modern period. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2009, no. 5, pp. 2–13. (In Russ.).
2. Rossinskii B.V. Is the differentiation of administrative proceedings and proceedings in administrative cases final offenses? *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva = Journal of Administrative Proceedings*, 2016, no. 1, pp. 49–51. (In Russ.).
3. Kaplunov A.I. Administrative responsibility as a form of administrative coercion. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 518–524. (In Russ.).
4. Trunova E.V. On the administrative jurisdiction of judges reviewing administrative offense cases. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2021, no. 6, pp. 51–53. (In Russ.).
5. Shishkina O.E. Judicial proceedings in cases of administrative offenses: the search for constitutional frameworks and standards of justice (based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2015, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.).
6. Popov L.L., Migachev Yu.I. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Administrative law of the Russian Federation]. Ed. by Popov L.L. Moscow, 2019. 544 p.
7. Bratanovskii S.N. *Administrativnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Administrative law. General part: textbook]. Moscow, 2013. 921 p.
8. Sokolov A.Yu., Lakaev O.A. Critical view on drafts of the code of administrative offenses of the Russian Federation and the Procedural Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2020, no. 8, pp. 44–51. (In Russ.).
9. *Chuichenko v Kakhani rasskazal, na kakom etape nakhoditsya razrabotka novogo KoAP* [Chuichenko in Kahani told at what stage the development of the new Administrative Code]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/amp/608593>. (accessed December 11, 2023).
10. Zaitsev D.I. Administrative discretion in the RSFSR and the USSR (1917–1953). In: Starostin S.A. (Ed.). *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i administrativnogo protsessa: monogr.* [Actual problems of administrative law and administrative process: monograph]. Moscow, 2022. Pp. 378–379. (In Russ.).

11. V.I. Lenin's remarks on the draft Decree of the Council of People's Commissars on Measures for Correct Distribution of Housing among the Working Population of May 25, 1920. In: *Dekrety Sovetskoi vlasti: v 12 t. T. VIII. April' – mai 1920 g.* [Decrees of the Soviet government: in 12 volumes. Volume VIII. April – May 1920]. Moscow, 1976. Pp. 241–243. (In Russ.).
12. Starostin S.A. A critical view on drafts of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Procedural Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2019, no. 32, pp. 76-96. (In Russ.).
13. People's Commissariat of Justice on the project of administrative arrest. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1923, no. 14, p. 329. (In Russ.).
14. On administrative arrest. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1923, no. 16, p. 377–379. (In Russ.).
15. Circular No. 184 of September 12, 1923 of the People's Commissariat of Justice, the People's Commissariat of Finance and the People's Commissariat "On the Procedure for Applying Administrative Penalties in the Current Campaign to Levy a Single Agricultural Tax". *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1923, no. 36, p. 838. (In Russ.).
16. On administrative orders. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1922, no. 35, p. 10. (In Russ.).
17. Administrative arrest. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1923, no. 10, p. 226. (In Russ.).
18. Ageev A. Administrative practice and court. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1922, no. 26–27. P. 9. (In Russ.).
19. Regulation on the collection of taxes: approved by the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR of October 2, 1925. In: *SZ SSSR [Collection of laws of the USSR]. 1925. No. 70. Art. 518.* (In Russ.).
20. Lagovier N. The Prosecutor's office and administrative penalties. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1927. No. 33, p. 1,022. (In Russ.).
21. Mokrinskii S. Mischief and hooliganism (ending). *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1924, no. 38, p. 899. (In Russ.).
22. Supervision of administrative penalties. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii = Weekly of Soviet Justice*, 1928, pp. 42-43. (In Russ.).
23. Sapozhnikov I. Strengthen the fight against hooliganism. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1955, no. 12, pp. 14–17. (In Russ.).
24. Artyshkov V. Fight against hooliganism. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1956, no. 5, p. 66. (In Russ.).
25. Bezuglov A., Lai P. In the Karelo-Finnish SSR, they struggle badly with hooliganism. *Sotsialisticheskaya zakonnost' = Socialist Legality*, 1956, no. 1, p. 68. (In Russ.).
26. Kolokolov N.A. Hooliganism: genesis, evolution and contemporary state of elements of crime. Article 1. History of development of legal regulation of criminal responsibility for hooliganism in Russia. *Mirovoi sud'ya = World Judge*, 2014, no. 2, pp. 2–8. (In Russ.).
27. *Ivan Aleksandrovich Galagan i ego nauchnoe nasledie* [Ivan A. Galagan and his scientific legacy]. Ed. by Starilov Yu.N., 2010. Pp. 418–419. (In Russ.).
28. Panova I.V., Panov A.B. Topical problems of administrative responsibility. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2019, vol. 21, no. 3, pp. 105–134. (In Russ.).
29. Shergin A.P. On the understanding of administrative proceedings. In: *Administrativno-deliktное pravo i zakonodatel'stvo (Stat'i, vystupleniya, razmyshleniya): sb. nauch. tr.* [Administrative-tort law and legislation (Articles, speeches, reflections): collection of scientific papers]. Moscow, 2015, p. 49. (In Russ.).
30. Shishkina O.E. Proceedings on administrative offences: search for constitutional frameworks and standards of justice (on the basis of the Russian Constitutional Court's case-law). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2015, no. 3. (In Russ.).
31. Sattarova Z.Z. *Uchastie suda v ispolnitel'nom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Participation of the court in enforcement proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2004. 29 p.
32. Shchepalov S.V. *Priroda i kharakter pravootnoshenii v ispolnitel'nom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The nature and nature of legal relations in enforcement proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 28 p.
33. Ustimov M.A. *Sudebnyi kontrol' na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial control at the stage of preliminary investigation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saransk, 1999. 276 p.
34. Rossinskii B.V. Reflections about the government and administrative responsibility. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2016, no. 5, pp. 6–24. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПАЛОВ – кандидат юридических наук, доцент, судья Верховного суда Республики Карелия, Петрозаводск, Россия, schepalov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>

STANISLAV V. SHCHEPALOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Judge of the Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russia, schepalov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8835-247X>

Статья поступила 10.01.2024

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.010

Психологические критерии исправления осужденных: возможность разработки и проблемы внедрения

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
gregoralt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-8028>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БАЛАМУТ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
balamut01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-676X>

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КРЯЖЕВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

Реферат

Введение: в статье осуществлен теоретический анализ имеющихся научных разработок по вопросам актуальности применения психологических критериев исправления осужденных. *Цель:* на основе анализа научной литературы и практических исследований систематизировать психологические критерии исправления осужденных с последующим анализом проблемы их внедрения. *Методы:* в ходе изучения психологических критериев исправления осужденных использовались методы теоретического исследования (аналитический, аксиоматический, формализации и др.), а также анализ научных источников. *Результаты:* осуществлен теоретико-методологический анализ научных разработок по вопросам актуальности применения психологических критериев исправления осужденных. *Вывод:* в настоящее время проблема разработки и применения психологических критериев оценки степени исправления осужденных является одной из наиболее актуальных в пенитенциарной науке. Они должны быть максимально точными и учитывать не только внешнее положительное поведение осужденного, но и комплекс иных факторов, дополняющих общую характеристику его личности, к которым можно отнести и наличие социально полезных связей, и условия проживания после освобождения, и трудовую занятость, и др. Авторами подчеркивается возрастающая роль проводимых психологических мероприятий (с учетом научно обоснованных психологических критериев оценки исправления осужденных) во взаимодействии с различными отделами и службами исправительного учреждения, общественностью и иными социальными институтами и организациями. В этой связи психологические критерии исправления осужденных выступают своего рода индикаторами (маркерами), способствующими более полному пониманию личности осужденного и адресному реагированию помогающего специалиста с использованием психолого-педагогических мер воздействия на него в допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный периоды.

Ключевые слова: психологические критерии исправления; исправительные учреждения; осужденные; ресоциализация; пенитенциарная система; уголовно-исполнительная система.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Щербаков Г. В., Баламут А. Н., Кряжева С. Г. Психологические критерии исправления осужденных: возможность разработки и проблемы внедрения // Пенитенциарная наука. Т. 18, № 2 (66). С. 196–203. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.010.

Original article

Psychological Criteria of Convict Correction: Development Possibilities and Implementation Problems

GRIGORII V. SHCHERBAKOV

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, gregoralt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-8028>

ALEKSANDR N. BALAMUT

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, balamut01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-676X>

SVETLANA G. KRYAZHEVA

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

Abstract

Introduction: the article presents a theoretical analysis of the available scientific developments on the relevance of applying psychological criteria of convict correction. *Purpose:* on the basis of theoretical analysis of scientific literature and earlier studies to systematize psychological criteria of correction of convicts and to further analyze the problem of their implementation. *Methods:* during the study of psychological criteria of correction of convicts, methods of theoretical research (analytical, axiomatic, formalization, etc.), as well as analysis of scientific sources, are used. *Results:* theoretical and methodological analysis of scientific developments on the relevance of applying psychological criteria of convict correction is carried out. *Conclusion:* at present the problem of development and application of psychological criteria for assessing the degree of correction of convicts is one of the most urgent in penitentiary science. They should be as accurate as possible and take into account not only positive behavior of the convict, but also a set of other factors that complement the general characteristic of his/her personality, such as presence of socially useful ties, living conditions after release, employment, etc. The authors emphasize the increasing role of psychological measures (taking into account scientifically based psychological criteria for assessing correction of convicts) in cooperation with various departments and services of the correctional institution, public and other social institutions and organizations. In this regard, psychological criteria of convict correction serve as a kind of indicators (markers) that contribute to a more complete understanding of the convict's personality and a targeted response of the assisting specialist using psychological and pedagogical measures of influence in pre-penitentiary, penitentiary and post-penitentiary periods.

Keywords: psychological criteria of correction; correctional institutions; convicts; resocialization; penitentiary system; penal system.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Shcherbakov G.V., Balamut A.N., Kryazheva S.G. Psychological criteria of convict correction: development possibilities and implementation problems, *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 196–203. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.010.

Введение

На протяжении длительного времени учеными делаются попытки разработать критерии исправления осужденных – показатели, достигнув которых, осужденные могут считаться исправившимися и не пред-

ставляющими общественной опасности после освобождения из исправительного учреждения. Умение правильно оценить степень исправления осужденного в процессе отбывания наказания включает в себя выявление положительной или отрицательной дина-

мики изменения личности. Верно сделанная оценка позволит сотрудникам более целенаправленно проводить индивидуальные, групповые коррекционные и воспитательные программы по реабилитации осужденных [1].

Проблема исследования критериев исправления осужденных является междисциплинарной и находится в фокусе интереса многих наук (юридических, психологических, педагогических, социологических и т. д.). Изучением различных аспектов вопроса оценки степени исправления осужденных к лишению свободы занимались такие ученые, как С. В. Познышев, Н. А. Стручков, М. П. Стурова, Ф. Р. Сундуков, В. Д. Филимонов, И. В. Шмаров, Ю. М. Антонян, О. Г. Афаньев, Г. П. Байдаков, Н. П. Барабанов, Ю. В. Голик, А. Я. Гришко, В. А. Елеонский, М. А. Ефимов, Б. Б. Казак, А. Н. Кузьмин, В. М. Литвишков, М. П. Мелентьев, Т. Ф. Миняева, М. Г. Дебольский, В. М. Поздняков, С. Н. Пономарев, А. А. Синичкин, В. Е. Южанин и др. При этом трактование ключевого понятия «исправление» в научных источниках неоднозначно, а основное внимание было сосредоточено на социальных и педагогических показателях (например, участие в массовых мероприятиях, поддержание социальных связей, осознание вины, дисциплинарная практика и т. д.), в то время как психологической составляющей процесса исправления (изменение личности) уделялось гораздо меньше внимания. Однако законодательство постоянно совершенствуется, и государство в лице пенитенциарной системы осуществляет поиск новых подходов к оценке степени исправления осужденных.

Рассматривая понятие психологических критериев исправления осужденных, необходимо отметить следующее. Термин «критерий» в психологии рассматривается как признак, на основании которого производится определение, оценка или классификация каких-либо психологических феноменов [2, с. 201].

Категория «исправление» в Большом толковом психологическом словаре А. Ребера объясняется через социально-криминологические термины, характеризующие изменение поведения индивида с целью приведения его в соответствие с общественными нормами. В этой связи исправительная колония, тюрьма часто называются исправительными институтами [3, с. 331].

Отечественным ученым-пенитенциаристом В. М. Поздняковым подчеркивается необходимость ретроспективного анализа трансформации ценностно-смысловых ориентиров в отношении содержательно-психологических аспектов феномена «исправление личности преступника» и применения соответствующих методов воздействия на осужденных, что в целом способствует более адекватному пониманию современного состояния и тенденций в подходах к исправлению осужденных в процессе исполнения наказания [4, с. 40].

Основная часть

На протяжении ряда лет проводились научно-исследовательские работы, отражающие актуальность разработки и систематизации психологических критериев исправления осужденных. Данные исследо-

вания организовывались по заявкам отраслевого управления (УВСПР ФСИН России) сотрудниками НИИ ФСИН России, межрегиональными отделами психологической работы (МОПР), а именно: МОПР ГУФСИН России по Свердловской области, МОПР ГУФСИН России по Красноярскому краю, МОПР ГУФСИН России по Ростовской области. Дадим краткую характеристику данных исследований и проанализируем проблемы их внедрения.

В 2011 г. сотрудниками НИИ ФСИН России была подготовлена научно-исследовательская работа «Разработка психологических критериев оценки исправления осужденных в условиях реализации системы «социальных лифтов», которая включала в себя критерии социальных лифтов, которые были разделены на критерии социально характера, критерии воспитательно-педагогического характера и психологические критерии. Психологические критерии включали в себя: первичные психодиагностические показатели (социально-психологические критерии, результаты тестирования), активность участия осужденного в тестировании), активное участие в психологических тренингах, конечные психодиагностические критерии для представления комиссии по оценке поведения осужденных и определению условий отбывания наказания. В ходе внедрения системы социальных лифтов в пенитенциарные учреждения критерии были модифицированы, сокращены и представлены в следующем виде: соблюдение порядка отбывания наказания; стремление осужденного к психофизической корректировке своей личности и инициативные меры к ресоциализации; иные события и действия, свидетельствующие об активной позитивной позиции осужденного. Несмотря на то что система социальных лифтов в настоящее время в исправительных учреждениях не реализуется, в ней была заложена идея оценивания степени исправления осужденных в процессе отбывания ими наказания.

В 2018 г. сотрудниками МОПР ГУФСИН России по Свердловской области на основе результатов эмпирического исследования склонности к криминальному поведению были подготовлены методические рекомендации «Психологическая диагностика склонности к криминальному поведению у подозреваемых, обвиняемых, осужденных (маркеры риска)». Выборка состояла из двух групп (сотрудники и осужденные). Само исследование строилось на предположении о том, что в личностном плане преступное (криминальное) поведение обусловлено снижением показателей следующих сфер личности: морально-нравственная, интеллектуальная, эмоционально-волевая. Для их подробного изучения была определена необходимость сочетания диагностических методик, разработанных в русле объективного, субъективного и проективного психодиагностического подходов, которые позволили определить психодиагностический инструментарий. Итоги исследования позволили определить основные и дополнительные маркеры риска криминального поведения с подробным описанием методик, направленных на их изучение. Дальнейшей реализации и внедрения за исключением ГУФСИН

России по Свердловской области данные методические рекомендации не получили.

В 2019 г. сотрудниками МОПР ГУФСИН России по Красноярскому краю, МОПР ГУФСИН России по Ростовской области и НИИ ФСИН России были подготовлены научно-исследовательские работы на тему «Научно обоснованные психологические критерии степени исправления осужденных».

Авторский коллектив МОПР ГУФСИН России по Красноярскому краю отметил, что при разработке психологических критериев степени исправления осужденных необходимо учитывать, что главной задачей в деятельности уголовно-исполнительной системы является социальная адаптация и ресоциализация осужденных. При этом, оценивая степень исправления осужденного, важно учитывать не только его поведение в пределах исправительного учреждения, но и готовность вхождения в социум. В частности, были выделены следующие критерии:

1. Поведенческие критерии:

– участие осужденного в психологических мероприятиях, стремление к коррективке негативных личностных и поведенческих черт;

– соблюдение распорядка дня, установленного в исправительном учреждении, следственном изоляторе, отсутствие взысканий;

– вежливое общение с администрацией исправительного учреждения или следственного изолятора, безусловное выполнение предъявляемых законных требований;

– неприятие криминальной субкультуры: исключение употребления жаргонных слов, нецензурных выражений, кличек, отказ от принятых в уголовной среде криминальных правил поведения, обычаев, традиций;

– активное участие в мероприятиях по повышению образовательного и профессионального уровня, включая самообразование, чтение периодической печати, книг, посещение библиотеки;

– активное участие в спортивных и культурных мероприятиях, проводимых в учреждении;

– получение новой, востребованной на рынке труда профессии, трудоустройство (при наличии вакансий) в исправительном учреждении, следственном изоляторе;

– конкретные действия по сохранению социально полезных связей, поиску работы перед освобождением, наличие реальных планов жизни на свободе;

– добровольное досрочное погашение материального ущерба, стремление заблаговременно решить вопрос о трудовом и бытовом устройстве после освобождения;

– восстановление социально полезных связей, родственных связей;

– отсутствие в анамнезе протестных действий против законных требований администрации исправительного учреждения или следственного изолятора.

2. Психологические критерии:

– отсутствие нарушений половых предпочтений в виде педофилии у осужденных за преступления про-

тив половой свободы и половой неприкосновенности личности;

– снижение уровня агрессивности у осужденных по данным психодиагностических обследований;

– развитие способности самостоятельно планировать свое будущее;

– прохождение специализированных психокоррекционных программ (занятий), направленных на снижение риска совершения повторных преступлений;

– мотивационная направленность на правоопослушное поведение;

– забота о своем духовном и физическом развитии;

– стремление осужденного к психофизической коррективке своей личности;

– переосмысление совершенного преступления, признание своей вины в совершенном преступлении (возмещение ущерба, причиненного преступлением, написание извинительного письма);

– наличие четких (конкретизированных) планов на будущее, умение справляться с жизненными проблемами.

3. Осознание вины в содеянном преступлении как один из основных критериев исправления и ресоциализации осужденных.

4. Мотивационная направленность на правоопослушное поведение или мотивация на самоисправление.

5. Отношение к труду, обучению, общественной работе, культурно-массовым мероприятиям, коллективу отряда или колонии и др.

6. Возмещение материального ущерба.

При этом авторами научно-исследовательской работы отмечалось, что критерии исправления должны учитывать не только внешнее положительное поведение осужденного, но и оценку конкретных дефектов его общей и правовой социализации, состояния социальных связей личности, нравственного самопроявления личности в межличностных отношениях и др.

Также в 2019 г. сотрудниками МОПР ГУФСИН России по Ростовской области была подготовлена научно-исследовательская работа, направленная на научное обоснование психологических критериев степени исправления осужденных. Основываясь на данных, предоставленных психологическими службами территориальных органов ФСИН России по Южному федеральному округу, ими были выделены следующие психологические критерии степени исправления осужденных:

– наличие мотивации осужденного к законопослушному поведению;

– низкий уровень криминальной зараженности, негативное отношение к криминальной субкультуре;

– наличие мотивации к прохождению реабилитации у лиц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью;

– адекватность самооценки;

– стремление осужденного к самосовершенствованию, повышению интеллектуального уровня, обучению, получению профессии и специальности;

- стремление осужденного к психологической коррективке своей личности (активное участие в психокоррекционной работе);

- наличие положительной системы ценностных ориентаций, сформированность положительных целей, планов, жизненных перспектив;

- снижение уровня конфликтности, агрессивности;

- сохранение или восстановление социально полезных связей;

- высокий уровень самоконтроля и нервно-психическая устойчивость.

Рассмотрев полученные критерии, авторский коллектив МОПР ГУФСИН России по Ростовской области условно разделил их на следующие группы:

1. Интегративный психологический критерий исправления личности осужденного «психическое (психологическое) здоровье».

2. Отношение к социальным нормам и степень принятия криминальной субкультуры.

3. Социально-психологическая адаптация.

4. Раскаяние и осознание справедливости наказания.

Кроме того, основываясь на классификации И. В. Шмарова, выделенные критерии были разделены по степени исправления: встал на путь исправления, твердо встал на путь исправления, доказал свое исправление – в процессе отбывания наказания осужденный приобрел достаточно устойчивые навыки и привычки общественного поведения [5, с. 33–35].

Проблема научного обоснования психологических критериев степени исправления осужденных нашла свое отражение в научных трудах НИИ ФСИН России. В 2019 г. институтом была подготовлена научно-исследовательская работа «Научно обоснованные психологические критерии степени исправления осужденных», в которой был проведен подробный теоретический анализ научной литературы по рассматриваемой тематике, выявлены и систематизированы психологические критерии степени исправления осужденных. В ходе исследования психологические критерии были объединены по общим признакам в следующие группы:

1. Поведение в исправительном учреждении.

2. Состояние здоровья.

3. Наличие социально полезных связей.

4. Материально-бытовые условия после освобождения.

5. Криминологический портрет осужденного.

6. Взаимоотношения с администрацией исправительного учреждения.

7. Взаимоотношения с осужденными в исправительном учреждении.

8. Профессия / самообеспечение.

9. Участие в мероприятиях исправительного учреждения.

10. Взаимоотношения с потерпевшей стороной.

Указанные группы содержат схожие по своему характеру критерии, которые раскрывают отдельные аспекты определенных психологических и поведенческих проявлений осужденных в условиях исправительного учреждения. Авторами предлага-

лось дополнительно оценивать каждое из представленных качеств по степени выраженности, применяя трехбалльную систему оценивания от «качество не выражено» до «качество сформировано» с допущением среднего варианта оценивания между двумя полюсами сформированности или несформированности. Вместе с тем в работе подчеркивалось, что критерии служат ориентирами, которые задают вектор организации проведения воспитательных, психологических и иных мероприятий, направленных на исправление осужденных, повышая эффективность принятых мер.

В 2020 году во исполнение п. 3.3 Программы развития воспитательной, социальной и психологической службы ФСИН России на 2020–2022 годы, утвержденной Директором ФСИН России, в целях совершенствования порядка предоставления характеризующих материалов на условно-досрочное освобождение или замену более мягким видом отбывания наказания был проведен анализ научных источников, посвященных проблеме научно обоснованных критериев степени исправления осужденных.

Проделанная работа позволила выделить ряд существенных моментов, которые необходимо учитывать при разработке критериев исправления осужденных.

Во-первых, оценка степени исправления осужденных, проводимая сотрудниками исправительных учреждений, в плане своего прогностического потенциала будет иметь ряд ограничений. Данные ограничения обусловлены тем, что «проявления» осужденных, на основании которых будет осуществляться оценивание, происходят в условиях изоляции. Как отмечает ряд ученых-пенитенциаристов, положительное поведение осужденных в местах лишения свободы не всегда свидетельствует об исправлении. Весьма вероятно, что подобное поведение лишь отражает адаптацию осужденных к условиям и требованиям исправительных учреждений (Ю. М. Антонян, Ю. В. Баранов, В. М. Поздняков и др.).

Во-вторых, в настоящее время нет научно подтвержденных данных, свидетельствующих о первоочередности важности того или иного критерия оценки степени исправления осужденных. Сложно определить уровень значимости, например, таких традиционно выделяемых учеными и практиками критериев, как наличие семьи, профессии, удовлетворительных материально-бытовых условий и т. д., в прогнозировании ведения правопослушного образа жизни после освобождения.

В-третьих, оценивание степени исправления осужденного должно осуществляться комиссионно. В комиссию должны быть включены сотрудники (работники), которые знают осужденного, взаимодействовали с ним, могут дать более полную и объективную его характеристику. Привлечение сотрудников (работников) к оцениванию осужденных, с ними не знакомых, может являться одним из признаков формализма.

Обобщая научные сведения и предложения практических работников уголовно-исполнительной системы, были предложены следующие критерии

исправления осужденных с детализирующими их предикторами:

1. Отношение к совершенному преступлению.
  - 1.1. Признал вину.
  - 1.2. Раскаялся в совершенном преступлении.
  - 1.3. Возмещает нанесенный вред пострадавшим.
  - 1.4. Осуждает свое преступное поведение.
2. Отношение к режиму, соблюдение требований.
  - 2.1. Соблюдение требований, предъявляемых в исправительном учреждении.
  - 2.2. Отрицание криминальной субкультуры.
  - 2.3. Допущенные нарушения установленного порядка отбывания наказания.
3. Отношение к труду.
  - 3.1. Трудоустройство в исправительном учреждении.
  - 3.2. Принятие участия в благоустройстве исправительного учреждения.
  - 3.2. Получение профессии в период отбывания наказания.
4. Групповые отношения.
  - 4.1. Вежливое общение с другими осужденными.
  - 4.2. Отсутствие конфликтов с другими осужденными.
  - 4.3. Вежливое общение с сотрудниками.
  - 4.4. Отсутствие конфликтов с сотрудниками.
5. Семейные отношения.
  - 5.1. Наличие семьи.
  - 5.2. Наличие полезных социальных связей.
  - 5.3. Взаимоотношения с семьей.
  - 5.4. Положительное влияние семьи.
6. Индивидуально-личностные характеристики.
  - 6.1. Способность к саморегуляции своего эмоционального состояния и поведения.
  - 6.2. Уровень конфликтности.
  - 6.3. Уровень агрессивности.
  - 6.4. Эгоистичность.
  - 6.5. Альтруистичность.
  - 6.6. Уровень ответственности.
  - 6.7. Цинизм.

Следует отметить, что выделенный перечень критериев не является исчерпывающим и может дополняться в зависимости от актуальных требований общества. То же касается предикторов, детализирующих каждый из критериев. Помимо критериев был предложен алгоритм их оценивания, предполагающий подсчет баллов. Вместе с тем в ходе дальнейшей апробации психологических критериев исправления осужденных были выявлены вопросы, не позволяющие характеризовать личность осужденного по предложенным критериям в полном объеме. Также было отмечено, что при доработке критериев с учетом выявленных проблемных вопросов, а также при проработке вопроса автоматического подсчета баллов использование разработанной системы в практической деятельности в качестве рекомендации членам комиссии исправительного учреждения позволит повысить эффективность работы указанной комиссии и послужит дополнительным стимулом для самих осужденных в части активного участия в общественной жизни, принятия мер по погашению исков и др.

Выводы

В заключение по результатам проведенных ранее исследований хотелось бы отметить, что критерии исправления должны учитывать не только внешнее положительное поведение осужденного, но и результаты комплексной оценки конкретных дефектов его общей социализации, правовой социализации, восстановление нарушенных социальных связей личности, фокусированность на ее социально положительной психической активности, формирование социально-положительной установочной позиции с учетом текущего и перспективного целеполагания на основе восстановления социально-поддерживающих отношений, духовно-нравственное самопроявление личности в межличностных отношениях. Демонстрируемое положительное поведение осужденного в местах лишения свободы не всегда может прямо свидетельствовать о сохранении подобного поведения после освобождения по причине кардинальных изменений условий существования человека, к которым он может быть не готов.

Эволюция рецидивной преступности, как и преступности в целом, обуславливается социально-экономическими факторами и усиливается криминальной направленностью личностных характеристик, которые способствуют более широкому пониманию условий совершения преступлений как благоприятных. В значительной степени это понимание складывается вследствие несоответствия уровня наказания и эффективности исправительно-реализационной деятельности общества (общественных институтов) и правоохранительных органов. Как отмечают В. И. Терехин, В. В. Чернышов, срок лишения свободы и его тяжесть оказывают противоположное влияние на перспективы (вероятность) совершения рецидива. Усиление кары за предыдущее преступление может повысить уровень неприятия осужденным рецидива из-за возможности значительных материальных и социальных потерь вследствие разрыва ранее существовавших социально полезных связей. Изоляция от общества создает своеобразное привыкание к режиму учреждений уголовно-исполнительной системы. Формируются проблемы адаптации в обществе после освобождения, снижается активность в самообеспечении необходимыми условиями жизни. Снижение риска определяется накопленным криминальным опытом, приемлемостью условий лишения свободы, неприятием трудовой деятельности и принятием на себя всех забот о жизнедеятельности. Согласно позиции указанных авторов, ссылающихся на экономическую теорию преступности, сформулированную Г. Беккером, современные реалии таковы, что преступления в настоящее время рассматриваются как аналог бизнеса с высоким уровнем риска. Данный подход предполагает, что люди действуют рационально, ориентируясь в своем поведении на выгоды и издержки, учитывая все этические, психические и иные аспекты, определяющие их поведение [6].

Нами разделяется позиция М. Г. Дебольского о том, что основная парадигма отечественной пенитенциарной науки и практики при условно-досрочном освобождении осужденных – это определение крите-

риев их исправления. При этом, оценивая степень исправления осужденного, важно учитывать не только его поведение в пределах исправительного учреждения, но и готовность вхождения в социум. Отличие научной парадигмы большинства зарубежных государств заключается в определении факторов риска криминального поведения (рецидивизма). С позиции гуманистического подхода отечественная парадигма более предпочтительна, так как ориентирована на принцип исправимости, веру в потенциальные возможности развития личности. Вместе с тем она идеализирована, поскольку, несмотря на то что человек вел себя положительно в местах лишения свободы, раскаялся в содеянном, загладил вину, в силу неблагоприятных жизненных условий он может совершить новое преступление. Концепция оценки риска рецидива более прагматична, чем концепция оценки показателей исправимости личности осужденного для прогноза поведения человека после освобождения [7]. Все это важно учитывать при прогнозировании рисков совершения повторных преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, стремящимися адаптироваться в социуме, вести здоровый и законопослушный образ жизни в условиях новых реалий современной информационной среды.

Не менее важной является целенаправленная деятельность персонала пенитенциарных учреждений, ориентированная на исправление, ресоциализацию и социальную адаптацию осужденных [8, с. 5]. В частности, деятельность по определению психологической (содержательной, внутренней) составляющей в личностных изменениях осужденных позволяет адресно оказывать необходимую (с учетом запроса) квалифицированную помощь и поддержку [9, с. 4].

Таким образом, необходимо отметить возрастающую роль проводимых психологических мероприятий (с учетом научно обоснованных психологических критериев оценки исправления осужденных) во взаимодействии с различными отделами и службами исправительного учреждения, общественности и иных социальных институтов и организаций. Указанный подход к рассматриваемой проблеме способствует не только исправлению осужденных, но и эффективной их ресоциализации, что, в свою очередь, позволяет качественно выстраивать профилактические мероприятия по недопущению совершения ими повторных преступлений с учетом всего комплекса факторов (личностные особенности, социальная поддержка, образование, сформированность трудовых навыков и др.), влияющих в конечном итоге на успешную социальную адаптацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2003. 260 с.
2. Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. М., 2009. 512 с.
3. Ребер А. Большой толковый психологический словарь : в 2 т. М., 2000. Т. 1. 592 с.
4. Поздняков В. М. Личность преступника и исправление осужденных (историко-психологический очерк) : учеб. Пособие. Домодедово, 1998. 70 с.
5. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. 136 с.
6. Терехин В. И., Чернышов В. В. Факторный анализ и прогнозирование постпенитенциарной преступности в регионах Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. А. П. Комкова. Рязань ; М., 2022. 106 с.
7. Дебольский М. Г. Проблемы риска рецидива при условно досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. № 1. С. 38–44.
8. Ананьев О. Г., Щербаков Г. В. Ресоциализация и социальная адаптация в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под общ. ред. В. Ю. Трофимова. Рязань, 2013. 176 с.
9. Использование психологических критериев оценки исправления осужденных в условиях реализации системы «социальных лифтов» : учеб.-метод. пособие / А. Н. Кузьмин, П. Н. Казберов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабая, В. В. Новиков, Д. Е. Дикопольцев ; под общ. ред. А. В. Новикова. М., 2013. 49 с.

REFERENCES

1. Sinichkin A.A. *Otsenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: disc. ... kand. yurid. nauk* [Assessment of the degree of correction of convicts to imprisonment: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Cheboksary, 2003. 260 p.
2. Sventsitskii A.L. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Concise psychological dictionary]. Moscow, 2009. 512 p.
3. Reber A. *Bol'shoi talkovyi psikhologicheskii slovar': v 2 t. Tom 1* [Large explanatory psychological dictionary: in 2 vol. Volume 1]. Moscow, 2000. 592 p.
4. Pozdnyakov V.M. *Lichnost' prestupnika i ispravlenie osuzhdennykh (istoriko-psikhologicheskii ocherk): ucheb. posobie* [Identity of the criminal and correction of convicts (historical and psychological essay): teaching guide]. Domodedovo, 1998. 70 p.
5. Shmarov I.V. *Preduprezhdenie prestuplenii sredi osvobodivshiesya ot nakazaniya* [Prevention of crimes among those released from punishment]. Moscow, 1974. 136 p.
6. Terekhin V.I., Chernyshov V.V. *Faktornyi analiz i prognozirovaniye postpenitentsiarnoi prestupnosti v regionakh Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie* [Factor analysis and forecasting of post-penitentiary crime in the regions of the Russian Federation: teaching guide]. Ed. by Komkov A.P. Ryazan, Moscow, 2022. 106 p.
7. Debol'skii M.G. The problem of crime repetition risk after early release on parole. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2014, no. 1, pp. 38–44. (In Russ.).

8. Anan'ev O.G., Shcherbakov G.V. *Resotsializatsiya i sotsial'naya adaptatsiya v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: ucheb. posobie* [Resocialization and social adaptation in the penal system: teaching guide]. Ed. by Trofimov V.Yu. Ryazan, 2013. 176 p.

9. Kuz'min A.N., Kazberov P.N., Novikov A.V. et al. *Ispol'zovanie psikhologicheskikh kriteriev otsenki ispravleniya osuzhdennykh v usloviyakh realizatsii sistemy "sotsial'nykh liftoy": uchebno-metodicheskoe posobie* [The use of psychological criteria for evaluating the correction of convicts in the conditions of the implementation of the "social lift" system: teaching guide]. Ed. by Novikov A.V. Moscow, 2013. 49 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАКОВ – кандидат психологических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, gregoralt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-8028>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БАЛАМУТ – кандидат психологических наук, доцент, начальник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, balamut01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-676X>

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КРЯЖЕВА – старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

GRIGORII V. SHCHERBAKOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, gregoralt@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-8028>

ALEKSANDR N. BALAMUT – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Research Center-2 of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, balamut01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-676X>

SVETLANA G. KRYAZHEVA – Senior Researcher at the Research Center-2 of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

Статья поступила 29.04.2024

Отношение к семье у осужденных, имеющих алкогольную зависимость

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Реферат

Введение: в статье рассматривается проблема отношения к своей семье осужденных, имеющих алкогольную зависимость. Данная категория представляет собой особую группу в пенитенциарном учреждении с учетом их индивидуально-психологических особенностей, нередко носящих дисгармоничный характер. В связи с этим важным является изучение характера взаимодействия данных лиц с другими осужденными, сотрудниками учреждений, а также близкими, семьей. *Цель:* выявление особенностей отношения к семье у осужденных, имеющих алкогольную зависимость. *Методы:* теоретический анализ литературы, метод обобщения и сравнения, психодиагностические методики (С. Ю. Куприянов «Шкала семейного окружения», В. Хьюлс «Рисунок семьи»). *Результаты:* по результатам исследования выявлено, что осужденные с зависимостью имеют изменения психики с выражением сильных эмоций в результате ухода от реальности, проявляющиеся в деструктивном поведении. Они не ориентированы на изменение своей личности, у них отсутствуют планы на самообразование, нет мотивации на прогнозирование будущего. Отсутствие самоконтроля, нарушение конструктивного общения и низкая самооценка обуславливают негативные взаимоотношения в семье и трудности в поддержании длительных и доверительных отношений. *Выводы:* именно семья оказывает сильное воздействие на личность осужденного и может либо способствовать его исправлению, либо, наоборот, поощрять его асоциальное преступное поведение. Осужденные с алкогольной зависимостью будут иметь сложнокорректируемые трудности в открытом выражении своих эмоций, конфликтные и депрессивные проявления, неуступчивые морально-нравственные взгляды и т. д. Для работы с данной категорией лиц целесообразно использовать специально разработанные психолого-педагогические программы, направленные на коррекцию искаженных семейных ценностей, развитие навыка восприятия информации и установления психологического контакта. Основными задачами коррекционной работы в рассматриваемом случае будут являться развитие чувства уважения и принятия членов семьи, формирование ответственного отношения к семейным связям и обязательствам, а также понимание необходимости семьи и планирования будущих семейных отношений для предотвращения рецидива и установления социально полезных связей с близкими людьми и родственниками, которые ждут осужденных на свободе.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения; осужденные; лица с алкогольной зависимостью; семья; семейные отношения; взаимодействие в семье; коррекционная работа психолога.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Отношение к семье у осужденных, имеющих алкогольную зависимость // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 204–209. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.011.

Original article

Attitude of Convicts Addicted to Alcohol to Their Family

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: the article considers the attitude of convicts addicted to alcohol to their family. This category of convicts is a special group in a penitentiary institution, since their individual psychological characteristics are often disharmonious. Therefore, it is important to study the nature of the interaction of these persons with other convicts, employees of institutions, as well as with their loved ones and family. *Purpose:* to identify the specifics of attitude to the family of convicts with alcohol dependence. *Methods:* theoretical analysis of literature; method of generalization and comparison; psychodiagnostic techniques ("Family Environment Scale" by S.Yu. Kupriyanov and "Family Drawing" by G.V. Huels). *Results:* it is revealed that convicts with addiction have mental changes with manifestation of strong emotions as a result of withdrawal from reality, which manifests itself in destructive behavior. This category of convicts is not focused on changing their personality, they have no plans for self-education, there is no motivation to predict their future. A lack of self-control, violations of constructive communication and low self-esteem contribute to negative relationships in the family, manifested in a lack of self-esteem, violation of the emotional sphere and causes difficulties in maintaining long-term and trusting relationships. *Conclusion:* it is the family that has a strong impact on the convict's personality and can contribute either to correction or promote antisocial criminal behavior. Convicts with alcohol dependence find it difficult to openly express their emotions and are characterized by conflict and depressive manifestations, unyielding moral views, etc. To work with this category of persons, it is advisable to use specially developed psychological and pedagogical programs aimed at correcting the distorted family values of the convict, developing skills of perceiving information and forming skills of establishing psychological contact. The main tasks of correctional work will be to develop a sense of respect and acceptance of family members, to form a responsible attitude to family ties and obligations, as well as understanding the need for family and planning future family relationships to prevent recidivism and establish socially useful connections with close people and relatives who are waiting for them at large.

Key words: penitentiary institutions, convicts, convicts addicted to alcohol, family, family relations, interaction in the family, correctional work of a psychologist.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Zautorova E.V. Attitude of convicts addicted to alcohol to their family. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 204–209. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.011.

Введение

В настоящее время проблема алкоголизма в России как неконтролируемого употребления спиртного и зависимости от него является актуальной, требующей своего разрешения, так как алкоголь не только разрушает здоровье человека, но и влияет на его отношения в семье и качество выполняемой работы [1]. По данным Всемирной организации здравоохранения Россия занимает одно из первых мест в мире по потреблению алкоголя на душу населения. По оценкам экспертов, процент алкоголиков в России неуклонно растет (из 600 тыс. разводов 40 % связаны с пьянством мужа или жены; кроме того, употребление спиртного является причиной или фактором риска для более 50 % случаев домашнего насилия). В связи с этим алкоголизм – это не просто личная проблема человека, а общенациональная беда, требующая комплексного и эффективного решения [2].

Увеличение количества алкозависимых лиц оказывает негативное влияние на уровень преступности в стране: каждое четвертое преступление (28,2 %) совершено в состоянии алкогольного опьянения [3]. В связи с этим неудивительно, что в пенитенциарных учреждениях содержится большое количество осужденных, имеющих алкогольную зависимость. Они же представляют особую группу в исправительном учреждении, поскольку их индивидуально-психологические особенности нередко носят дисгармоничный характер. Алкозависимые лица нуждаются в постоянном психологическом сопровождении и изучении, определении адекватной стратегии психолого-коррекционных мероприятий, сосредоточенных на разрешении и профилактике внутриличностных конфликтов. Поэтому здесь важен характер взаимодействия данных лиц с другими осужденными, сотрудниками учреждений, а также

изучение особенностей их взаимоотношений со своей семьей.

Находясь в трудной жизненной ситуации, исчерпав адаптивный потенциал, семья осужденного испытывает сложности, нуждается в значительных психологических и материальных ресурсах, так как возникновение кризисного события приводит к дисбалансу семейной системы и требует ее адаптации к новой реальности.

Освещение изучаемой проблемы в научной литературе

В отечественной педагогике и психологии феномен семьи изучали такие ученые, как Ю. М. Антонян [4], А. А. Бодалев [5], Т. С. Драбкина [6], А. Я. Варга [6], Т. П. Деусова [7], В. Л. Леви [8], А. Н. Леонтьев [9], А. С. Макаренко [10], В. В. Столин [5], К. Д. Ушинский [11] и др. Они разработали теоретические и практические подходы к изучению семейно-родительских отношений, описали основные механизмы, общую структуру и особенности отечественной семейной системы. Зарубежные исследователи Дж. Браун и Д. Кристкнсен [12], В. Сатир [13], Дж. Хейли [14], Л. Б. Шнейдер [15], М. Эриксон [14] представили понятие семейной системы и описали закономерности института семьи.

Ученые отмечают, что семья является одной из самых значимых составляющих нашей жизни, основой общества и местом, где у человека формируются ценности, установки и поведение. Роль семьи особенно возрастает во время отбывания уголовного наказания, так как она помогает осужденному в преодолении стрессовой жизненной ситуации.

Вместе с тем отношения в семье также могут обуславливать причины формирования криминального поведения личности [16]. Своей оценкой совершенного преступного деяния члены семьи могут выражать присущую им социальную позицию (одобрение, осуждение, молчаливое согласие, активный протест, провоцирование, вовлечение в преступную деятельность и т. д.). Именно семья оказывает сильное воздействие на личность осужденного и может способствовать либо его исправлению, либо, наоборот, поощрению его асоциального преступного поведения.

При изучении взаимоотношений с семьей лиц, имеющих алкогольную зависимость, важно знать индивидуальные особенности этих лиц. Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли такие ученые, как Б. С. Братусь [17], И. М. Грязнов [18], Б. В. Зейгарник [19], Ц. П. Короленко [20], А. Е. Личко [21], В. В. Мариллов [22] и др. Ученые отмечают следующие психологические особенности личности алкогольно-зависимых: морально-нравственная незрелость, выраженный инфантилизм, крайний эгоизм и индивидуализм, аффективное мышление, снижение чувства меры, самодовольство, завышенная самооценка, снижение критичности к себе, склонность к самообманам, безответственность перед собой и близкими, ненадежность, крайняя изворотливость, граничащая со лживостью и безответственным фантазированием, ослабление рефлексии.

Организация исследования по изучению семейно-родительских отношений осужденных, имеющих алкогольную зависимость

Исследование проводилось на базе ИК-12 УФСИН России по Вологодской области. Выборка эмпирического исследования была сформирована из осужденных, имеющих алкогольную зависимость (150 мужчин). Для исследования была выбрана психодиагностическая методика С. Ю. Куприянова «Шкала семейного окружения» (10 шкал: сплоченность, экспрессивность, конфликт, независимость, морально-нравственный аспект, организация, контроль; всего 90 вопросов [23]). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1
Результаты исследования, полученные по методике С. Ю. Куприянова «Шкала семейного окружения» в группе осужденных

Шкала	Средние значения
Сплоченность	6,2
Экспрессивность	5,1
Конфликтность	6,4
Независимость	4,3
Ориентация на достижение	5,0
Интеллектуально-культурная ориентация	4,8
Ориентация на активный отдых	4,9
Морально-нравственный аспект	4,6
Организация	5,6
Контроль	3,6

Из данных таблицы видно, что осужденные, имеющие алкогольную зависимость, были ограничены в открытом выражении своих чувств и эмоций, подавляли их при общении с близкими людьми (шкала «Экспрессивность»). Вероятно, алкоголь позволял испытуемым переживать то, чего им не хватало в семье, компенсировать недостающее межличностное общение и контакты, в связи с этим постепенно выработалась биологическая и психологическая зависимость от алкоголя.

Данные таблицы также указывают, что лица, имеющие алкогольную зависимость, часто становились участниками конфликтных взаимоотношений в семье (шкала «Конфликтность»). При этом, находясь в конфликтных семейных ситуациях, человек, как правило, имеет заниженную самооценку, демонстрирует неуверенность и склонность к депрессивным состояниям. Также это может выражаться и в появлении агрессии и жестокости, ухудшении взаимоотношений с окружающими и в итоге привести к совершению противоправных поступков. Возможно, что данными лицами труднее усваиваются моральные и общекультурные ценности и обнаруживаются черты характера, затрудняющие социализацию.

Анализ результатов исследования показал, что у лиц, имеющих алкогольную зависимость, низкие значения по шкалам «Независимость» и «Контроль». Это может свидетельствовать о слабом развитии таких характерологических особенностей, как стремление к самоутверждению, управление своим поведением,

самостоятельность в принятии решений, выраженность иерархичности семейной организации и степень интереса членов семьи друг к другу.

У зависимых осужденных отсутствуют социальные интересы, проявляются инфантилизм и низкий уровень стрессоустойчивости, отмечается узкое миропонимание, ориентированное только на получение объекта зависимости. Осужденные данной категории затрудняются в установлении коммуникативных связей и боятся устойчивых отношений, поэтому формально исполняют те социальные роли, которые им навязываются. При этом внешняя социабельность аддиктивных личностей является проявлением манипулятивного поведения с характерными для них

неустойчивыми и поверхностными эмоциональными связями.

Также для исследования была выбрана методика В. Хьюлса «Рисунок семьи» [24], разработанная в 1951 г. и предназначенная для выявления особенностей внутрисемейных отношений (отношение к членам своей семьи, восприятие своей роли в семье, характеристика отношений, которые вызывают в ней тревожные и конфликтные чувства): в рисунке анализируются последовательность изображения членов семьи и их занятия, пространственное расположение, качество изображения и т. д. (стандартный лист бумаги, карандаши и ластик, инструкция испытуемому). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты исследования, полученные по методике В. Хьюлса «Рисунок семьи» в группе осужденных

Признак	Интерпретация	Количество осужденных, указавших данный признак (%)
Изображение полной семьи	Благоприятная семейная ситуация	72
Изображение неполной семьи	Неблагоприятная семейная ситуация	28
Отсутствие автора	Чувство незащищенности, отверженности	24
Близкое расположение членов семьи	Тесные связи, потребность в эмоциональной близости	68
Расстояние между членами семьи (члены семьи отдалены)	Разобщение, слабость эмоциональных контактов	32
Расстояние между членами семьи (автор изолирован)	Степень доверия	12
Степень аккуратности прорисовки (голова, руки)	Хорошее расположение духа, раскованность, отсутствие напряжения	28
Вид изображения (декорирование одежды)	Благоприятные взаимоотношения, достаток внимания	28
Использование ярких цветов	Наличие положительных эмоций	0
Большой размер изображенных фигур	Высокая значимость изображенного объекта	28
Центральное изображение людей на рисунке	Адекватный уровень самооценки	52
Наличие других признаков (природа, животные, дома)	Недостаток общения, теплых взаимоотношений	56

По результатам исследования, полученным по методике «Рисунок семьи», 24 % осужденных с алкогольной зависимостью отметили отсутствие чувства общности с семьей, отвержение или непринятие их членами семьи, отсутствие эмоционального контакта с родными. Расположение членов семьи на рисунках указывает также на психологические особенности их взаимоотношений. Так, у большинства респондентов наблюдается близкое расположение членов семьи. Вероятно, это обусловлено тем, что, находясь в условиях изоляции, осужденные стали ценить эмоциональные контакты с родными. В 12 % случаев у осужденных с алкогольной зависимостью автор на рисунках изображен изолированно от других членов семьи, что говорит о низкой степени доверия.

У 28 % осужденных с алкогольной зависимостью на рисунках присутствуют элементы декорирования одежды, что свидетельствует о недостаточно благоприятных отношениях в семье и недостатке внимания со стороны родных. В большинстве рисунков осуж-

денных все члены семьи расположены не в центральной части листа, что говорит о недостаточно стабильной самооценке. Прорисовка природы, животных, домов и других дополнений при рисовании может указывать на попытку заполнить пустоту, возместить нехватку близких, теплых отношений, компенсировать недостаточность эмоциональных связей. У зависимых осужденных в большей части рисунков представлены данные детали.

Результаты

В ходе проведенного исследования выявлено, что осужденные с зависимостью имеют изменения психики с проявлением сильных эмоций в результате ухода от реальности, которое выражается в деструктивном поведении. Осужденные данной категории не ориентированы на изменение своей личности, у них отсутствуют планы на самообразование, мотивация на прогнозирование своего будущего. Отсутствие самоконтроля, нарушения конструктивного общения и низкая самооценка способствуют негативным взаимоотношениям в семье, характеризующимся от-

сутствием чувства собственного достоинства, нарушением эмоциональной сферы, вызывающим трудности в поддержании длительных и доверительных отношений.

Для работы с данной категорией лиц целесообразно использовать специально разработанные психолого-педагогические программы, направленные на коррекцию искаженных семейных ценностей, развитие навыка восприятия информации и формирование навыка установления психологического контакта (примерные темы для разработки программ: «Семья – базовая ценность общества», «Социальная адаптация личности», «Развитие и формирование семейных ценностей», «Семья – это семь Я» и др.).

Заключение

Употребление алкоголя является серьезной проблемой современного общества, поскольку оказывает негативное влияние не только на здоровье человека, но и на повышение уровня преступности в стране.

Поэтому сотрудникам пенитенциарных учреждений необходимо обратить внимание на особую группу – осужденных с алкогольной зависимостью, которые отличаются перепадами настроения, депрессивными проявлениями, неуступчивыми морально-нравственными взглядами и т. д.

Изучая особенности отношения к семье данных осужденных, было выявлено, что у них отмечается негативный характер общения с близкими людьми, что вызывает трудности в поддержании длительных и доверительных взаимоотношений. Основными задачами коррекционной работы будут являться развитие чувства уважения и принятия членов семьи, формирование ответственного отношения к семейным связям и обязательствам, а также понимание необходимости семьи и планирования будущих семейных отношений для предотвращения рецидива и установления социально полезных связей с родственниками, которые их ждут на свободе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Медицинские, социальные и экономические последствия наркомании и алкоголизма : моногр. / [Е. А. Кошкина и др.]. М., 2008. 287 с.
2. Ганджалиев А. А. Алкоголизм – проблема современной России? URL: <https://rehabfamily.com/articles/alkogolizm-v-rossii/> (дата обращения: 18.03.2024).
3. РИА новости: МВД назвало долю преступлений, совершенных в нетрезвом состоянии. URL: <https://ria.ru/20211020/prestupleniya-1755354897.html> (дата обращения: 17.03.2024).
4. Антонян Ю. М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение : генезис и профилактика дезадаптивных преступлений. Ереван, 1987. 202 с.
5. Бодалев А. А. Семья в психологической консультации: опыт и проблемы психологического консультирования / [А. А. Бодалев и др.]; под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М., 1989. 206 с.
6. Варга А. Я., Драбкина Т. С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб., 2001. 144 с.
7. Деусова Т. П. Совместная работа школы и семьи по формированию морально-политических представлений у младших школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1978. 19 с.
8. Леви В. Л. Нестандартный ребенок. 3-е изд. М., 1989. 256 с.
9. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983. Т. 1. 392 с.
10. Макаренко А. С. Книга для родителей: к 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко. М., 1988. 300 с.
11. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. СПб., 2013. Т. I. 371 с.
12. Браун Дж., Кристкнсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. СПб., 2001. 352 с.
13. Сатир В. Психотерапия семьи = Psychotherapy of family / пер.: И. Авидон, О. Исакова. СПб., 2000. 283 с.
14. Эрикссон М., Хейли Дж. Стратегии семейной терапии. М., 2001. 448 с.
15. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений : курс лекций. М., 2011. 512 с.
16. Ивлева В. В. Психология семейных отношений. М., 2016. 352 с. URL: <https://dic.academic.ru/book.nsf/66062691/Психология+семейных+отношений?ysclid=itx67cv1i4946611538> (дата обращения: 18.03.2024).
17. Братусь Б. С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М., 1974. 96 с.
18. Грязнов И. М. Ценностные ориентации при алкогольной зависимости // Студенчество и наука 21 века : материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2013. С. 76–79.
19. Зейгарник Б. В. Патопсихология : учеб. пособие. М., 1999. 76 с.
20. Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1991. № 1. С. 8–15.
21. Личко А. Е., Битенский В. С. Подростковая наркология. Л., 1991. 231 с.
22. Марилов В. В., Яшин Н. А. Особенности злоупотребления психоактивными веществами подростками при психопатии возбудимого круга // Вестник РУДН (Медицина). 2003. № 2. С. 103–105.
23. Шкала семейного окружения (ШСО). Методика FamilEnvironmentalSkale (FES). Р. Х. Мус, адаптация С. Ю. Куприянова. URL: <https://psycabi.net/testy/650-shkala-semejnego-okruzeniya-shso-metodika-famil-environmental-skale-fes-r-kh-mus-adaptatsiya-s-yu-kupriyanova> (дата обращения: 18.01.2024).
24. Гребень Н. Ф. Психологические тесты для профессионалов. Мн., 2007. 496 с.

REFERENCES

1. Koshkina E.A. et al. *Meditsinskie, sotsial'nye i ekonomicheskie posledstviya narkomanii i alkogolizma: monogr.* [Medical, social and economic consequences of drug addiction and alcoholism: monograph]. Moscow, 2008. 287 p.
2. Gandzhaliev A.A. *Alkogolizm – problema sovremennoi Rossii?* [Is alcoholism the problem of modern Russia?]. Available at: <https://rehabfamily.com/articles/alkogolizm-v-rossii/> (accessed March 18, 2024)

3. RIA novosti: MVD nazvalo dolyu prestuplenii, sovershennykh v netrezvom sostoyanii [RIA Novosti: the Ministry of Internal Affairs named the proportion of crimes committed under the influence of alcohol]. Available at: <https://ria.ru/20211020/prestupleniya-1755354897.html> (accessed March 17, 2024).
4. Antonyan Yu.M. *Psikhologicheskoe otchuzhdenie lichnosti i prestupnoe povedenie: genesis i profilaktika dezadaptivnykh prestuplenii* [Psychological alienation of personality and criminal behavior: genesis and prevention of maladaptive crimes]. Erevan, 1987. 202 p.
5. Bodalev A.A. *Sem'ya v psikhologicheskoi konsul'tatsii: opyt i problemy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya* [Family in psychological counseling: experience and problems of psychological counseling]. Moscow, 1989. 206 p.
6. Varga A.Ya., Drabkina T.S. *Sistemnaya semeinaya psikhoterapiya: kratkii leksionnyi kurs* [Systemic family psychotherapy: short lecture course]. Saint Petersburg, 2001. 144 p.
7. Deusova T.P. *Sovmestnaya rabota shkoly i sem'i po formirovaniyu moral'no-politicheskikh predstavlenii u mladshikh shkol'nikov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Joint work of the school and the family on the formation of moral and political ideas among younger schoolchildren: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 1978. 19 p.
8. Levi V.L. *Nestandartnyi rebenok* [Non-standard child]. Moscow, 1989. 256 p.
9. Leont'ev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t. T. 1* [Selected psychological works: in 2 volumes. Volume 1]. Moscow, 1983. 392 p.
10. Makarenko A.S. *Kniga dlya roditel'ei: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Makarenko* [Book for parents: to the 100th anniversary of the birth of A.S. Makarenko]. Moscow, 1988. 300 p.
11. Ushinskii K.D. *Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoi antropologii. Tom I* [Man as a subject of education. The experience of pedagogical anthropology. Volume 1]. Saint Petersburg, 2013. 371 p.
12. Braun J., Kristksen D. *Teoriya i praktika semeinoi psikhoterapii* [Theory and practice of family psychotherapy]. Saint Petersburg, 2001. 352 p.
13. Satyr V. *Psikhoterapiya sem'i* [Psychotherapy of family]. Saint Petersburg, 2000. 283 p.
14. Erickson M., Haley J. *Strategii semeinoi terapii* [Strategies of family therapy]. Moscow, 2001. 448 p.
15. Schneider L.B. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii: kurs lektsii* [Psychology of family relations: course of lectures]. Moscow, 2011. 512 p.
16. Ileva V.V. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii* [Psychology of family relations]. Moscow, 2016. 352 p. Available at: <https://dic.academic.ru/book.nsf/66062691/Psikhologiya+semeinykh+otnoshenii?ysclid=ltx67cv1i4946611538> (accessed March 18, 2024).
17. Bratus' B.S. *Psikhologicheskii analiz izmenenii lichnosti pri alkogolizme* [Psychological analysis of personality changes of alcohol addicts]. Moscow, 1974. 96 p.
18. Gryaznov I.M. Value orientations in alcohol dependence. In: *Studenchestvo i nauka 21 veka: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Studentship and science of the 21st century: materials of the International scientific and practical conference]. Kazan, 2013. Pp.76–79. (In Russ.).
19. Zeigarnik B.V. *Patopsikhologiya: ucheb. posobie* [Pathopsychology: textbook]. Moscow, 1999. 76 p.
20. Korolenko Ts.P. Addictive behavior. General characteristics and patterns of development. In: *Obozrenie psikhologii i meditsinskoj psikhologii im. V.M. Bekhtereva = Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev*, 1991, no. 1, pp. 8–15. (In Russ.).
21. Lichko A.E., Bitenski B.C. *Podrostkovaya narkologiya* [Adolescent narcology]. Leningrad, 1991. 231 p.
22. Marilov V.V., Yashin Kh.A. Features of substance abuse in adolescents with psychopathy of the excitable circle. *Vestnik RUDN (Meditsina) = Bulletin of the RUDN (Medicine)*, 2003, no. 2, pp. 103–105. (in Russ.).
23. *Shkala semeinogo okruzheniya (ShSO). Metodika Famil'no-Environmental'skale (FES). R.Kh. Mus, adaptatsiya S.Yu. Kupriyanova* [The Family Environment Scale by R. Moos as adapted by S.Yu. Kupriyanov]. Available at: <https://psycabi.net/testy/650-shkala-semejnogo-okruzheniya-shso-metodika-famil-environmental-skale-fes-r-kh-mus-adaptatsiya-s-yu-kupriyanova> (accessed January 18, 2024).
24. Greben' N.F. *Psikhologicheskie testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk, 2007. 496 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 19.03.2024

Представления сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о модели служебного поведения, формирующей гуманное отношение к осужденным

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Реферат

Введение: в контексте поступательного процесса гуманизации отечественной пенитенциарной системы представляют актуальность вопросы, связанные с отдельными сторонами профессиональной деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Проанализированы с психологической точки зрения особенности служебной деятельности сотрудников при организации исправительного процесса в местах лишения свободы. *Цель:* выявление субъективной составляющей профессиональной деятельности через конкретизацию представлений и взглядов сотрудников уголовно-исполнительной системы в сфере гуманного отношения к осужденным с последующим выбором социально одобряемой модели служебного поведения. *Методы:* применен психологический вербально-коммуникативный метод с использованием специально разработанной под цель исследования авторской анкеты. В качестве респондентов выступили действующие сотрудники, а также члены общественных наблюдательных комиссий (n=150, всего 3 фокус-группы). *Результаты:* акцентировано внимание на субъективной стороне выполнения сотрудниками служебных задач на функциональных моделях поведения, особенностях восприятия ситуаций в процессе оказания пенитенциарного воздействия на осужденных, готовности демонстрировать гуманное отношение к лицам, отбывающим уголовные наказания. Выявлены представления респондентов о значимых и незначимых личностных качествах, способствующих либо препятствующих процессу гуманизации в местах лишения свободы, о модели служебного поведения, позволяющей эффективно осуществлять исправительный процесс с использованием гуманных методов воздействия. *Выводы:* выбор сотрудниками модели служебного поведения, в основе которой лежит гуманное отношение к личности осужденного, является действенным инструментом профессиональной деятельности в рамках общей гуманизации социальной сферы. Это позволяет расширить возможности пенитенциарного процесса, ядро которого составляют основополагающие принципы построения и реализации социально одобряемой практики исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: пенитенциарная система; сотрудник уголовно-исполнительной системы; осужденные; служебная деятельность; модель поведения; представления; гуманное отношение.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Писарев О. М. Представления сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о модели служебного поведения, формирующей гуманное отношение к осужденным // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 210–218. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.012.

Original article

Ideas of Russian Penal System Employees about the Official Behavior Pattern Forming a Humane Attitude towards Convicts

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Abstract

Introduction: issues related to certain aspects of the professional activities of personnel of institutions and bodies executing criminal penalties in the context of the progressive process of humanization of the domestic penitentiary system are relevant. Features of the staff's official activities when organizing the correctional process in places of detention are analyzed from a psychological point of view. *Purpose:* to identify the subjective component of professional activity through concretization of the ideas and views of penal system employees about humane treatment of convicts, followed by the choice of a socially approved pattern of official behavior. *Methods:* the author applied a psychological verbal and communicative method and used an author's questionnaire specially developed for the purpose of the study. The study covered current penal system employees and public monitoring commission members (n=150, 3 focus groups). *Results:* attention is focused on the subjective side of the performance of official tasks by employees, which is based on existing functional behaviors, specifics of perception of situations in the process of exerting penitentiary influence on convicts, willingness to demonstrate humane attitude towards persons serving criminal sentences. The author determined respondents' ideas about significant and insignificant personal qualities that contribute to or hinder the process of humanization in places of deprivation of liberty, their understanding of readiness and their definition of the official behavior pattern that allows them to effectively and systematically carry out the correctional process using humane methods of influence. *Conclusion:* employees' choice of the official behavior pattern based on a humane attitude towards the personality of a convicted person is an effective tool for professional activity within the framework of general humanization of the social sphere. This makes it possible to expand possibilities of the ongoing penitentiary process, the core of which is the fundamental principles of the construction and implementation of socially approved practice of the execution of criminal penalties.

Keywords: penitentiary system, penal system employee, convicts, official activity, behavior pattern, ideas, humane attitude.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Pisarev O.M. Ideas of Russian penal system employees about the official behavior pattern forming a humane attitude towards convicts. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 210–218. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.012.

Введение

Динамическая составляющая развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на современном этапе определяется не только спецификой стоящих перед ней вызовов, целей и задач, но и постоянно меняющимся соотношением правовых, социальных, психологических и педагогических элементов служебной деятельности, находящих свое выражение как на объективном, так и на субъективном уровнях. Профессиональная пенитенциарная деятельность рассматривается как специфическая форма отношений среди сотрудников, между персоналом пенитенциарных учреждений и объектом уголовно-исполнительного воздействия, направленная на решение задач по исполнению уголовного наказания, возлагаемых на сотрудников нормативными документами, и требующая от них высокой степени развития умений и обширной специализированной

подготовки с целью исполнения данной социальной роли. Как известно, в современном обществе существует большое количество профессий, характеризующихся интенсивным характером межличностных связей в специфических социальных областях, в том числе имеющих выраженную экстремальную и конфликтогенную составляющую. К числу таких сфер, безусловно, относится и профессионально-служебная деятельность в пенитенциарной системе, которая осуществляется в напряженных, конфликтных ситуациях, а в отдельных случаях – опасных для жизни обстоятельствах. Подобные условия могут оказывать негативное воздействие на личность, создавать определенные сложности в решении профессиональных задач, отрицательно сказываться на эффективности их выполнения. В то же время базис профессиональной деятельности сотрудников содержит в себе такие важные компоненты, как психологиче-

ская устойчивость, умение конструктивно и грамотно осуществлять коммуникацию с различными категориями граждан, выстраивать эффективный и разумный алгоритм действий в экстремальных условиях и ситуациях.

В последнее время в уголовно-исполнительной системе наблюдается комплекс проблем, которые в отдельных случаях «приводят к нарушению прав осужденных и негативно сказываются на общественном мнении о системе, исполняющей уголовные наказания, в целом, непрофессионализме сотрудников в частности» [1, с. 272]. В связи с этим возникает «необходимость в поиске путей улучшения эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС, направленной в том числе на осуществление исправительного воздействия на осужденных гуманными методами» [2, с. 24].

Парадоксально, но на сегодня исследований, посвященных проблемам лиц, находящихся в местах лишения свободы, имеется гораздо больше, чем исследований, посвященных ответственному за работу с ними. Поскольку в большинстве случаев объектом деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений являются осужденные, то учет этого фактора является одним из основополагающих в поступках и действиях персонала. В связи с этим можно определить ряд специфических требований к профессиональной пенитенциарной деятельности, имеющих для нас важное психологическое содержание: а) формирование персоналом ФСИН России просоциальной направленности у лиц, совершивших преступные деяния; б) развитие и совершенствование у сотрудников практических умений и навыков, направленных на изучение личности осужденного в процессе отбывания им уголовного наказания, в том числе с использованием психологических критериев; в) развитие и поддержание на высоком уровне профессионально важных качеств, связанных с оценкой оперативной обстановки в ходе служебной деятельности; г) формирование профессиональной установки, направленной на недопущение применения сотрудниками недопустимых методов воздействия, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения, неправомерного применения физической силы и специальных средств.

В то же время существует понимание того, что достижение названных требований представляется достаточно сложным. В настоящий момент профессии, относящиеся к пенитенциарной сфере, требуют наличия у сотрудника широкого круга компетенций в области управления персоналом, юриспруденции, педагогики, социальной и клинической психологии, конфликтологии для своевременного и обоснованного принятия служебных решений, умения грамотно выстраивать и поддерживать межличностные отношения в профессиональной сфере, осуществления специфических функций, связанных с исполнением уголовных наказаний, что, к сожалению, не практике наблюдается не всегда. В этой связи важность формирования и совершенствования соответствующих профессиональных компетенций у персонала уголовно-исполнительной системы продиктована про-

должающейся гуманизацией отечественной уголовно-исполнительной политики, что нашло отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года и позволяет говорить о наличии объективной необходимости полного отказа от стереотипных подходов к обращению с осужденными и перехода к реальному гуманному отношению к ним персонала учреждений и органов ФСИН России [3, с. 48].

Эмпирическая часть

Как известно, гуманное отношение к осужденному к лишению свободы является предметом исследования многих ученых и общественных деятелей, что уже само по себе делает его «многоаспектным, достаточно сложным для изучения и в определенной степени противоречивым» [4, с. 23]. Применительно к осужденным рассмотрение понятия гуманизма «сопряжено с правами человека, анализом условий содержания в части отношения к осужденному с позиции ценности личности» [5, с. 22]. Поэтому гуманизация процесса исправления осужденных «начинается с создания среды, условий исправления в пенитенциарных учреждениях, а также зависит от уровня развития личностных качеств, сформированных профессиональных компетенций» персонала уголовно-исполнительной системы [6, с. 35]. С учетом специфики рассматриваемой проблемы следует сделать акцент на том, что роль и значение процесса гуманизации в местах лишения свободы нельзя недооценивать, поскольку такая форма отношений является одним из ключевых факторов стабильной оперативной обстановки в исправительных учреждениях. Это способствует не только улучшению условий содержания осужденных, но и повышению эффективности их исправления, в том числе благодаря осознанной установке на гуманизм персонала учреждений, исполняющих уголовные наказания.

С учетом обозначенной проблемы представляет интерес субъективная составляющая профессиональной деятельности сотрудников, которая заключается в личностном восприятии и понимании возложенных на них функциональных обязанностей, а также имеющихся на проблему взаимоотношений с осужденными взглядов, выражающихся в выборе той или иной модели служебного поведения при осуществлении пенитенциарного воздействия.

С этой целью на базе Томского института повышения квалификации работников ФСИН России в 2023 г. был проведен опрос, в котором приняли участие действующие сотрудники, проходящие обучение (профессиональное образование, профессиональную переподготовку, повышение квалификации), а также члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК). Для проведения анкетирования и последующей обработки результатов респонденты были разделены на две экспериментальные фокус-группы с учетом имеющегося профессионального опыта и контрольную фокус-группу.

Первая фокус-группа – сотрудники, имеющие стаж службы до одного года, проходящие обучение по образовательной программе «Профессиональное обучение граждан, впервые принятых на служ-

бу в УИС» – 42 чел. (n=42). Состав группы позволяет предположить у респондентов низкую и среднюю сформированность модели служебного поведения, частью которой является гуманное отношение к лицам, находящимся в условиях социальной изоляции. Данная группа представлена относительно равными долями женщин (n=24, 57,1 %) и мужчин (n=18, 42,9 %), что подтверждает сохранение общей тенденции ежегодного роста количества женщин на службе в уголовно-исполнительной системе. Все сотрудники фокус-группы 1 имеют возраст до 40 лет: 73,8 % – от 18 до 30 лет, и только 26,2 % – от 30 до 40 лет.

Вторая фокус-группа – сотрудники, имеющие стаж службы от 5 лет и более, функциональные обязанности которых непосредственно связаны с обеспечением недопущения применения сотрудниками недозволённых методов воздействия, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения, неправомерного применения физической силы и специальных средств. В данную группу вошли сотрудники отделов безопасности, режима, оперативных отделов, начальники отрядов, сотрудники психологических лабораторий – всего 98 человек (n=98), а также сотрудники, у которых предполагается наличие более целостной модели служебного поведения, способствующей гуманизации процесса исправления осуждённых. Отметим, что распределение сотрудников, имеющих стаж службы от 5 лет и более, по половому признаку существенно отличается от полученных данных по фокус-группе 1: доля мужчин составляет 76,5 % (n=75), женщин – 23,5 % (n=23). Возрастной состав второй фокус-группы позволил выделить две относительно равные группы: от 25 до 35 лет – 54 %, от 35 до 45 лет – 46 %.

Третья фокус-группа – члены общественных наблюдательных комиссий, лица, осуществляющие общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, – 10 чел. (n=10), которые выступили супервайзерами (сторонними экспертами), хорошо знакомыми с проблемой возможного применения сотрудниками недозволённых (антигуманных) методов воздействия на осуждённых (подозреваемых, обвиняемых).

Таким образом, общее количество респондентов составило 150 чел. (n=150).

Нами уже было отмечено, что прохождение службы в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, предъявляет повышенные требования к морально-нравственным качествам сотрудников, уровню их «эмоциональной выдержки, терпимости, самообладанию, наличию социального иммунитета к возможному воздействию криминальной субкультуры и иных неблагоприятных факторов» [7, с. 50]. В этой связи особую важность представляют личностные качества, которые в служебной деятельности сотрудников становятся профессионально значимыми и необходимыми при решении различных связанных с взаимоотношениями и взаимодействием в контексте существующей диады «сотрудник – осуждённый» ситуаций и учет которых будет способствовать выработке соответствующих умений и навыков в рамках гуманного осуществления пени-

тенциарного (исправительного) процесса в работе с осуждёнными.

Анализ полученных данных показал, что больше половины респондентов, имеющих стаж службы до одного года (первая фокус-группа), на первое место поставили такое качество, как «стрессоустойчивость» (66,7 %). При этом, исходя из обработки результатов ранжированности рассматриваемых показателей, на одно из первых трех мест указанное качество поставили 90 % опрошенных. Не вызывает сомнений, что устойчивость к стрессу является важной составляющей при рассмотрении специфики пенитенциарной деятельности. Персоналу пенитенциарной системы предъявляются высокие требования по целому ряду параметров, в том числе и по уровню стрессоустойчивости, который должен быть высоким, чем у обычного гражданина.

На втором месте находится такое качество, как «уравновешенность» (на одно из первых трех мест его поставили 40,1 % респондентов). Полагаем, что оно имеет важное значение при решении различных задач оперативно-режимного и воспитательного характера, поскольку сотрудники должны уметь контролировать свои эмоции и оставаться спокойными в сложных ситуациях. Это позволяет им эффективно выполнять служебные обязанности и обеспечивать безопасность как коллег, так и лиц, находящихся в местах лишения свободы. Представляется важным, что сотрудник в любых сложных ситуациях остается спокойным, принимает решения на основе логики и здравого смысла, а не эмоций. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что стрессоустойчивость и уравновешенность являются ключевыми взаимосвязанными качествами, необходимыми для эффективного выполнения задач в рамках профессиональной пенитенциарной деятельности, связанной с гуманизацией процесса и условий отбывания осуждёнными уголовного наказания.

Третье место опрашиваемыми отдано качеству «справедливость» (общее ранговое значение с учетом степени значимости первых трех мест составило 30,1 %), которое в большей степени можно рассматривать как одну из нравственных ценностей, приобщение к которой позволит формировать позитивную профессиональную направленность в процессе как своего личностного самоопределения, так и служебной деятельности.

Тем не менее следует обратить внимание на тот факт, что к незначимым качествам (последние три места в ранжированном списке) респонденты отнесли «искренность» (26,7 %), «инициативность» (23,3 %), «справедливость» (23,2 %), «безоценочность» (20 %), «эмпатию» (20 %).

Для нас указанные качества в той или иной степени представляются важными. Однако в данном случае мы видим их недооцененность со стороны молодых сотрудников, поскольку вероятно, поступив на службу, они столкнулись с жесткой субординацией, присущей служебным коллективам, выполняющим важные правоохранительные функции, действующим принципом единоначалия, доминирующей установкой со стороны руководства на требовательность и

доминантность по отношению к лицам, отбывающим уголовные наказания в местах лишения свободы. Другими причинами могут быть: недостаточное осознание сотрудником своих сильных сторон ввиду небольшого периода времени нахождения на службе, отсутствие профессионального опыта, психологическое отрицание отдельных качеств, субъективно понимаемых как ненужные и неважные.

Полагаем, что в этом случае большая роль должна отводиться сотрудникам психологической службы, которым необходимо уделить внимание развитию стрессоустойчивости, уравновешенности в ходе выполнения функциональных обязанностей, а также коммуникативных качеств. Именно гармоничное сочетание актуальных элементов в структуре личности молодого сотрудника с учетом развития профессиональных способностей позволят сформировать доминирующую направленность его личности в русле гуманизации процесса пенитенциарного воздействия.

Несколько иная картина наблюдается при анализе ответов респондентов – действующих сотрудников, имеющих стаж службы более 5 лет (вторая фокус-группа). Так же, как и респонденты первой фокус-группы, наиболее значимым качеством, способствующим недопущению применения сотрудниками недозволённых методов воздействия в отношении осуждённых (подозреваемых, обвиняемых), они выделили «стрессоустойчивость» (50,1 %). Следующим по значимости показателем сотрудники считают «уравновешенность» (24,5 %), на третьем месте – «справедливость» (16,3 %).

Примечательно, что указанные три качества стабильно занимают высокие позиции в ответах большинства опрошенных. С учетом суммарных показателей ранжирования по степени значимости первых трех мест «стрессоустойчивость» выбрали 80,7 % респондентов, «уравновешенность» – 58,2 %, «справедливость» – 52 %. Также следует обратить внимание на то, что к числу важных личностных качеств действующие сотрудники отнесли «организованность» (36,7 % по сумме первых трех мест по степени значимости), «коммуникабельность» (35,7 %).

Следующие качества, по мнению опытных сотрудников, не представляются актуальными: «искренность» (52 % опрошенных поставили это качество на последние три места), «безоценочность» (43,9 %), «эмпатия» (39,7 %). На наш взгляд, недооценка сотрудниками обозначенных качеств может выступать своеобразным маркером формирования эмоционального выгорания и, как следствие, профессиональной деформации.

К сожалению, приходится констатировать определенный нездоровый скептицизм и личностную отстраненность в ходе работы с осуждёнными, проявления узкоэгоистических интересов, своеобразного «закрытого» понимания своей профессиональной деятельности. Это приводит многих сотрудников ФСИН России к искажению морально-нравственных установок, нивелированию базовых личностных качеств, связанных с уважением и защитой прав, свобод и человеческого достоинства.

Члены общественно-наблюдательных комиссий (третья фокус-группа) также наиболее значимым качеством выделили «стрессоустойчивость» (60 %). Но наблюдается и ряд отличий, связанных с несколько иным взглядом респондентов на профессиональную деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы, в том числе и критического характера. Так, 20 % опрошенных на первое место поставили такие качества, как «безоценочность» и «искренность».

Отметим, что персонал уголовно-исполнительной системы данные качества не определяет как значимые при осуществлении пенитенциарных мероприятий с лицами в местах лишения свободы. По мнению членов общественных наблюдательных комиссий, немаловажное значение имеет актуализация приемов психологической верификации искренности в поведении человека, что является важной предпосылкой успешной профессиональной деятельности сотрудников. То же можно сказать и о безоценочности как важной компетенции для успешного межличностного общения и профессиональной деятельности, помогающей видеть осуждённого объективно, понимать и давать ему оценку без предвзятости и суждений. Также обращает на себя внимание высокая значимость такого качества, как «уравновешенность» (80 % опрошенных поставили его на второе место). Сотрудники ФСИН России работают с людьми, которые находятся в трудной жизненной ситуации, сталкиваются с непредсказуемостью их поведения. Поэтому уравновешенность, по мнению респондентов фокус-группы 3, является одним из важных качеств, которое должен иметь сотрудник. Уравновешенный сотрудник способен эффективно управлять сложными ситуациями, сохраняя при этом эмоциональную стабильность, контроль над эмоциями, в том числе при решении вопросов, связанных с оценкой поведения лиц, отбывающих уголовные наказания.

К числу незначимых личностных качеств, которые, как полагают члены общественных наблюдательных комиссий, способствовали бы недопущению применения ими недозволённых методов воздействия, относятся «эмпатия», «эмоциональная гибкость», «инициативность». Тем не менее хотелось бы обратить внимание на то, что отсутствие контроля за своим эмоциональным состоянием может стать причиной негативных последствий на службе, таких как потеря контроля над ситуацией, ошибки в принятии решений, межличностные конфликты. С другой стороны, респонденты отмечают, что сотрудники должны уметь устанавливать границы в отношениях с осуждёнными, чтобы не допустить нарушения своих прав и не подвергнуться эмоциональному давлению со стороны представителей криминальной среды. Поэтому необходимо обратить внимание на управление эмоциями и их роль в деятельности сотрудника.

Следующим важным аспектом исследования стало выявление мнения респондентов относительно выбора модели поведения, которая указывает на то, что сотрудник готов (склонен) применить антигуманные (недозволённые) методы воздействия. Как уже было отмечено, сотрудники проходят службу в сложных стрессовых ситуациях, подвергаясь професси-

ональному риску, испытывая негативное психологическое воздействие подозреваемых, обвиняемых и осужденных, что неизбежно приводит к личностным изменениям, выражающимся в таких проявлениях их профессиональной деформации, как «повышенная агрессивность и эмоциональность, раздражительность, фрустрация, депрессия, речевая агрессия» [8, с. 49].

Респонденты первой фокус-группы выделили следующие поведенческие качества (индикаторы), которые сигнализируют о том, что сотрудник готов применить в отношении осужденного недозволенные методы воздействия, характеризующиеся как антигуманные: проявление сотрудником физической агрессии в случае несогласия с его мнением (23 %), вспыльчивости, если его указания не выполняются (23 %), проявление сотрудником чрезмерной настойчивости в отношениях с другими людьми (15,4 %), демонстрация сотрудником вербальной агрессии в случае несогласия с его мнением (15,4 %).

В наименьшей степени будут способствовать готовности к совершению недозволенных действий демонстрация сотрудником равнодушия в случае обращения осужденного к нему с проблемой (на последние три места этот показатель поставили 69,2 % опрошенных), демонстрация завышенной самооценки (61,5 %), совершение по отношению к осужденным действий, носящих корыстный характер (38,5 %).

Представляется важным аспектом рассмотрение профессиональных поведенческих моделей и проявлений действующих сотрудников, имеющих стаж службы свыше 5 лет. Полагаем, что одна из проблем заключается в том, что сотрудники, используя свои властные полномочия и должностное положение, в случае возникновения конфликтных ситуаций при проведении мероприятий с осужденными могут допускать проявления физической агрессии по отношению к последним. Не вызывает сомнения тот факт, что указанная проблема является весьма актуальной, поскольку на ее существование указали 63,3 % действующих сотрудников, при этом 32,7 % поставили ее на первое место. 19,4 % анкетированных считают, что на готовность применить в отношении осужденного (подозреваемого, обвиняемого) недозволенные методы воздействия может повлиять проявление сотрудником вспыльчивости, если не выполняются его указания. Также следует обратить внимание на демонстрацию сотрудником высокомерия по отношению к осужденным, завышенную самооценку (16,3 % опрошенных считают данный индикатор главным). Также 16,3 % респондентов полагают, что на готовность совершить определенные противоправные действия указывает проявление сотрудником чрезмерной настойчивости в отношениях с другими людьми. Проведенный анализ ранжирования с учетом значимости индикаторов по первым трем позициям также показал, что к высокой вероятности совершения противоправных действий относится демонстрация сотрудником вербальной агрессии в случае несогласия с его мнением (52 %).

К числу незначимых индикаторов респонденты второй фокус-группы отнесли демонстрацию сотруд-

ником равнодушия в случае обращения осужденного к нему с проблемой (24,2 %), демонстрацию завышенной самооценки (22,4 %), проявление сотрудником чрезмерной настойчивости в отношениях с другими людьми (20,4 %).

По мнению респондентов третьей фокус-группы, следует обратить внимание на следующие поведенческие качества (индикаторы), которые сигнализируют о том, что сотрудник готов (склонен) выбрать негуманную модель поведения в отношении осужденных: демонстрация сотрудником вербальной агрессии в случае несогласия с его мнением, а также демонстрация завышенной самооценки (на первые три места указанные индикаторы поставили 80 % опрошенных), проявление сотрудником вспыльчивости, если его указания не выполняются (60 %).

В качестве незначимых индикаторов рассматриваемого параметра выступили: проявление сотрудником чрезмерной настойчивости в отношениях с другими людьми (на последние три места данное качество поставили 100 % опрошенных), а также отсутствие (бездумное изменение) своей точки зрения в силу ведомости, неумение противостоять мнению коллектива (группы) (60 %).

Наконец, для нас представляется наиболее актуальным вероятный (прогнозируемый) выбор той или иной модели поведения, которая выступит маркером того, что сотрудник, наоборот, будет демонстрировать гуманную модель поведения в служебной деятельности. В данном случае представляет важность актуальный поведенческий портрет сотрудника, суть которого заключается в том, что на первый план выходит не само по себе качество характера или психологическая особенность, а то, как это проявится в тех или иных служебных ситуациях, как человек поведет себя в специфических условиях, предусматривающих контакты с лицами, отбывающими уголовные наказания в местах лишения свободы. Например, такой портрет включает в себя и информацию о поведенческих рисках сотрудника, мотивирующих и демотивирующих факторах, коммуникативных особенностях, преобладающем актуальном эмоциональном фоне и др.

Лица из числа впервые принятых на службу полагают, что контроль своего эмоционального состояния, особенно в конфликтных ситуациях, будет способствовать отказу от выбора модели поведения, которое могло бы способствовать применению в отношении осужденных негуманных методов воздействия (это отметили 82 % респондентов, исходя из ранговости ответов, определенных на первые три места о степени значимости, при этом на первое место указанный индикатор поставили 50 %). Следующим по значимости индикатором выступила способность сфокусироваться на важных моментах деятельности в ситуации стресса, не вовлекаться в споры (на первые три места это качество поставили 62,8 % респондентов). Замыкает тройку значимых индикаторов (59,3 % с учетом ранговости ответов, поставленных на первые три места) ориентация сотрудника на главные цели и общие требования при решении служебных задач, несмотря на какие-либо внешние факторы давления.

Не столь значимыми для формирования эффективной поведенческой модели являются: успешное установление контакта с другими людьми, создание атмосферы доверия и взаимопонимания (на последние три места данное качество поставили 73 % респондентов), выявление причин сложившейся нестандартной служебной ситуации с последующим предложением четкого, логичного и реализуемого на практике решения возникшей проблемы (68,2 %), а также необходимость взять ответственность при решении служебных задач, связанных с исполнением уголовных наказаний (67,9 %, при этом на последнее место данный индикатор поставили 36,4 % опрошенных).

Таким образом, представляется важным учет актуального эмоционального состояния молодых сотрудников в ходе выполнения служебных задач, направленных в том числе на соблюдение законности в местах лишения свободы. Полагаем, что это позволит не только улучшить их работу, но и повысить качество исполнения наказаний и защиты прав осужденных.

Установка сотрудника использовать гуманные методы воздействия на осужденного является важным аспектом профессиональной этики. Большинство сотрудников, имеющих большой стаж службы в учреждениях уголовно-исполнительной системы, понимают, что применение негуманных методов может привести к нарушению прав осужденных, а также к негативным последствиям для самих работников исправительных учреждений.

Подавляющая часть опрошенных второй фокус-группы считает, что в ходе пенитенциарного воздействия на осужденных (особенно в конфликтных ситуациях) необходимо держать собственные эмоции под жестким контролем, не давать им выплеснуться наружу, чтобы не спровоцировать дальнейшее развитие какой-либо конфликтной ситуации (на первое место данное качество поставили 56,7 % респондентов, 78,1 % – на первые три места). В данном случае важен учет особенностей речевой деятельности (содержание, интонация речи, подача вербального материала, семантические аспекты), мимики, жестикуляции. Не менее значим и другой поведенческо-волевой аспект, связанный со способностью сотрудника фокусироваться на важных моментах в ходе контакта с осужденным (носящего зачастую стрессовый характер), а также позволяющий не терять из виду главные цели пенитенциарного процесса и общие требования, предъявляемые осужденным, несмотря на имеющиеся внешние социально-психологические факторы давления на личность сотрудника (это отметили 64,3 % респондентов, исходя из ранговости ответов, определенных на первые три места по степени значимости).

Не столь значимыми для формирования эффективной поведенческой модели, по мнению опытных сотрудников, являются: ответственность при решении служебных задач, связанных с исполнением уголовных наказаний (на последнее место данное качество поставили 26,5 % респондентов), а также способность быстро изменять свой подход к принятию решений, когда ситуация того потребует (21,4 %).

Члены общественных наблюдательных комиссий также отмечают важность и актуальность проявле-

ния ряда составляющих профессиональной этики и норм поведения в профессиональной деятельности персонала уголовно-исполнительной системы, к которым относится приверженность к гуманной модели поведения в служебной деятельности. Важно понимать, что наличие такой модели способствует сохранению доверия и уважения со стороны общественности к функционированию Федеральной службы исполнения наказаний, поскольку сотрудники исправительных учреждений являются представителями государства и должны действовать в соответствии с высокими стандартами профессиональных, социальных и моральных норм.

По мнению респондентов третьей фокус-группы, особое значение для сотрудников должна иметь эмоциональная составляющая служебной деятельности. Так, важность контроля эмоций, особенно в конфликтных ситуациях, отметили все респонденты, исходя из ранговости ответов, определенных на первые три места по степени значимости. Также представляется приоритетным тот факт, что в ситуации стресса сотрудник способен сфокусироваться на важных моментах, а не вовлекаться в споры (так считают 80 % респондентов, исходя из ранговости ответов, определенных на первые три места по степени значимости). 40 % опрошенных полагают, что в ходе пенитенциарного воздействия на осужденных сотрудник должен принимать объективные решения, несмотря на психологическое давление со стороны как руководства учреждения, так и представителей криминальной среды.

Как незначимый показатель в системе исполнения наказаний члены общественных наблюдательных комиссий указали возможность изменения своего подхода или стиля работы с осужденными под влиянием изменяющихся в учреждении обстоятельств либо складывающейся ситуации (на последние 2 места указанный фактор поставили 80 % респондентов).

Кроме того, установка на использование гуманных методов воздействия на осужденного имеет практическое значение для обеспечения безопасности и эффективности работы исправительных учреждений. Нарушение прав и достоинства осужденных может привести к конфликтам и насилию внутри учреждения, что создает угрозу для жизни и здоровья не только осужденных, но и сотрудников пенитенциарных учреждений.

Выводы

Сотрудники уголовно-исполнительной системы выполняют обязанности по обеспечению безопасных условий содержания осужденных, сохранения их жизни и здоровья – главной человеческой ценности. Соответственно, гуманное отношение к личности осужденного представляет собой не только основу нормативно-правовой базы отечественного уголовно-исполнительного законодательства, но и задает вектор, направленный на развитие умений и навыков, позволяющих выбрать наиболее эффективную модель служебного поведения.

Учет прогнозируемой модели поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы с выраженным вектором гуманности даст возможность с большой точностью определить основополагающие принципы

построения и реализации профессионального обучения (учебная дисциплина, название темы с учетом специфики обучаемой должностной категории), что в дальнейшем позволит сформировать профессиональные компетенции, направленные на гуманное отношение к осужденным. В этой связи следует уделить особое внимание организационным мерам, которые будут способствовать формированию у сотрудников как профессиональных качеств, так и соответствующих моделей поведения в служебной деятельности, направленных на недопущение антигуманных методов воздействия, бесчеловечного, унижающего человеческое достоинство обращения: личный пример руководителей, демонстрирующих уважение к личности и достоинству сотрудников, проведение специальных тематических занятий в системе служебной подготовки, привлечение к юридической ответственности сотрудников, допустивших физическое и психологическое унижение осужденных.

В заключение отметим, что сегодня с персоналом уголовно-исполнительной системы проводится достаточно широкий комплекс мероприятий, направленных на формирование адекватной мотивации при выполнении служебных задач, актуализацию психологической готовности к несению службы в конкретных обстоятельствах, развитие профессионально-психологических качеств, выработку и развитие умения пользоваться вербальными и невербальными средствами общения при работе с различными категориями осужденных. Соответственно, их профессиональная деятельность как никакая другая направлена на гуманизацию процесса исполнения наказаний посредством смягчения эмоциональной напряженности между персоналом пенитенциарных учреждений и осужденными, что является неотъемлемым компонентом успешности, результативности деятельности пенитенциарной системы в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писарев О. М. Формирование и совершенствование профессиональных компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы как неотъемлемый фактор успешной служебной деятельности // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тезисов выступлений и докладов участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации») (Рязань, 15–17 ноября 2023 г.). Рязань, 2023. С. 272–277.
2. Формирование у обучающихся профессиональных компетенций, направленных на недопущение применения сотрудниками УИС незаконных методов воздействия, бесчеловечного жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения, неправомерного применения физической силы и специальных средств: метод. рекомендации / Т. Н. Коголь и др. Томск, 2022. 63 с.
3. Юнусов А. А., Юнусов С. А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве России как основной фактор обеспечения прав человека в процессе исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 45–49.
4. Гришко А. Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 23–27.
5. Пискунов А. И. Проблема гуманизации подготовки сотрудника уголовно-исполнительной системы // Неделя науки, посвященная 220-летию со дня образования Министерства юстиции Российской Федерации: сб. материалов / сост. А. И. Согрина. Пермь, 2022. С. 21–25.
6. Кундозерова Л. И., Чириков А. Г. Гуманизация процесса воспитания и исправления осужденных: история и современность // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 1 (1). С. 34–44.
7. Кузнецова Л. Э., Бочарова К. А. Особенности профессионального развития личности сотрудника уголовно-исправительного учреждения // Исследования молодых ученых: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2019 г.). Казань, 2019. С. 50–51.
8. Щербakov А. В., Ковалев О. Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1. С. 47–54.

REFERENCES

1. Pisarev O.M. Formation and improvement of professional competencies of employees of the penal system as an integral factor of successful official activity. In: *VI mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov (priurochennyi k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii")*, Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 goda [VI International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 "On Institutions and bodies of the penal enforcement system of the Russian Federation"), Ryazan, November 15–17, 2023]. Ryazan, 2023. Pp. 272–277. (In Russ.).
2. Kogol T.N., Pavlenko A.A., Pisarev O.M. et al. *Formirovanie u obuchayushchikhsya professional'nykh kompetentsii, napravlennykh na nedopushchenie primeneniya sotrudnikami UIS nedozvolennykh metodov vozdeistviya, beschelovechnogo zhestokogo, unizhayushchego chelovecheskoe dostoinstvo obrashcheniya, nepravomernogo primeneniya fizicheskoi sily i spetsial'nykh sredstv: metodicheskie rekomendatsii* [Formation of students' professional competencies aimed at preventing the use of illegal methods of influence, inhuman cruel, degrading treatment by employees of the penitentiary system, unlawful use of physical force and special means: methodological recommendations]. Tomsk, 2022. 63 p.

3. Yunusov A.A., Yunusov S.A. The principle of justice in penal law of Russia as a major factor of human rights in the process of execution of criminal penalties. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 3 (21), pp. 45–49. (In Russ.).
4. Grishko A.Ya. Principle of humanity and democracy in the criminal and executive right. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2014, no. 2 (18), pp. 23–27. (In Russ.).
5. Piskunov A.I. The problem of humanization of the training of an employee of the penal system. In: *Nedelya nauki, posvyashchennaya 220-letiyu so dnya obrazovaniya Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii: sbornik materialov, 8–11 fevralya 2022 g.* [Science Week dedicated to the 220th anniversary of the establishment of the Ministry of Justice of the Russian Federation: collection of materials, February 8–11, 2022]. Comp. by Sogrina A.I. Perm, 2022, pp. 21–25. (In Russ.).
6. Kunduzerova L.I., Chirikov A.G. Humanization of convicts' education and correction: history and present. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogics, Economy and Management*, 2018, no. 1 (1), pp. 34–44. (In Russ.).
7. Kuznetsova L.E., Bocharova K.A. Features of professional personality development of an employee of a correctional facility. In: *Issledovaniya molodykh uchenykh: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', iyun' 2019 g.)* [Research of young scientists: proceedings of the I International Scientific Conference (Kazan, June 2019)]. Kazan, 2019. Pp. 50–51. (In Russ.).
8. Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological-pedagogical and organizational-legal aspects of verbal aggression as a factor that disrupts the activities of correctional institutions that provide isolation from society. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2023, no. 1, pp. 47–54. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Статья поступила 04.04.2024

Научная статья

УДК 378.1

doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.013

Составляющие педагогической культуры преподавателей образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА КИРИЛЛОВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

tatiana-kirillova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>

Реферат

Введение: статья посвящена проблеме повышения профессионально-педагогической культуры преподавателей образовательных организаций ФСИН России. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью научного осмысления сущности, содержания и структуры данного феномена в контексте деятельности ведомственных образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы, трудностями, испытываемыми преподавателями при самоанализе и планировании своего профессионального развития. *Цель:* провести анализ научных представлений о содержании понятий «педагогическая культура», «профессионально-педагогическая культура» и «педагогическое мастерство», выявить структурные составляющие профессионально-педагогической культуры преподавателя ведомственного вуза. *Методы:* теоретические (анализ, сравнение, обобщение, систематизация психолого-педагогической литературы) и эмпирические (наблюдение, опрос, обобщение педагогического опыта). *Результаты:* структура педагогической культуры преподавателей образовательных организаций ФСИН России представлена через выявленные этапы педагогической деятельности и умения, необходимые на каждом выделенном этапе. Первый этап связан с решением психолого-педагогических задач по изучению и диагностике обучающихся, их потребностей и запросов, их интересов, определением комплекса воспитательных и образовательных целей, педагогическим целеполаганием, второй – с планированием, третий – практическим осуществлением намеченных планов, четвертый – анализом педагогических задач, критической оценкой проделанной педагогической работы, преподавательской деятельности. *Выводы:* предложенная структура педагогической культуры преподавателя образовательной организации ФСИН России, определяемая через выявление этапов педагогической деятельности и педагогических умений, необходимых на каждом выделенном этапе, может оказать практическую помощь преподавателям при организации саморазвития, самообразования, самоанализа, самовоспитания, определении уровня своей педагогической зрелости, педагогического мастерства и культуры.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; преподаватели; педагогическая культура; педагогические умения; образовательные организации ФСИН России; уголовно-исполнительная система.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Кириллова Т. В. Составляющие педагогической культуры преподавателей Федеральной службы исполнения наказаний // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 219–228. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.013.

Components of Pedagogical Culture of Teachers at Educational Organizations of the Federal Penitentiary Service

TAT'YANA V. KIRILLOVA

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,

Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia,

tatiana-kirillova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>

Abstract

Introduction: the article considers a problem of improving professional-pedagogical culture of teachers of educational institutions of the Federal Penitentiary Service. The research is relevant, since there is a lack of scientific understanding of the essence, content and structure of this phenomenon in the context of activities of departmental educational institutions and teachers have certain difficulties in introspection and planning their professional development. *Purpose:* to analyze scientific ideas about the content of concepts of pedagogical culture, professional-pedagogical culture and pedagogical proficiency, to identify structural components of professional-pedagogical culture of a teacher at a departmental university. *Methods:* theoretical (analysis, comparison, generalization, systematization of psychological and pedagogical literature) and empirical (observation, survey, generalization of pedagogical experience) research methods. *Results:* the author proposes a structure of pedagogical culture of teachers of educational institutions of the Federal Penitentiary Service, presented through the identified stages of pedagogical activity and pedagogical proficiency necessary at each selected stage. The first stage is associated with the solution of psychological and pedagogical tasks for the study and diagnosis of students, their needs and requests, their interests, the definition of a set of educational and educational goals, pedagogical goal-setting. The second stage is related to planning, the third one includes practical implementation of the plans, the fourth one is the analysis of pedagogical tasks and critical assessment of the pedagogical work done. *Conclusion:* the proposed structure of professional pedagogical skills, a list of pedagogical skills and their generalized qualitative characteristics can provide practical assistance to teachers in organizing self-development, self-education, introspection, self-education, to determine the level of their pedagogical maturity, pedagogical skills and pedagogical culture.

Key words: professional activity, teachers; pedagogical culture; pedagogical skills; educational organizations of the Federal Penitentiary Service; penal system.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kirillova T.V. Components of pedagogical culture of teachers at educational organizations of the Federal Penitentiary Service. *Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 219–228. doi 10.46741/2686-9764.2024.66.2.013.

Введение

В современных условиях, когда будущее трудно-прогнозируемо на уровне как индивида, так и общества в целом, когда процессы непрерывной транзитивности и изменяемой социальной реальности приводят к нерелексируемым и неконтролируемым стрессовым состояниям, существуют понятия в системе образования, остающиеся неизменно важными и значимыми. Это процессы формирования педагогической культуры преподавателей, от наличия или отсутствия которой зависит весь результат педагогической деятельности.

Упоминания о значении педагогической культуры мы находим в трудах В. А. Сухомлинского, который писал: «Если учитель вдумчиво анализирует свою работу, у него не может не возникнуть интереса к теоретическому осмыслению своего опыта, стремления объяснить причинно-следственные связи между зна-

ниями учеников и своей педагогической культурой... педагог – не только профессия, суть которой передавать знания, но и высокая миссия сотворения личности, утверждения человека в человеке... необходимо выявить, раскрыть и развить все ценное в человеке... распознать, выявить, раскрыть, взлелеять, выпестовать в каждом ученике его неповторимо-индивидуальный талант – значит поднять личность на высокий уровень расцвета человеческого достоинства» [1, с. 102].

Однако изменения в обществе накладывают отпечаток на процесс подготовки курсантов в образовательных организациях ФСИН России, ставят перед исследователями задачи анализа и осмысления феномена «педагогическая культура» в новых условиях, выявления его содержания и структуры.

Понятие «педагогическая культура» включено в практику педагогической деятельности, изучаются

нравственно-эстетический, коммуникативный, технологический, духовный аспекты личности преподавателя. Педагогическая культура понимается как часть общей культуры преподавателя, проявляющаяся в системе профессиональных качеств и специфике педагогической деятельности [2].

Различным аспектам формирования педагогической культуры и педагогического мастерства посвящено немало научных работ.

Вопросы системного подхода к организации непрерывного профессионального образования преподавателей высшей школы в России и за рубежом отражены в работах Л. В. Кузнецовой [3], Г. У. Матушанского [4], Л. И. Соломко [5], Ю. В. Сорокопуд [6; 7].

В. А. Акиндинов [7], С. П. Желтобрюх [8], Е. А. Нагорный [9] анализировали учебный процесс в военном вузе. Е. В. Рябуха, В. Н. Калягин рассматривали понятие, структуру и пути совершенствования педагогической культуры преподавателя военного института [10].

А. А. Караванов и И. Ю. Устинов исследовали феномен профессионально-педагогической культуры преподавателя военного вуза в историческом контексте [11].

В. Х. Ахмедов сделал акцент на развитии профессиональных умений и навыков у преподавателей военных вузов в ходе переподготовки и повышения квалификации [12], А. К. Быков изучал теорию и практику развития педагогического мастерства преподавателей высшей военной школы [13].

В контексте деятельности образовательных организаций МВД России проблему рассматривали А. Н. Лазукин [14], С. Ф. Сердюк [15].

Однако изучению вопросов формирования педагогического мастерства и педагогической культуры преподавателей образовательных организаций ФСИН России и их значению в повышении эффективности и результативности подготовки курсантов уделено недостаточно внимания. Анализ научной литературы дает основание утверждать, что данный феномен рассматривался только в работах Л. В. Шапкиной, Д. В. Сочивко и М. М. Калашниковой и связывался с проблемами прогностического развития [16], а также в работах автора [17–21] применительно к феномену педагогического мастерства. Осмысление содержания понятия «педагогическое мастерство» привело нас к пониманию того, что в ситуации низкого уровня или полного отсутствия педагогической культуры у преподавателя не может идти речи о педагогическом мастерстве. В наших работах мы представляли следующее определение: «профессиональная культура преподавателя образовательной организации ФСИН России – это сущностная характеристика целостной личности педагога, представляющая собой совокупность следующих системных составляющих: системы профессиональных знаний (психолого-педагогических, предметных, культурно-исторических и т. д.); системы ценностных ориентаций (личностных и профессиональных); профессионального поведения, профессиональной этики, профессиональной деятельности. Професси-

ональная культура преподавателя есть результат его компетентности, профессионализма и личностного саморазвития» [22, с. 7]. Поэтому считаем необходимым рассмотреть эти вопросы более подробно, хотя и не во всей их полноте, так как системное раскрытие этой проблемы требует монографического исследования.

Основная часть

Рассмотрим содержание и структуру понятия «педагогическая культура».

Н. В. Ходякова считает культуру личностным феноменом, относительно целостной подсистемой профессиональной и общей культуры человека, связанной с ним едиными категориями (культура мышления, поведения, общения и деятельности). Она предлагает следующую структуру культуры педагогической деятельности: аксиологический (принятие личностного уровня гуманистической ценности педагогической деятельности); коммуникативно-этический (культура общения и сотрудничества в области профессионально-педагогического контакта, эффективное использование различных способов коммуникации для межличностного и коллективного взаимодействия, нравственное поведение в сфере отношений); познавательного-интеллектуального (компетентность и свободная ориентировка в сфере технологий, гибкость и адаптивность мышления, его логический и рефлексивный характер, самостоятельность и открытость новому); прогностический (предвидение возможных последствий педагогической деятельности, профессионально-социальная адаптация в постоянно изменяющихся условиях); прикладной (использование технологических возможностей для наиболее эффективного решения профессиональных задач, освобождение специалиста от выполнения рутинных операций) компоненты» [23].

Ряд ученых обращался к изучению понятия «педагогическая культура» в контексте военной педагогики. Весьма примечательным является взгляд на проблему педагогической культуры А. В. Барабанщикова и С. С. Муцынова, которые трактуют ее как синтез педагогических убеждений и мастерства, педагогической этики и профессионально-педагогических качеств, стиля учебно-воспитательной работы и отношения преподавателя к своему делу и самому себе. Выделяют следующие личностные и профессионально-педагогические качества: 1) военно-патриотическая направленность, высокая психолого-педагогическая эрудиция, интеллигентность, гармония интеллектуальных и нравственных качеств, педагогический оптимизм; 2) высокое педагогическое мастерство, постоянная опора на научные данные и передовой опыт в обучении и воспитании, чувство нового и творческий поиск в учебно-воспитательной и организаторской работе, педагогически действенное общение и поведение, активная устремленность к самосовершенствованию [24].

Мы поддерживаем позицию Л. Д. Столяренко, которая рассматривает педагогическую культуру как динамическую систему ценностей, способов деятельности и профессионального поведения

учителя и выделяет следующие компоненты педагогической культуры: педагогическая позиция учителя; профессионально-личностные качества учителя, отражающие направленность его личности, профессионально-нравственный облик, отношение к педагогическому труду, его интересы и духовные потребности; профессиональные знания; профессиональные умения; культура педагогического мышления, саморегуляция личности и культура профессионального поведения [25].

Т. В. Иванова закономерно предлагает рассматривать педагогическую культуру как неотъемлемую часть общей культуры личности, считая ее интегративным качеством личности. По ее мнению, структура педагогической культуры включает в себя определенную направленность (высокая методологическая и методическая культура педагога, наличие морально-этических ценностей, готовность осуществлять творческую деятельность); культуротворческий опыт (наличие знаний о культуре, способность к общению с культурой и в культуре, к ее воспроизводству); новое педагогическое мышление (способность к культурно обусловленному суждению, к познанию и переживанию культуры, к самоопределению культуры) [26].

З. Н. Калева и Т. Е. Исаева предлагают использовать педагогическую культуру и профессиональную компетентность преподавателя высшей школы в качестве показателей качества образовательного процесса [27; 28]

Наряду с термином «педагогическая культура» в научных исследованиях фигурирует понятие «профессионально-педагогическая культура». Так, П. И. Костенко в своих работах рассматривает сущность, структуру и содержание понятия «профессионально-педагогическая культура». Он выделяет особенности и ключевые условия развития профессионально-педагогической культуры преподавателя военного вуза: профессионально-педагогическое саморазвитие (самосовершенствование) личности педагога и развитие профессионально-педагогического пространства вуза [29].

Важными, на наш взгляд, являются размышления исследователя о необходимости разграничения понятий «профессионально-педагогическая компетентность» и «профессионально-педагогическое мастерство». Он отмечает, что педагогическую культуру личности правомерно понимать как интегративное качество личности, предопределяющее высокую результативность педагогической деятельности; условие и предпосылку эффективной педагогической деятельности; обобщенный показатель компетентности педагога; цель профессионального самосовершенствования. При этом утверждает, что понимаемая как интегративное качество личности профессионально-педагогическая культура может рассматриваться в виде совокупности профессионально-педагогической компетентности, развитой до уровня педагогического мастерства, и общей культуры личности.

И. Ф. Исаевым в структуре профессионально-педагогической культуры выделяются аксиологический (ценностный), технологический и личностно-

творческий компоненты [30]. Также отметим работы В. Л. Бенина, рассмотревшего проблему в философско-социологическом аспекте [31], Н. Н. Костиной, изучавшей зарубежный опыт профессионально-педагогической подготовки преподавателей высшей школы [32], Е. Н. Золотухиной и А. А. Червовой, определивших сущность и выделивших основные компоненты педагогической культуры преподавателя высшей школы [33].

Результаты

Далее представим свой взгляд на структуру педагогической культуры. Изучение многочисленных научных статей вывело нас на идею представить структуру педагогической культуры преподавателя образовательной организации ФСИН России через выявление этапов педагогической деятельности преподавателя и педагогических умений, необходимых на каждом этапе. При этом мы целенаправленно избегаем терминов «компетенция» и «компетентность», ограничивая свои рассуждения понятием «педагогические умения».

Педагогические умения преподавателя образовательной организации ФСИН России как субъективный человеческий фактор отражают его воспитанность, мировоззрение и черты характера, являются составляющими компонентами профессиональной педагогической культуры. Нельзя преуменьшать значение субъективного фактора, умений преподавателя принимать правильные педагогические решения и педагогически правильно действовать. На качество решения влияют эмоционально субъективные факторы и оценка информации. Умение работать с информацией, компетентно ее оценивать и умело использовать способствует повышению качества решения. Квалифицированно это делается преподавателем образовательной организации ФСИН России только в том случае, когда он хорошо понимает психологическую структуру педагогической деятельности, ее функциональные особенности, систему показателей, позволяющих оценивать воспитательные решения и действия как умение, имеет высокую профессионально-педагогическую культуру.

Определим основные педагогические умения, необходимые для совершения преподавателем ведомственного учебного заведения педагогических действий.

В педагогической деятельности бесконечно велико число конкретных эвристических решений и действий. Поэтому для разработки модели педагогических умений преподавателя, обладающего высоким педагогическим мастерством и профессионально-педагогической культурой, необходимо выделить и обосновать комплекс самых существенных педагогических действий. Таким образом мы создадим концептуальную модель педагогической культуры.

На основе обобщения теоретического материала и анализа передового педагогического опыта мы попытались выделить перечень типичных умений и отразить его в ограниченных структурно-функциональных моделях этапов педагогической деятельности преподавателя.

Вслед за известными педагогами выделим следующие этапы деятельности преподавателя образовательной организации ФСИИ России. Первый этап, на наш взгляд, связан с решением психолого-педагогических задач по изучению и диагностике обучающихся, их потребностей и запросов, их интересов. На основе этого определяется комплекс воспитательных и образовательных целей. Таким образом осуществляется педагогическое целеполагание. Второй этап связан с планированием предстоящих занятий, третий – с практическим осуществлением намеченных планов, четвертый – с анализом стоящих перед преподавателем педагогических задач, оценкой успехов и недостатков в преподавательской деятельности. На последнем этапе определяется, в какой мере достигнута цель, сравниваются исходные и образовавшиеся у обучающихся новые знания, интересы, состояния, фиксируются произошедшие изменения. Анализируются причины удачного и неудачного, не принесшего желаемого результата педагогического воздействия, эффективность использованных воспитательных средств, методов и форм преподавательской деятельности.

На первом этапе необходимо, чтобы преподаватель образовательной организации ФСИИ России обладал следующим комплексом эвристических действий:

1. Умение наблюдать – выделение из множества реальных психолого-педагогических факторов самых существенных, последовательное выполнение планов и программ, накопление фактов в процессе преподавательской деятельности, обобщение фактов в соответствующих диагностических выводах и заключениях.

2. Умение беседовать – целесообразность, точная постановка проблемных вопросов в тактичной форме; оперативное выявление главных вопросов, интересующих преподавателя и обучающихся; располагающее приглашение обучающихся к разговору; психолого-педагогический учет особенностей в индивидуальных и групповых беседах; быстрый подбор и использование убеждающих аргументов, достижение атмосферы доверия, откровенности; правильные и обобщающие заключения из установленных, приведенных в разговоре фактов.

3. Умение использовать интервью – составление разных типов программ опросов; способность во время беседы экономно и точно фиксировать факты с выделением самых значимых признаков; способность делать достоверные выводы на основе собранного материала.

4. Умение использовать творческие работы обучающихся – анализ творческих работ обучающихся, фиксирование той информации, которая может быть использована на последующих занятиях.

5. Умение использовать психолого-педагогические знания для оценки психического состояния обучающихся – соотнесение психолого-педагогических знаний с наблюдаемыми состояниями обучающихся; системное описание, объяснение фактов, характеризующих настроение, установки, потребности

слушателей; в соответствии с логикой решений воспитательных задач; творческое оперирование выводами, полученными в результате анализа ситуации, знаниями для целей педагогической диагностики обучающихся, оперативное обдумывание предстоящих решений воспитательных задач.

6. Умение использовать знания для определения комплекса конкретных воспитательных задач – соотнесение знания общих цели и содержания воспитания с реальными знаниями слушателей; применение прогностических заданий для правильных формулировок комплекса образовательных, воспитательных целей занятия; учет при определении цели занятий реальных познавательных возможностей обучающихся и условий практической работы.

7. Умение сопоставлять факты для осуществления диагностики целеполагания – использование приемов сравнения, соотнесение фактов с установлением их сходства и различия, фиксированием степеней большей или меньшей выраженности тех или иных признаков или состояния педагогических объектов.

На втором этапе работы, как правило, имеют значение следующие типичные успешные педагогические действия:

1. Умение обнаруживать систему педагогических задач, выделять главную при разработке плана занятия – выявление совокупности и комплекса задач, различных по содержанию, способам, средствам их решения; выявление зависимости между задачами и выяснение того, что решение одних связано с результатами решения других.

2. Умение определить основные условия решения задач – прогнозирование необходимых и достаточных, объективных и субъективных условий, реализация которых обеспечивает эффективное решение воспитательных задач в процессе обучения.

3. Умение прогнозировать, предсказывать степень профессионального, культурного и нравственного развития обучающихся – построение модели возможных вариантов обогащения обучающихся профессиональной и другой информацией в ходе занятий; формирование гипотетических представлений о том, какие новые знания могут образоваться, какие стремления, настроения и потребности могут возникнуть у обучающихся в результате планируемых занятий.

4. Умение осуществлять методические отбор, разработку информации для предстоящих занятий – подбор, группировка, аннотирование необходимой и достаточной информации из разных источников для воспитательных или обучающих целей, для работы на предстоящих занятиях, ее целесообразная переработка и упорядочивание, планирование, конспектирование, дозирование и т. д.

5. Умение планировать активные формы, методы и приемы изложения материала на занятиях – прогнозирование различных видов доказательств, комплексов демонстрации, практических заданий, активизирующих познавательную деятельность обучающихся; моделирование возможной проблемной ситуации вероятных путей их решения.

6. Умение планировать работу отдельных обучающихся – прогнозирование возможностей решения разных типов заданий отдельными обучающимися с учетом их способностей, интересов, перспектив развития, а также специфики и трудности поставленных перед ними задач.

7. Умение мысленно ставить себя на место обучающегося – установление на основе теоретических психолого-педагогических знаний конкретных суждений об отдельных обучающихся, суждений о наиболее вероятных их психических состояниях.

8. Умение правильно представлять, планировать взаимоотношения с обучающимися – прогнозирование отношений с обучающимся, учет собранной педагогической информации, произведение оценки при планировании процесса обучения.

9. Умение планирования подачи учебного материала, составления планов занятий – оформление логической последовательности основных положений содержания, прогностическая информация, предварительный анализ, отбор информации в соответствии с целями занятия.

10. Умение оценивать деятельность других преподавателей и использовать их опыт для планирования и совершенствования своей работы – установление достоинств, недостатков решения педагогических задач другими преподавателями, творческое использование передового педагогического опыта для планирования своей преподавательской деятельности.

На третьем этапе работы преподавателя образовательной организации ФСИН России имеют существенное значение следующие типичные педагогические действия:

1. Умение сообщать информацию – изложение информации научно и достоверно, ясно, четко, логично, кратко, эмоционально выразительно, оперативно, своевременно и быстро.

2. Умение убеждать и доказывать – приведение доказательства аргументированно; создание эмоционально располагающей к себе атмосферы, соблюдение педагогического такта, правильная постановка вопросов, обеспечение согласия с точкой зрения преподавателя, оперативное исправление ошибочных рассуждений обучающихся, если они обнаруживаются в ходе занятия в форме реплик или корректных вопросов.

3. Умение целесообразно использовать содержание занятия для воспитания обучающихся – использование комплексного подхода к содержанию воспитания в ходе занятий; учет цели воспитания при оперативном выборе подачи научно-методического содержания информации; реализация такого содержания, которое возможно полнее соответствует стоящим перед преподавателем задачам воспитательной работы.

4. Умение использовать разнообразные педагогические средства, в том числе и технические, информационные, применение на практике таких комплексов педагогических средств, которые соответствуют условиям решения образовательных и

воспитательных задач; осуществление целесообразной педагогической инструментальной; эффективное использование комплекса технических и информационно-технических средств обучения.

5. Умение показывать личный пример – демонстрация, четкое объяснение и показ способов, приемов выполнения работы; использование разнообразных возможностей для нравственного воздействия на слушателей своей преподавательской деятельностью и внешним видом.

6. Умение стимулировать самообразование обучающихся и оказывать им методическую помощь – оказание практической помощи путем соответствующих советов, разъяснений, демонстраций; использование убеждений и показ интересных заданий с целью активизации работы слушателей по самообразованию.

7. Умение строить и поддерживать в ходе занятия контакт со слушателями, педагогическое общение – проявление гуманизма, патриотизма, интернационализма, требовательности и справедливости во время учебных занятий.

8. Умение осуществлять оперативный и постоперативный контроль за восприятием материала обучающимися – оценка количества и качества усвоенной информации с использованием различных методик и форм обратной связи, тактичные советы о том, что надо делать, чтобы лучше запоминать основные положения изучаемого материала.

На заключительном, четвертом, этапе проявляются следующие педагогические умения:

1. Умение определять степень достижения цели на основе сравнения, установления состояния удовлетворенности или неудовлетворенности обучающихся, усвоение материала по их вопросам, предложениям, пожеланиям и отзывам. Оценка разнообразных фактов свидетельствует об отношении обучающихся к изложенному материалу, использованным педагогическим приемам, доказательствам, педагогическим умениям и личностным качествам преподавателя и др.

2. Умение устанавливать причины недостатков своих педагогических действий или деятельности – самокритичность, анализ своей работы, установление зависимости между выполненной педагогической деятельностью и ее педагогическими результатами.

3. Умение соотносить свой опыт с теорией педагогики и методическими рекомендациями – анализ соответствия своей педагогической деятельности требованиям педагогической теории, методическим рекомендациям; оперативное самокритичное фиксирование в своих заключениях степени творческих достижений и методических ошибок при решении педагогических задач.

4. Умение использовать результаты анализа для планирования следующего этапа преподавательской деятельности – обобщение результатов анализа преподавательской деятельности и отбор практически значимых выводов для использования их при постановке последующих педагогических задач.

Все этапы педагогической деятельности преподавателя образовательной организации ФСИН России опосредуются системой ценностных ориентаций. Преподаватель, опираясь на общественные ценности и задачи развития уголовно-исполнительной системы, определяет, что ему нужно делать для совершенствования своей преподавательской деятельности, для того, чтобы каждое учебное занятие активно стимулировало и преподавателей, и обучающихся к личностному и духовному росту.

Выводы

Каждый преподаватель образовательной организации ФСИН России, обзревая возможные варианты своих педагогических решений и действий, делает выбор в пользу одних и отвергает другие. При этом на эффективность его профессиональной деятельности в решающей мере влияют его педагогическая культура и собственно черты характера. В умелых действиях преподавателя всегда проявляются его деловые, моральные и личностные качества, педагогическая культура и мастерство. От степени зрелости, мировоззрения и нравственной направленности личности преподавателя, от его профессионально-педагогической культуры зависят обстоятельная работа с новой научной, общественно и политически значимой информацией, ее оценка под разными углами зрения при подготовке к занятиям.

Требовательность преподавателя к себе, с точки зрения реализации принципа проблемности представления учебного материала, также выявляет направленность и культуру личности преподавателя, оказывает определенное влияние на эффективность воспитательных воздействий на обучающихся. Интеллектуальные, эмоциональные, волевые черты характера педагога так или иначе проявляются в системе отношений преподавателя с обучающимися, в особенностях его общения со слушателями. Поэтому каждому преподавателю необходимо последовательно работать над своей профессионально-педагогической культурой, воспитанием профессионально значимых черт характера, таких как самообладание, эмоциональная устойчивость, самокритичность, терпимость к мнению других людей, педагогический такт и др.

Также следует отметить, что образовательный процесс в ведомственных организациях отличает-

ся рядом особенностей. Это нормативно-правовая и организационно-управленческая регламентация жизни и деятельности; практико-ориентированное обучение и воспитание с учетом специфики будущей профессиональной деятельности, характеризующейся особыми условиями несения службы; субординационные, дисциплинарные отношения в служебной деятельности, режим секретности, ограниченность контактов с родственниками, повышенные требования к физической подготовке. Эти и иные особенности также оказывают влияние на образовательный процесс в целом и на формирование педагогической культуры командно-преподавательского состава. Отличительными показателями профессиональной культуры преподавателя образовательной организации ФСИН России являются умение организовать педагогический процесс в условиях жесткой субординации и совмещения обучения с исполнением курсантами служебных обязанностей, а также творческий подход к преподаваемым дисциплинам и самому педагогическому процессу. Преподаватель создает индивидуальную образовательную среду. Преподавателю с высоким уровнем культуры присущи высокая духовная культура, высокоразвитая личностная сфера, самобытность, высокий уровень коммуникативной культуры и креативность, научно-исследовательский потенциал. Также к компонентам профессиональной культуры преподавателя образовательной организации ФСИН России мы можем отнести и особенности проявления профессионального поведения, профессиональной этики и профессиональной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональная культура преподавателя образовательной организации ФСИН России выступает одним из социально значимых показателей образованности человека, отражающей совокупность его духовных и материальных ценностей, степень творческой самореализации и актуализации. Ее развитию в современной социокультурной среде способствуют как общественно-государственные условия, вызывающие потребность в непрерывном образовании и самообразовании, так и психологическая направленность индивидуальных черт и качеств преподавателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухомлинский В. А. Избранные произведения : в 5 т. Киев, 1980. Т. 5. 678 с.
2. Терещенко Г. Ф. Особенности педагогической культуры преподавателя вуза // Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы : сб. тр. конф. Тамбов, 2016. 496 с.
3. Кузнецова Л. В. Педагогические основы подготовки преподавателя вуза в современной системе высшего образования Великобритании, Шотландии и России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2001. 23 с.
4. Матушанский Г. У. Система непрерывного профессионального образования преподавателя высшей школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Калуга, 2003. 44 с.
5. Соломко Л. И. Педагогические условия непрерывного образования преподавателей высшей школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1998. 18 с.
6. Сорокопуд Ю. В. Развитие системы подготовки преподавателей высшей школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 40 с.
7. Акиндинов В. А. Повышение эффективности педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 47 с.
8. Желтобрюх С. П. Развитие педагогического профессионализма преподавателя военного учебного заведения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2002. 38 с.

9. Нагорный Е. А. Педагогическая культура и профессионализм преподавателя высшей военной школы, пути их совершенствования и развития // *Актуальные исследования*. 2020. № 21 (24). С. 119–124.
10. Рябуха Е. В., Калягин В. Н. Педагогическая культура преподавателя военного института: понятие, структура и пути совершенствования // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 60-3. С. 280–283.
11. Караванов А. А., Устинов И. Ю. Исследование феномена профессионально-педагогической культуры преподавателя военного вуза: история и современность // *Научное обозрение. Педагогические науки*. 2017. № 4. С. 62–79.
12. Ахмедов В. Х. Развитие профессиональных умений и навыков у преподавателей военных вузов в ходе переподготовки и повышения квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 24 с.
13. Быков А. К. Теория и практика развития педагогического мастерства преподавателей высшей военной школы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 54 с.
14. Лазукин А. Д. Развитие теории и практики профессионально-педагогической подготовки преподавателей образовательных учреждений МВД России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 59 с.
15. Сердюк С. Ф. Теоретико-прикладные основы совершенствования профессионального мастерства преподавателей вузов МВД России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2002. 45 с.
16. Шатохина Л. В., Калашникова М. М., Сочивко Д. В. Проблема прогностического развития педагогической культуры преподавателей в системе образовательных организаций // *Человек: преступление и наказание*. 2018. Т. 26 (1–4), № 4. С. 495–499.
17. Кириллова Т. В. Воспитательное пространство образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2018. № 4. С. 130–134.
18. Кузнецов М. И., Кириллова Т. В. О мерах по совершенствованию подготовки научно-педагогических кадров для научных и образовательных организаций ФСИН России // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2022. № 4. С. 22–24.
19. Кириллова Т. В. Системно-личностный подход к повышению профессионального мастерства преподавателей образовательных организаций высшего образования ФСИН России // *VII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина : сб. материалов : в 3 т. / сост. А. И. Согрина*. Пермь, 2021. Т. 3. С. 59–64.
20. Кириллова Т. В. Коммуникативная компетентность преподавателей как фактор повышения качества профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций высшего образования ФСИН России // *Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. / сост. В. А. Овченков*. Пермь, 2020. Т. II. 305 с.
21. Кириллова Т. В., Кузнецов М. И. О совершенствовании деятельности образовательных организаций ФСИН России // *Перспективы науки*. 2019. № 4 (115). С. 207–209.
22. Кириллова Т. В. К вопросу о содержании понятия профессиональной культуры преподавателей образовательных организаций ФСИН России // *Вопросы педагогики*. 2021. № 1-1. С. 106–109.
23. Ходякова Н. В. Личностный подход к формированию информационной культуры выпускников вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 17 с.
24. Барабанщиков А. В., Муцынов С. С. Проблемы педагогической культуры: о педагогической культуре преподавателя высшего учебного заведения. М., 1980. 208 с.
25. Столяренко Л. Д. Основы психологии : учеб. пособие. М., 2012. 458 с.
26. Иванова Т. В. Формирование педагогической культуры будущего учителя в учебном процессе (на материале дисциплин педагогического цикла) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1991. 19 с.
27. Калеева З. Н. Профессиональная компетентность и педагогическая культура преподавателя высшей школы как показатель качества образовательного процесса // *Военный научно-практический вестник*. 2015. № 1 (2). С. 90–92.
28. Исаева Т. Е. Педагогическая культура учителя как условие и показатель качества образовательного процесса в высшей школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2003. 17 с.
29. Костенок П. И., Панасенко Ю. А. Профессионально-педагогическая культура преподавателя военного ВУЗа: сущность, структура, содержание, особенности и условия развития // *Вестник Таджикского национального университета*. 2018. № 1. С. 208–214.
30. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. 176 с.
31. Бенин В. Л. Педагогическая культура: философско-социологический анализ. Уфа, 1997. 178 с.
32. Костина Н. Н. Профессионально-педагогическая подготовка преподавателя высшей школы США : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 17 с.
33. Золотухина Е. Н., Червова А. А. Сущность и основные компоненты педагогической культуры преподавателя высшей школы // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. № 4. С. 56–58.

REFERENCES

1. Sukhomlinskii V.A. *Izbrannye proizvedeniya: v 5 t. T. 5* [Selected works: in 5 vols. Volume 5]. Kiev, 1980. 678 p. (In Russ.).
2. Tereshchenko G.F. Features of pedagogical culture of a university teacher. In: *Professional'no-lichnostnoe razvitie prepodavatelya i studenta: traditsii, problemy, perspektivy: sb. tr. konf.* [Professional and personal development of a teacher and a student: traditions, problems, prospects: conference proceedings]. 2016. P. 126–133. (In Russ.).
3. Kuznetsova L.V. *Pedagogicheskie osnovy podgotovki prepodavatelya vuza v sovremennoi sisteme vysshego obrazovaniya Velikobritanii, Shotlandii i Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical foundations of university teacher training in the modern system of higher education in Great Britain, Scotland and Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2001. 23 p.
4. Matushanskii G.U. *Sistema nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya prepodavatelya vysshei shkoly: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [System of lifelong professional education of a higher school teacher: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Kaluga, 2003. 44 p.

5. Solomko L.I. *Pedagogicheskie usloviya nepreryvnogo obrazovaniya prepodavatelei vysshei shkoly: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical conditions of lifelong education of teachers of higher education: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Kazan, 1998. 18 p.
6. Sorokopud Yu.V. *Razvitie sistemy podgotovki prepodavatelei vysshei shkoly: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Development of the higher school teacher training system: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2012. 40 p.
7. Akindinov V.A. *Povyshenie effektivnosti pedagogicheskoi deyatel'nosti professorsko-prepodavatel'skogo sostava vysshikh voenno-uchebnykh zavedenii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Improving effectiveness of pedagogical activity of the teaching staff of higher military educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 47 p.
8. Zheiltobryukh S.P. *Razvitie pedagogicheskogo professionalizma prepodavatelya voennogo uchebnogo zavedeniya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Development of pedagogical professionalism of a teacher of a military educational institution: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Yaroslavl, 2002. 38 p.
9. Nagornyi E.A. Pedagogical culture and professionalism of the teacher of the higher military school, ways of their improvement and development. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*, 2020, no. 21 (24), pp. 119–124. (In Russ.).
10. Ryabukha E.V., Kalyagin V.N. Pedagogical culture of a teacher of a military institute: concept, structure and ways of improvement. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 60–3, pp. 280–283. (In Russ.).
11. Karavanov A.A., Ustinov I.Yu. A study of the phenomenon of professional-pedagogical culture teacher of military university: history and modernity. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific Review. Pedagogical Science*, 2017, no. 4, pp. 62–79. (In Russ.).
12. Akhmedov V.Kh. *Razvitie professional'nykh umenii i navykov u prepodavatelei voennykh vuzov v khode perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Development of professional skills among teachers of military universities during retraining and advanced training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 24 p.
13. Bykov A.K. *Teoriya i praktika razvitiya pedagogicheskogo masterstva prepodavatelei vysshei voennoi shkoly: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Theory and practice of the development of pedagogical skills of teachers of the higher military school: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2000. 54 p.
14. Lazukin A.D. *Razvitie teorii i praktiki professional'no-pedagogicheskoi podgotovki prepodavatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [The development of theory and practice of professional and pedagogical training of teachers of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2001. 59 p.
15. Serdyuk S.F. *Teoretiko-prikladnye osnovy sovershenstvovaniya professional'nogo masterstva prepodavatelei vuzov MVD Rossii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Theoretical and applied foundations of improving professional skills of university teachers of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Voronezh, 2002. 45 p.
16. Shatokhina L.V., Kalashnikova M.M., Sochivko D.V. The problem of prognostic development of pedagogical culture of teachers in the system of educational organizations. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26 (1–4), no. 4, pp. 495–499. (In Russ.).
17. Kirillova T.V. Educational space of the educational organizations of the Federal Penitentiary Service. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2018, no. 4, pp. 130–134. (In Russ.).
18. Kuznetsov M.I., Kirillova T.V. On the means of improvement of training of academic personnel for scientific and educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2022, no. 4, pp. 22–24. (In Russ.).
19. Kirillova T.V. A systematic and personal approach to improving the professional skills of teachers of educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *VII Pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S.I. Zlobina: sb. materialov: v 3 t.* [VII Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: proceedings: in 3 volumes]. Perm, 2021. Pp. 59–64. (In Russ.).
20. Kirillova T.V. Communicative competence of teachers as a factor in improving the quality of professional training of cadets of educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sb. materialov VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. T. II* [Penitentiary system and society: experience of interaction: proceedings of the VII International scientific and practical conference. Volume II]. 2020. Pp. 168–171. (In Russ.).
21. Kirillova T.V., Kuznetsov M.I. Improvement of educational organizations of Federal Penitentiary Service of Russia. *Perspektivy nauki = Science Prospects*, 2019, no. 4 (115), pp. 207–209. (In Russ.).
22. Kirillova T.V. On the issue of the content of the concept of professional culture of teachers of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Voprosy pedagogiki = Issues of Pedagogy*, 2021, no. 1–1, pp. 106–109. (In Russ.).
23. Khodyakova N.V. *Lichnostnyi podkhod k formirovaniyu informatsionnoi kul'tury vypusknikov vuzov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Personal approach to the formation of information culture of university graduates: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 1996. 17 p.
24. Barabanshchikov A.V., Mutsynov S.S. *Problemy pedagogicheskoi kul'tury: o pedagogicheskoi kul'ture prepodavatelya vysshego voennogo uchebnogo zavedeniya* [Problems of pedagogical culture: on the pedagogical culture of a teacher of a higher military educational institution]. Moscow, 1980. 208 p.
25. Stolyarenko L.D. *Osnovy psikhologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of psychology: textbook]. Moscow, 2012. 458 p.
26. Ivanova T.V. *Formirovanie pedagogicheskoi kul'tury budushchego uchitelya v uchebnom protsesse (na materiale distsiplin pedagogicheskogo tsikla): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of pedagogical culture of the future teacher in the educational process (based on the material of the disciplines of the pedagogical cycle): Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 1991. 19 p.

27. Kaleeva Z.N. Professional competence and pedagogical culture of a higher school instructor as an indicator of the educational process quality. *Voennyi nauchno-prakticheskii vestnik = Military Scientifically-Practical Herald*, 2015, no. 1 (2), pp. 90–92. (In Russ.).
28. Isaeva T. E. *Pedagogicheskaya kul'tura uchitelya kak uslovie i pokazatel' kachestva obrazovatel'nogo protsessa v vysshei shkole: avtoref. dis ... kand. ped. nauk* [Teacher's pedagogical culture as a condition and indicator of the quality of the educational process in higher education: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2003. 17 p.
29. Kostenok P.I., Panasenko Yu.A. Professional-pedagogical culture of the instructor of military VUZ (institute of higher education): essence, structure, the content, special features and the conditions. *Vestnik Tadzhijskogo natsional'nogo universiteta = Bulletin of the Tomsk National University*, 2018, no. 1, pp. 208–214.
30. Isaev I.F. *Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Professional and pedagogical culture of a teacher: textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, 2004. 176 p.
31. Benin V.L. *Pedagogicheskaya kul'tura: filosofsko-sotsiologicheskii analiz* [Pedagogical culture: philosophical and sociological analysis]. Ufa, 1997. 178 p.
32. Kostina N.N. *Professional'no-pedagogicheskaya podgotovka prepodavatelya vysshei shkoly SShA: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Professional and pedagogical training of a teacher of a higher school in the USA: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2000. 17 p.
33. Zolotukhina E.N., Chervova A. A. The essence and main components of the pedagogical culture of a higher school teacher. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2009, no. 4, pp. 56–58. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА КИРИЛЛОВА – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, Рязань, Россия, tatiana-kirillova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>

TAT'YANA V. KIRILLOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at the Department for Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Center for Research on the Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Penal System Employees of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, tatiana-kirillova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>

Статья поступила 05.04.2024

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да (отнесен к категории К2)

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>